От автора.

М. М. Боровитиновъ.

Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій

и его

профессорская, научно-литературная и общественная дѣятельность.

Біографическій очеркъ.

С.-Петербургъ.
1910.

Глубокоуважаемому Николаю Андреевичу
Звягреву
От автора.
М. Боровитинов
14 сентября 1910 г. М. М. БОРОВИТИНОВЪ.

НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ СЕРГѢЕВСКІЙ

и его

профессорская, научно-литературная и общественная дѣятельность.

Біографическій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910.

1984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГА10
Б.738 Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
1923
13 9318

Типографія СПБ. Одиночной Тюрьмы. Арсенальная наб., № 5.

Н. Сергѣевскій

I [1]).

Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ исторіи русской юридической науки были временемъ исключительнымъ—временемъ обновленія и необыкновеннаго подъема ея творческихъ силъ. Объяснялся этотъ подъемъ, конечно, главнымъ образомъ общимъ возбужденіемъ, которое испытывала въ то время Россія, возбужденіемъ мощнымъ и радостнымъ, напоминавшимъ, по образному сравненію одного профессора, начавшаго въ 1867 году свою преподавательскую дѣятельность, тотъ подъемъ жизни, который чувствуется лицами, переживающими на югѣ первыя проявленія южной весны, когда жизнетворною силою проникнутъ каждый атомъ міроздания, когда гулко и весело бьется пульсъ жизни во всей расцвѣтающей природѣ [2]).

Ключемъ била жизнь въ то время и на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. За все время своего существованія въ отношеніи притока научныхъ силъ факультетъ никогда, кажется, не видѣлъ ничего подобнаго тому, что имѣло мѣсто въ первое десятилѣтіе послѣ судебной реформы. Одинъ за другимъ начинали преподаваніе въ университетѣ молодые ученые, имена которыхъ сдѣлались извѣстны впослѣдствіи всей Россіи. Несмотря на вспыхивавшія по временамъ волненія среди студенчества, преподаваніе въ общемъ шло успѣшно; молодежь привлекалась къ само-

[1]) Въ основѣ настоящаго біографическаго очерка лежитъ рѣчь, произнесенная авторомъ въ торжественномъ засѣданіи Русскаго Окраиннаго Общества, посвященномъ чествованію памяти Н. Д. Сергѣевскаго, 29 ноября 1908 года.

[2]) *Таганцевъ.* Послѣднее двадцатипятилѣтіе въ исторіи уголовнаго права (1867—1892 г.). СПБ., 1892 г., стр. 6.

стоятельной работѣ; подъ руководствомъ профессоровъ образовывались научные кружки.

Въ одномъ изъ такихъ кружковъ, организованномъ молодымъ въ то время профессоромъ, а нынѣ маститымъ ученымъ и государственнымъ дѣятелемъ, пользующимся европейскою извѣстностью, Николаемъ Степановичемъ Таганцевымъ, и началась въ 1871 году научная дѣятельность того крупнаго русскаго ученаго, блескъ имени котораго черезъ 15—20 лѣтъ не уступалъ блеску имени его учителя, и освѣщенію личности котораго посвященъ настоящій очеркъ,— Николая Дмитріевича Сергѣевскаго [3]). 1 сентября 1872 года послѣ блестяще написанной диссертаціи кандидатъ правъ Сергѣевскій былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію и въ качествѣ магистранта, несмотря на взятое имъ на себя сейчасъ же по окончаніи университета преподаваніе въ частныхъ гимназіяхъ Мая и Шаффе, которое несомнѣнно мѣшало его спеціальной подготовкѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ успѣлъ настолько выдвинуться, что уже въ 1874 году его не поколебались назначить и. д. доцента Демидовскаго юридическаго лицея. Приглашенный въ лицей первоначально на каѳедру уголовнаго судопроизводства Николай Дмитріевичъ открылъ курсъ чтеній 27 ноября 1874 года вступительною лекціею на тему объ „основныхъ началахъ и формахъ уголовнаго процесса.“ Эта лекція была имъ напечатана во „Временникѣ Демидовскаго юридическаго лицея“ (кн. 9, стр. 595—614); вслѣдъ за нею въ 1875 году появился во „Временникѣ“ очеркъ изъ его курса по уголовному процессу, касавшійся одного изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ,—„о судѣ присяжныхъ“ (кн. 11, стр. 1—92).

---

[3]) Н. Д. Сергѣевскій происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи, родился 7 октября 1849 года. Среднее образованіе получилъ въ Псковской гимназіи, курсъ которой окончилъ съ золотой медалью въ 1868 году.

Поставленный въ необходимость силою вещей посвятить первые годы своей преподавательской дѣятельности разработкѣ вопросовъ процессуальнаго права, Николай Дмитріевичъ этими вопросами, однако, не увлекся. Область процесса была для него узка. Ни на одну минуту онъ не оставлялъ мысли возвратиться въ область права матеріальнаго, къ его кардинальнымъ вопросамъ, и въ частности къ тому вопросу, который, по совѣту проф. Таганцева, онъ избралъ темой своей кандидатской диссертаціи,—вопросу о причинной связи въ уголовномъ правѣ. Объясняя во время магистерскаго диспута въ 1880 году, почему онъ и для магистерской диссертаціи остановился на этомъ вопросѣ, Сергѣевскій ярко охарактеризовалъ центральное положеніе, занимаемое вопросомъ о причинной связи въ системѣ науки, зависимость отъ того или иного разрѣшенія его большинства выводовъ и положеній, извлекаемыхъ изъ различныхъ отдѣловъ ученія о преступленіи. По его словамъ, съ нимъ случилось то, что происходило со всѣми изслѣдователями, работавшими по этому вопросу. Разъ принявшись за него, многіе писатели не оставляли его вовсе; для нѣкоторыхъ онъ сдѣлался единственнымъ и исключительнымъ предметомъ литературныхъ работъ: „Съ того времени какъ я началъ заниматься вопросомъ о причинной связи въ 1872 году—говорилъ Николай Дмитріевичъ—вопросъ этотъ, можно сказать, началъ меня преслѣдовать; о чемъ бы я ни думалъ, о чемъ бы ни писалъ, онъ всегда стоялъ предъ глазами. Не я выбралъ его такимъ образомъ предметомъ диссертаціи, а онъ самъ неотвязно и настойчиво преслѣдовалъ меня и требовалъ разрѣшенія. И только тогда, когда я покончилъ съ этимъ вопросомъ, могъ я окончательно справиться съ системою науки“ [4]).

Въ этомъ признаніи молодого преподавателя рѣзко вырисовывается основная черта характера Николая Дмитріе-

[4]) Диспутъ г. Сергѣевскаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Журн. гражд. и угол. права, 1880 г., кн. 3, замѣтки, стр. 114 — 115.

вича, отличавшая впослѣдствіи всю его научную и общественную дѣятельность—не обходить трудныхъ проблемъ и не принимать на вѣру чужого мнѣнія, а углубляться въ существо вопроса, чтобы затѣмъ дать на него сознательный отвѣтъ. О томъ же, что вопросъ о причинной связи является однимъ изъ труднѣйшихъ, если не самымъ труднымъ вопросомъ въ уголовномъ правѣ, между спеціалистами не можетъ быть двухъ мнѣній. Рекомендація этого вопроса какъ темы для диссертаціи является наилучшимъ доказательствомъ исключительно высокаго мнѣнія, которое имѣлъ учитель о способностяхъ своего ученика, такъ какъ ученому среднихъ дарованій этотъ вопросъ вообще не по силамъ.

Осуществить свое желаніе относительно возвращенія къ разработкѣ вопросовъ матеріальнаго права Николай Дмитріевичъ получилъ возможность послѣ двухлѣтняго чтенія лекцій по процессу, будучи командированъ въ началѣ 1877 года за границу, гдѣ оставался почти два года. Большую часть этого времени онъ провелъ въ Лейпцигѣ, слушая тамъ успѣвшаго уже прославиться Биндинга, который оказалъ на него большое вліяніе, а остальную часть въ Грацѣ, посѣщая лекціи Варга и усиленно работая надъ магистерской диссертаціей. Къ работѣ надъ диссертаціей присоединились занятія методологическими вопросами. Находясь въ центрѣ научной жизни, Николай Дмитріевичъ окунулся съ головой въ тотъ водоворотъ, который представляли изъ себя существовавшія въ то время въ наукѣ теченія, и вышелъ изъ него съ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, которому остался затѣмъ вѣренъ всю свою жизнь.

Въ рождественскій сочельникъ 1878 года Николай Дмитріевичъ вернулся въ Ярославль съ готовой диссертаціей и большимъ запасомъ научнаго матеріала, вполнѣ обработаннаго для печати, значительная часть котораго появилась въ юридическихъ журналахъ уже въ 1879 году и была встрѣчена самыми лестными отзывами. Январская книжка „Журнала гражданскаго и уголовнаго права“ за 1879 годъ начиналась

большою статьею Николая Дмитріевича методологическаго характера подъ заглавіемъ „Философскіе пріемы и наука уголовнаго права“, составлявшею его вступительную лекцію по уголовному праву въ Демидовскомъ лицеѣ. Одинъ изъ наиболѣе строгихъ критиковъ сочиненій Николая Дмитріевича, проф. Фойницкій, отмѣчая успѣхъ этой лекціи, говоритъ между прочимъ, что „ясность слога и мысли, живое и теплое отношеніе къ предмету, новыя струны, мастерски затронутыя лекторомъ, пріятно поразили читателей и, по всей вѣроятности, еще болѣе слушателей его устной рѣчи“ [5]). Въ мартовской книжкѣ московскаго журнала „Юридическій вѣстникъ“ была напечатана статья Николая Дмитріевича по уголовному процессу: „Шеффенгерихтъ въ русской литературѣ“, представлявшая изъ себя разборъ только что вышедшей книги Палаузова: „Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи.“ Это была, кажется, послѣдняя работа Николая Дмитріевича по процессуальному праву, съ которымъ онъ, находясь заграницей, еще не порывалъ связи, что можно видѣть изъ напечатанныхъ въ 1878 году въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“ его статей объ „Институтѣ государственныхъ обвинителей“ въ австрійскомъ и германскомъ уголовныхъ процессахъ (кн. 1 и 2) [6]). Остальныя двѣ, появившіяся въ 1879 году,

---

[5]) *Фойницкій.* На досугѣ, т. II, СПБ., 1900 г., стр. 564.

[6]) Въ то время, когда Н. Д. Сергѣевскій занимался теоретической разработкой процессульныхъ вопросовъ, онъ сильно интересовался и вопросами судебно-слѣдственной практики. Особенно останавливалъ на себѣ его вниманіе вопросъ о вещественныхъ доказательствахъ. Разсуждая правильно, что „вещественныя доказательства говорятъ очень много, но только тому, кто умѣетъ съ ними разговаривать, кто понимаетъ ихъ нѣмую рѣчь,“ Сергѣевскій задумалъ написать „законченное, систематическое изслѣдованіе о пользованіи разнаго рода доказательственными признаками въ видѣ практическаго руководства для чиновъ полицейскихъ, производящихъ розыскъ и дознаніе, для судебныхъ слѣдователей и для судей,“ и началъ собирать для этой работы матеріалъ, для чего между прочимъ и въ Россіи и за границей ста-

статьи Николая Дмитріевича были посвящены наиболѣе интересовавшимъ его въ то время вопросамъ общей части матеріальнаго уголовнаго права, причемъ одна касалась основнаго вопроса, на который прежде всего долженъ дать отвѣтъ криминалистъ, вопроса о „преступленіи и наказаніи, какъ предметѣ юридической науки“ (Юрид. Вѣст., кн. 12, стр. 877—904)—статья эта была помѣщена затѣмъ въ 1881 году на нѣмецкомъ языкѣ въ Zeitschrift'ѣ Листа, а другая—частнаго вопроса ученія о наказаніи, лишенія жизни (тамъ же, кн. 6, стр. 829—860). Къ концу 1879 года, когда печатаніе изслѣдованія: „О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ“ было закончено и оно было представлено въ юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета въ качествѣ диссертаціи на степень магистра уголовнаго права, личность доцента Сергѣевскаго какъ ученаго вполнѣ опредѣлилась, а потому и никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣшеніе факультета будетъ благопріятнымъ для магистранта, ни у кого не возникало и возникнуть не могло.

Съ какимъ же знаменемъ, съ какими лозунгами выступилъ Николай Дмитріевичъ въ качествѣ ученаго и профессора?

рался знакомиться съ судебными слѣдователями и возможно чаще присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности при осмотрахъ. Въ теченіе трехъ—четырехъ лѣтъ матеріала было собрано довольно много, но долгое время онъ въ большей своей части оставался неиспользованнымъ. Только въ 1907 году, когда возникла мысль объ изданіи „Вѣстника Полиціи“ и иниціаторы этого журнала обратились къ Сергѣевскому съ просьбой не отказать въ сотрудничествѣ, Николай Дмитріевичъ, отнесясь съ большимъ сочувствіемъ къ цѣлямъ изданія, вспомнилъ объ имѣющемся у него вполнѣ подходящемъ для этого журнала матеріалѣ и рѣшилъ понемногу обработать его въ формѣ отдѣльныхъ очерковъ. Такихъ очерковъ, подъ общимъ названіемъ „Нѣмые свидѣтели“, въ 1907—1908 г.г. Николаемъ Дмитріевичемъ было напечатано *семь* („Осмотръ трупа“; „Лишніе предметы“; „Два убійства съ цѣлью ограбленія“; „Утопленница“; „Несообразность“; „Судебный слѣдователь“ и „Воры и воришки“). Всѣ они написаны очень живо Продолженіе этихъ очерковъ было обѣщано Николаемъ

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно, такъ какъ напечатанныя въ 1879 году его статьи, и въ особенности первая изъ нихъ: „Философскіе пріемы и наука уголовнаго права“, содержатъ въ себѣ полную исповѣдь его вѣры.

Дмитріевичемъ редакціи журнала на осень 1908 года, но судьба рѣшила иначе („Вѣстникъ Полиціи“, 1907—1908 г.г.: № 1, стр. 11—14; № 2, стр. 15—16; № 4, стр. 7—10; № 5, стр. 13—16; № 7, стр. 11—13; № 10, стр. 7—9; № 13, стр. 6—10; № 16, стр. 6—8; № 18, стр. 7—9; № 20, стр. 8—10; № 41, стр. 6—7).

II.

Начатая въ началѣ XIX вѣка, по почину Савиньи и Пухты, борьба съ теоріями естественнаго права къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія далеко еще не была закончена. Особенно трудной для исторической школы оказалась она въ области уголовнаго права, частью потому, что исторической школѣ не удалось воспитать ни одного криминалиста, равнаго по таланту знаменитому Іерингу, частью по самому характеру предмета. Мѣсто послѣдователей Канта во второй половинѣ XIX вѣка заняли криминалисты—гегеліанцы, но основнымъ методомъ изслѣдованія оставался попрежнему методъ философскій, реалистическое направленіе лишь медленно пробивало себѣ дорогу.

Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій сталъ рѣшительно въ ряды сторонниковъ позитивнаго направленія и подвергъ безпощадной критикѣ философско-метафизическій методъ. Неправильность отправной точки школы естественнаго права—существованіе вѣчныхъ, незыблемыхъ истинъ, стоящихъ выше людей съ ихъ конкретными свойствами и потребностями, съ тѣми преходящими формами, въ которыхъ развивается человѣческое общежитіе, — казалась ему особенно очевидной въ примѣненіи къ уголовному праву. Въ каждомъ положеніи, каждомъ институтѣ уголовнаго права—говоритъ онъ въ своей вступительной лекціи—можно видѣть безусловнѣйшую и полнѣйшую зависимость ихъ отъ условій мѣста и времени, отъ дѣйствія тѣхъ или иныхъ факторовъ. (Философскіе пріемы, стр. 42—46). Особенно же легко прослѣдить эту зависимость на институтѣ наказанія. „Во всей области права—цитируетъ Сергѣевскій слова Іеринга—нѣтъ другого понятія, которое могло бы, хотя приблизительно, равняться съ понятіемъ наказанія въ его культурно-исто-

рическомъ значеніи, никакое другое понятіе не представляетъ собою лучшаго отраженія народной мысли, чувства и нравовъ современной ему эпохи; никакое другое понятіе не связано такъ тѣсно со всѣми фазами нравственнаго развитія народа, какъ понятіе наказанія, мягкое и гибкое какъ воскъ, на которомъ отпечатывается всякое давленіе. Оно есть центральный узелъ, къ которому сходятся тончайшіе и нѣжнѣйшіе нервы, на которомъ отзывается и дѣлается очевиднымъ всякое давленіе, всякое ощущеніе. Ликъ права, на которомъ сказывается вся индивидуальность народа, его мысль и чувства, его спокойствіе и страсти, развитіе и грубость, короче, отражается, какъ въ зеркалѣ, вся его душа — уголовное право есть самъ народъ; исторія уголовнаго права есть часть психологіи человѣчества" (тамъ же, стр. 45—46).

Уже въ этой первой работѣ Николай Дмитріевичъ дѣлаетъ попытку формулировать нѣкоторые изъ тѣхъ законовъ, которымъ подчиняется карательная дѣятельность государства; впослѣдствіи онъ спеціально занялся этимъ вопросомъ, посвятивъ ему большую часть своей докторской диссертаціи. Въ этой же первой работѣ, а также въ напечатанной въ „Юридическомъ вѣстникѣ" статьѣ, о которой уже упоминалось: „Лишеніе жизни какъ уголовное наказаніе", Николай Дмитріевичъ впервые высказывается по вопросу о смертной казни. Смертная казнь представлялась ему въ то время не удовлетворяющею тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются современнымъ правомъ ко всякой вообще формѣ наказанія, и онъ соглашался съ заключительными словами извѣстной монографіи о смертной казни Гетцеля, что смертная казнь „несправедлива, нецѣлесообразна, неразумна, безчеловѣчна, безнравственна и несовременна". Повторяя эти слова, онъ считалъ, однако, не лишнимъ напомнить, что „это не абсолютная истина, что въ старую эпоху смертная казнь имѣла другое значеніе и была умѣстна, и если бы могла возвратиться эта старая эпоха, то возвратилась бы и смертная казнь" (тамъ же, стр. 51).

Однимъ изъ наиболѣе опасныхъ и пагубныхъ послѣдствій господства въ наукѣ уголовнаго права философски-метафизическаго метода представлялось Николаю Дмитріевичу сообщеніе правовой доктринѣ теологической окраски. И въ наши дни далеко не для всѣхъ еще ясна мысль, что требовать отмѣны правовыхъ институтовъ, хотя бы смертной казни, на томъ только основаніи, что они не находятъ себѣ опоры въ Евангеліи, принципіально неправильно, что a priori недопустимо нормировать законы царства кесаря, законы, устанавливаемые ради цѣлей земнаго правосудія, на основаніи предписаній, имѣющихъ въ виду иное царство, иную область—область индивидуальной морали, когда самъ Великій Учитель рѣзко разграничилъ эти два царства и призналъ, что Божіе царство управляется по однимъ, а кесарево—по совершенно другимъ законамъ. Еще менѣе сознавалось это положеніе въ старомъ правѣ. Не только въ первой, но и во второй половинѣ XIX вѣка появлялись сочиненія, въ которыхъ доказывалось, что „библія единственный источникъ и единственное основаніе уголовнаго права и правосудія", и въ которыхъ въ ряду возраженій, напр., противъ суда присяжныхъ выдающееся мѣсто занимали слова Іисуса Сирахова о томъ, что земледѣльцы и ремесленники не могутъ сидѣть на судейскомъ стулѣ и понимать закона, а должны заботиться о снисканіи себѣ дневного пропитанія. Рядомъ примѣровъ, которыми Николай Дмитріевичъ всегда удивительно хорошо умѣлъ иллюстрировать свою мысль, показываетъ онъ, какъ рѣзко расходится земное правосудіе съ божественнымъ и какъ мало имѣетъ шансовъ осуществиться когда-либо мысль о построеніи на библіи для всѣхъ христіанскихъ государствъ одинаковаго уголовнаго права. „Знаменитый св. Криспинъ, по ремеслу сапожникъ,—говоритъ Николай Дмитріевичъ—воровалъ у богатыхъ кожу и шилъ изъ нея безплатно сапоги бѣднымъ. Христіанская церковь причла его къ лику святыхъ; но уголовное правосудіе должно было бы, внѣ всякаго сомнѣ-

нія, наказать его предварительно за кражу". По поводу жены-прелюбодѣйцы, приговоренной къ избіенію камнями, Іисусъ Христосъ сказалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ камень". Какъ поступили бы мы съ тѣмъ судьей,—спрашиваетъ Николай Дмитріевичъ—который оправдалъ бы взяточника на томъ основаніи, что за нимъ самимъ водится этотъ грѣхъ?" (тамъ же, стр. 55—57, 72—74).

Явившееся результатомъ господства философскаго метода загромождение доктрины безчисленными теоріями, по убѣжденію Сергѣевскаго, кромѣ другихъ отрицательныхъ сторонъ, привело, между прочимъ, къ тому, что въ юридической практикѣ наука уголовнаго права потеряла всякій кредитъ: „Практика видитъ въ доктринальныхъ построеніяхъ—повторяетъ Николай Дмитріевичъ слова одного изъ нѣмецкихъ профессоровъ—карточный домъ, воздушный замокъ, или массу дождевой воды, которая образуетъ грандіозное озеро весною и пропадаетъ безслѣдно лѣтомъ. Горькій опытъ сдѣлалъ практику недовѣрчивой, чтобы не сказать запуганной. Какъ часто старый практикъ съ изумленіемъ видитъ, что наука убиваетъ, черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, свое собственное дѣтище, какъ какое-нибудь чудовище; воспитанникъ новѣйшей науки едва по имени знаетъ это чучело и снисходительно смѣется, слушая рѣчь о немъ! Что за чудо послѣ этого, если практикъ со страхомъ отвращается отъ фальшивыхъ подарковъ, въ качествѣ которыхъ доктрина подноситъ ему каждые десять лѣтъ все новыя и новыя построенія спекулятивной философіи, подъ именемъ логическо-юридическихъ изслѣдованій" (тамъ же, стр. 75).

„Итакъ, не въ теоріяхъ и ихъ созданіи должна заключаться наука уголовнаго права и ея прогрессъ, а въ изслѣдованіи положительнаго матеріала. Не въ какихъ-либо предвзятыхъ идеяхъ или представленіяхъ, не въ трансцендентныхъ идеалахъ и математически размѣренныхъ утопіяхъ должны мы искать основныхъ положеній уголовнаго права,—

говоритъ Николай Дмитріевичъ—а въ дѣйствительной жизни человѣка и человѣческаго общества, въ природѣ его и въ законахъ его развитія". Позитивная разработка предмета для криминалиста въ представленіи Сергѣевскаго сводилась ближайшимъ образомъ къ изученію дѣйствующаго положительнаго права, т. е. уголовнаго законодательства въ тѣсномъ смыслѣ, затѣмъ обычнаго права, насколько оно является дѣйствующимъ правомъ, въ двухъ его развѣтвленіяхъ: какъ права народнаго и какъ обычая, вырабатываемаго судебной практикой (тамъ же, стр. 76). Но, отрекаясь отъ философскихъ направленій и пріемовъ, ограничиться однимъ дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ и далѣе никуда не ходить и ничего не искать, какъ предлагали въ то время нѣкоторые русскіе юристы, имѣя въ особенности въ виду судебные уставы 20 ноября 1864 года, другими словами, превратить науку уголовнаго права въ практическій комментарій къ кодексу, Николай Дмитріевичъ находилъ совершенно невозможнымъ: „Философское направленіе—это великанъ, принесшій много вреда, но совершившій и много хорошаго; это сила. Наоборотъ, комментаторское направленіе—говорилъ онъ—есть безсиліе, прикрывающееся знаменемъ непосредственной, ближайшей пользы. У писателей философскаго направленія, среди самыхъ чудовищныхъ построеній, прорываются нерѣдко въ высшей степени мѣткія мысли, которыя, сами по себѣ, получаютъ большое значеніе и для теоріи и для практики; юридическія же знанія, лишенныя основательной исторической подкладки, какъ замѣтилъ еще Савиньи, годятся лишь для канцелярской службы въ судахъ" (тамъ же, стр. 86—87).

Высказываясь за позитивную разработку уголовнаго права, Николай Дмитріевичъ рѣзкими штрихами намѣчаетъ тѣ основныя черты, которыми позитивное направленіе должно характеризоваться, съ особенною силою ударяя на то, что оно должно опираться на исторію и быть національнымъ:

„Останавливаясь исключительно на дѣйствующемъ правѣ, закрывая глаза передъ его исторіей и предъ тѣми условіями, подъ вліяніемъ которыхъ слагалось старое право,—читаемъ въ его вступительной лекціи—мы, тѣмъ самымъ, отрекаемся отъ всего того, что даетъ жизнь дѣйствующему закону, и превращаемъ его въ мертвую массу правилъ, обязательность которыхъ основывается единственно на силѣ, на угрозѣ наказаніемъ. При такомъ направленіи уголовный кодексъ получаетъ значеніе не свода нормъ, выработанныхъ дѣйствительною жизнью въ ея постоянномъ прогрессѣ, а системой болѣе или менѣе удачныхъ или неудачныхъ правилъ, собранныхъ воедино въ канцеляріи. Всякая сторона, всякое слово уголовнаго закона связаны съ плотью и кровью цѣлыхъ десятковъ поколѣній; для того, чтобы понять его и оцѣнить по достоинству, необходимо прослѣдить его происхожденіе, всю его генеалогію, насколько хватаютъ средства исторіи. Историческое направленіе ведетъ за собою не регрессъ уголовнаго законодательства, не возвращеніе къ старымъ формамъ, а наоборотъ, оно есть необходимое условіе правильнаго и прочнаго прогресса; создать идеалъ, болѣе или менѣе окрашенный субъективнымъ произволомъ, создать утопію, заключающуюся въ отрицаніи всего существующаго, можетъ и философъ; но дать законоположеніе, соотвѣтствующее потребностямъ данной эпохи, можетъ только тотъ, кто знаетъ условія этой эпохи и изучилъ ихъ основанія въ прошедшемъ“... „Говоря объ изученіи старины, мы говоримъ не о возвращеніи къ ней, а объ изслѣдованіи въ ней источниковъ и корней настоящаго. Не буква стараго закона нужна намъ, говоритъ Савиньи, а духъ его; „духъ же можно узнать только изъ старой буквы“. Задача историческаго метода заключается не въ охраненіи устарѣвшаго матерьяла, а въ томъ, „чтобъ прослѣдить существующій матерьялъ до его корней и, такимъ образомъ, открыть органическій принципъ, въ силу котораго то, что еще имѣетъ жизнь, само собою отдѣлится отъ того, что уже умерло и принадлежитъ лишь исторіи“.

Прослѣдивъ происхожденіе извѣстнаго института или законоположенія, мы узнаемъ тѣ условія, которыя породили его и которыя вліяли на его развитіе; зная это, мы имѣемъ возможность оцѣнить его современное значеніе, иначе говоря, мы получаемъ возможность рѣшить: должно ли быть это законоположеніе сохранено или оно должно уступить мѣсто другому, какъ потерявшее свое жизненное основаніе вслѣдствіе измѣнившихся условій. Каково должно быть это новое законоположеніе—при разрѣшеніи этого вопроса изученіе прошлыхъ эпохъ дастъ, опять-таки, незамѣнимое руководство вѣкового опыта. Однимъ словомъ: для пониманія, оцѣнки и критики уголовнаго закона необходимо знать его исторію; въ противномъ случаѣ всѣ наши сужденія будутъ лишены прочнаго основанія" (тамъ же, стр. 82-83).

Въ подтвержденіе этого положенія Николай Дмитріевичъ приводитъ по обыкновенію нѣсколько примѣровъ того, какія уродливыя явленія возникаютъ въ законѣ и въ жизни вслѣдствіе отсутствія правильнаго историческаго метода въ законодательныхъ работахъ: „Въ нашемъ уложеніи — говоритъ онъ—рядомъ съ цѣлыми отдѣлами, совершенно устарѣвшими и потерявшими всякій смыслъ вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни, встрѣчаются такія положенія, для которыхъ еще многіе десятки, а можетъ быть и сотни лѣтъ лучшимъ прогрессомъ было бы возведеніе къ началамъ уложенія царя Алексѣя. Старое русское право, напр., дѣлало изъ конокрадства особый квалифицированный видъ татьбы. Новое законодательство отказалось отъ этого. Правильно ли направленіе новаго законодательства? Старое право квалифицировало коневую татьбу по тѣмъ соображеніямъ, что кража лошади разрушаетъ благосостояніе земледѣльца. Измѣнились ли эти условія въ нашу эпоху? Нѣтъ, не измѣнились. Если такъ, то законодательство, отказавшись отъ квалификаціи конокрадства, сдѣлало крупную ошибку. Результаты этой ошибки тяжело сказываются на русской жизни; въ Россіи болѣе людей ссылается въ Сибирь за самоуправство надъ коно-

крадами, чѣмъ попадаетъ въ тюрьму самихъ конокрадовъ. Съ точки зрѣнія криминалиста-философа, кража лошади ничѣмъ не отличается отъ кражи коровы, собаки, воза съ хлѣбомъ, суммы денегъ и т. д. Съ точки зрѣнія человѣка знакомаго съ дѣйствительными условіями русской жизни и съ старымъ русскимъ правомъ, конокрадство будетъ болѣе преступно, чѣмъ даже кража со взломомъ, и это будетъ совершенно справедливо: человѣкъ, похищающій лошадь у земледѣльца, знаетъ, что этимъ обрекаетъ его на раззореніе и голодъ; наоборотъ, человѣкъ, похищающій со взломомъ деньги, лишаетъ владѣльца только той суммы, которую этотъ послѣдній сохранялъ при себѣ въ наличности; похищающій же со взломомъ какія-либо иныя вещи или, что чаще всего бываетъ на Руси, одежду и съѣстные припасы, совершаетъ дѣйствіе еще менѣе зловредное, еще менѣе опасное“ (тамъ же, стр. 84—85).

Насколько былъ правъ Николай Дмитріевичъ, дѣлая въ 1879 году эти замѣчанія о конокрадствѣ, видно изъ того, что уже годъ спустя, 18 марта 1880 года, наказанія за конокрадство были увеличены, черезъ 20 лѣтъ (10 мая 1899 года) послѣдовало новое усиленіе репрессіи, и тѣмъ не менѣе, какъ только представители земледѣльческаго класса получили возможность въ Государственной Думѣ коснуться вопроса о конокрадствѣ при разсмотрѣніи проекта закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи, они признали существующія наказанія за конокрадство недостаточными и высказались за повышеніе ихъ и установленіе за конокрадство самыхъ строгихъ карательныхъ мѣръ, до смертной казни включительно, найдя необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и совершенно неосновательно, изъять конокрадовъ отъ дѣйствія института условнаго досрочнаго освобожденія.

Еще рѣшительнѣе, еще ярче подчеркивалъ Николай Дмитріевичъ обязанность юриста проникнуться *національнымъ* направленіемъ, считая вмѣстѣ съ Schütze „дѣломъ чести каждаго народа вырабатывать свою культуру изъ соб-

ственнаго національнаго сѣмени и прежде всего языкъ, нравы и право". Сколько горечи и чувства оскорбленнаго національнаго самолюбія слышится въ слѣдующихъ его словахъ, которыя и до нынѣ, къ сожалѣнію, остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: „Грѣшимъ противъ національнаго принципа болѣе всѣхъ мы русскіе, за что и подвергаемся вполнѣ заслуженнымъ порицаніямъ въ западной Европѣ. Намъ презрительно указываютъ, что послѣ крымской войны мы обзавелись англоманами, и пророчатъ, что послѣ турецкой у насъ появятся туркоманы. Если бы на западѣ были сколько нибудь знакомы съ нашей юридической литературой, то можетъ быть сказали бы о насъ что-нибудь и похуже. Кто слушалъ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ, тотъ знаетъ, какъ глубоко проникнуты онѣ національнымъ элементомъ. Отъ перваго слова до послѣдняго ясно, что лекція читается въ нѣмецкой землѣ, что читаетъ ее нѣмецкій человѣкъ и слушаютъ его нѣмецкіе люди. Всѣ примѣры взяты изъ нѣмецкой жизни; условія ея на первомъ планѣ; пословицы скрашиваютъ и оживляютъ рѣчь; народныя симпатіи и антипатіи проглядываютъ на каждомъ шагу—слушатель, хотя бы даже иностранецъ, невольно поддается впечатлѣнію, и въ каждомъ словѣ профессора чувствуется та народная сила, которая создаетъ народный обычай и которая водила рукой, писавшей такіе вѣковые кодексы, какъ уложеніе царя Алексѣя и нѣмецкая Каролина. Нѣмецкій студентъ, можно сказать, начинаетъ свои занятія уголовнымъ правомъ съ Каролины и кончаетъ ею же. Отчего же нашъ студентъ, сплошь и рядомъ, кончаетъ курсъ, не имѣя порядочнаго понятія объ Алексѣевскомъ уложеніи? Многому, дурному и хорошему, научились мы отъ нѣмцевъ; но не научились одному искусству: быть такими же русскими, какими нѣмцы являются нѣмцами" (тамъ же, стр. 77—78).

Я позволилъ себѣ привести этотъ длинный рядъ выписокъ изъ вступительной лекціи Николая Дмитріевича по уголовному праву, чтобы показать, что уже въ 29-лѣтнемъ

доцентѣ Демидовскаго лицея вполнѣ сложился тотъ типъ историка и націоналиста, какимъ рисуется намъ впослѣдствіи Николай Дмитріевичъ во всѣхъ его научныхъ трудахъ. Молодой магистрантъ былъ русскій человѣкъ, интересовавшійся прежде всего русской наукой, относившійся съ уваженіемъ къ прошлому Россіи, желавшій говорить и писать по русски. Иностранныя слова Николай Дмитріевичъ допускалъ лишь постолько, посколько они представлялись безусловно необходимыми при сравнительной бѣдности нашей научной терминологіи. Въ законодательныхъ работахъ Николай Дмитріевичъ желалъ видѣть народный элементъ; развитію нашего уголовнаго законодательства, начиная съ Петровской эпохи, онъ не сочувствовалъ, считая его пропитаннымъ тѣмъ противоисторическимъ и антинаціональнымъ духомъ, который выразился столь характерно въ извѣстномъ пріемѣ Сперанскаго, заказавшаго нѣмцу, никогда не бывавшему до того времени въ Россіи и почти не знавшему русскаго языка, сочинить для Россіи новое уложеніе (тамъ же, стр. 85).

Въ статьѣ: „Преступленіе и наказаніе, какъ предметъ юридической науки“ Николай Дмитріевичъ выяснилъ отчетливо свой взглядъ на объемъ, содержаніе и задачи науки уголовного права. Наиболѣе спорнымъ для того времени методологическимъ вопросомъ являлся вопросъ о томъ, должна ли наука уголовнаго права соединять въ себѣ вмѣстѣ съ юридическимъ изслѣдованіемъ преступленій и наказаній также и соціологическое ихъ изслѣдованіе, т. е. другими словами, изучать причины преступленій и указывать средства къ ихъ предупрежденію. Разсужденія о зависимости преступленій отъ этнографическихъ и въ особенности соціальныхъ условій общежитія встрѣчались уже въ трудахъ ученыхъ конца XVIII вѣка. Иниціаторомъ научной разработки этой зависимости, положившей начало соціологическому направленію въ уголовномъ правѣ, правильно считаютъ, однако, основателя моральной статистики, бельгійскаго астронома Кетле, автора извѣстнаго афоризма, что преступленіе есть своего рода

подать, которую выплачиваетъ каждый народъ съ неменьшею аккуратностью, какъ и обыкновенную подать. Тридцатилѣтіе, отдѣляющее сороковые годы, когда была произнесена эта знаменитая фраза, отъ семидесятыхъ, дало возможность окрѣпнуть новому направленію и вызвало появленіе на свѣтъ ряда талантливыхъ работъ. Особенно увлекались этимъ модньшъ въ то время направленіемъ молодые русскіе криминалисты. Одинъ изъ нихъ, предшественникъ Сергѣевскаго по каѳедрѣ въ Ярославскомъ лицеѣ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, профессоръ Московскаго университета Духовской во вступительной лекціи въ лицеѣ въ 1872 году все содержаніе своихъ будущихъ чтеній по уголовному праву свелъ къ къ соціологическому изученію того „аномальнаго явленія въ общественномъ строѣ, которое называлось и называется преступленіемъ", и указанію путемъ изслѣдованія этого явленія средствъ къ его искорененію. Причинами преступленій Духовской признавалъ дурное политическое устройство страны, дурное экономическое состояніе общества, дурное воспитаніе, дурное состояніе общественной нравственности, плохое состояніе паспортной системы, плохую организацію административнаго устройства, отсутствіе воспитательныхъ домовъ и т. д. При этомъ Духовской, по примѣру многихъ, преступленіе сравнивалъ съ болѣзнью, а задачи уголовнаго права выводилъ изъ задачъ медицины. Медицина должна изучить болѣзнь, причины, производящія ее, и указать средства, которыми можно было бы предотвратить появленіе болѣзни, и только тогда, когда средства эти окажутся недѣйствительными, медицина должна указать лекарство, залечить открывшуюся рану. То же должно сдѣлать—полагалъ Духовской—уголовное право. Уголовное право изучаетъ преступленіе, узнаетъ причины его появленія и указываетъ государству средства, годныя къ предупрежденію этого явленія (*Сергѣевскій*, Преступленіе и наказаніе, стр. 883).

Со всей силой своего критическаго таланта напалъ Сергѣевскій на эту программу Духовскаго, доказывая не-

правильность соединенія юридическаго и соціологическаго изслѣдованій; такое соединеніе, находилъ онъ, можетъ быть только механическимъ, но отнюдь не внутреннимъ, такъ какъ и по цѣлямъ и по методу юридическое и соціологическое изслѣдованія совершенно различны. „Наука уголовнаго права, будучи наукой юридической въ тѣсномъ смыслѣ, не можетъ дать въ своей системѣ мѣста соціологическому изслѣдованію о преступленіи. Это послѣднее изслѣдованіе,—говорилъ Николай Дмитріевичъ—являясь въ высшей степени важнымъ для юридической науки, имѣетъ въ то же время совершенно самостоятельное научное значеніе и, слѣдовательно, можетъ образовать собою самостоятельную науку, самостоятельную отрасль обществовѣдѣнія. Такая новая наука, если она когда нибудь образуется, несомнѣнно, займетъ видное мѣсто въ ряду соціальныхъ наукъ, но съ уголовнымъ правомъ она никогда не соединится. Зачатки такого выдѣленія соціологическаго изслѣдованія о преступленіи и наказаніи въ особую науку уже существуютъ: такъ называемая уголовная политика—вотъ то первоначальное ядро, изъ котораго, думается намъ, разростется или по крайнѣй мѣрѣ можетъ разрастись эта новая наука; матеріаломъ же для нея послужатъ главнѣйшимъ образомъ данныя, добываемая чрезъ посредство статистическихъ работъ“ (тамъ же, стр. 889).

Мѣткими замѣчаніями разбивалъ далѣе Николай Дмитріевичъ опредѣленіе задачъ науки уголовнаго права, предложенное Духовскимъ. „Задача одной части (по Духовскому) должна состоять въ изслѣдованіи причинъ преступленій—недостатковъ политическаго строя, недостатковъ экономическаго быта, недостатковъ въ народномъ образованіи и т. д. Задача другой части должна состоять въ опредѣленіи и анализѣ средствъ для предупрежденія самого появленія преступленій, то есть, сообразно вышесказанному, должна заключать въ себѣ опредѣленіе правильной организаціи политическаго строя, экономическаго быта, теорію паспортной системы, устройство воспитательныхъ домовъ, мѣры къ раз-

витію народнаго образованія, мѣры къ исправленію народной нравственности и т. д. Сюда же отнесена „по необходимости“ и организація наказанія, очевидно, какъ нѣчто добавочное, включенное въ науку уголовнаго права лишь до поры до времени. Какая изъ существующихъ въ настоящее время гуманныхъ наукъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова не подойдетъ подъ такое опредѣленіе уголовнаго права?? Или, можетъ быть, уголовное право есть совокупность всѣхъ наукъ?“ (тамъ же).

Но не одни только методологическія соображенія противопоставилъ Сергѣевскій положеніямъ Духовскяго, онъ категорически высказался и противъ его отправной точки— признанія преступленія болѣзнью, порождаемою недостатками государственнаго и общественнаго строя, и уподобленія уголовнаго права медицинѣ. „Понятіе болѣзни—читаемъ въ его статьѣ—не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ преступленія. Болѣзнь есть нѣчто постоянное: болѣзнью мы называемъ такое состояніе органа или органовъ человѣческаго тѣла, вслѣдствіе котораго они не могутъ отправлять своихъ функцій надлежащимъ образомъ, или такое состояніе, которое причиняетъ боль, страданія. Преступленіе есть нарушеніе установившихся нормъ общежитія, охраняемыхъ притомъ посредствомъ наказанія; слѣдовательно, преступленіе въ существѣ своемъ измѣнчиво: оно измѣняется, во-первыхъ, сообразно съ измѣненіями общественно-государственнаго строя, а во-вторыхъ, сообразно съ измѣненіемъ потребности въ охранѣ путемъ наказанія. Примѣръ у всѣхъ передъ глазами: съ отмѣной крѣпостнаго права исчезаютъ преступленія противъ помѣщичьей власти, а съ замѣной предварительной цензуры карательной системой появляется множество новыхъ преступленій противъ законовъ о печати; съ измѣненіемъ политическаго строя въ любой странѣ измѣняется кореннымъ образомъ вся область политическихъ преступленій... Что сегодня считается преступленіемъ и облагается наказаніемъ, то завтра можетъ оказаться безразличнымъ съ точки зрѣнія уголовнаго права и наоборотъ. Между тѣмъ болѣзнь всегда

остается однимъ и тѣмъ же: разстройство желудка, зубная боль, вывихъ всегда были, есть и будутъ болѣзнями".

„Можемъ ли мы, далѣе, сказать,—спрашиваетъ Николай Дмитріевичъ—что преступленіе есть порожденіе *недостатковъ общественнаго строя?* Позволяется спросить, какіе недостатки общественно-государственнаго строя порождаютъ убійство изъ ревности, изъ мести, убійство для сокрытія слѣдовъ преступленія, напр., убійство свидѣтеля? Можемъ ли мы представить себѣ такое излеченіе общественныхъ недуговъ, чтобы убійства прекратились совершенно? Возьмемъ преступленія противъ собственности—о нихъ чаще всего говорятъ, что они порождаются неправильнымъ распредѣленіемъ богатствъ въ современномъ обществѣ. Предположимъ экономическій строй совершенно противоположный нашему, а именно или евангельскую или коммунистическую общность имуществъ; развѣ этотъ строй не дастъ намъ, точно такъ же какъ и современный, преступленій противъ законовъ о собственности, только съ обратнымъ содержаніемъ! Доказательствомъ служатъ монастыри и религіозныя общества, не допускающіе частной собственности: въ нихъ преступленія этого рода такъ же часты, какъ у насъ кражи, мошенничества и т. д.".

„Какой недостатокъ общественнаго строя порождаетъ преступленіе клеветы и оскорбленій? Опять повторяемъ, что условія общественно-государственнаго строя вліяютъ на виды и распредѣленіе преступленій, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но говорить, что преступленіе есть болѣзнь, порождаемая *недостатками* общественной организаціи, въ то время, когда намъ въ исторіи неизвѣстно ни одного общества, которое не имѣло бы преступленій, когда мы даже и представить себѣ не можемъ такого общества,—говорить это по меньшей мѣрѣ ненаучно".

„Не недостатки, не дурныя только стороны общественной организаціи, а всѣ, и дурныя и хорошія, служатъ почвой, на которой выростаютъ преступленія. Оглянемся во-

кругъ себя, посмотримъ въ исторію: деспотія и республика, аристократія и демократія, богатое государство и бѣдное, культурное и некультурное, прогрессивное и отсталое,— всѣмъ одинаково присуще преступленіе, и мы не можемъ даже рѣшить, гдѣ ихъ будетъ меньше. Всякая реформа общественной организаціи, даже самая благодѣтельная, всякій переворотъ вызываетъ увеличеніе преступленій на болѣе или менѣе продолжительное время, пока общественная жизнь не уляжется въ постоянныя рамки, пока новыя потребности не найдутъ себѣ соотвѣтствующихъ средствъ удовлетворенія. Насколько хватаетъ свѣтъ исторіи, мы всюду видимъ, что преступленіе неразрывно связано съ человѣческимъ обществомъ, сопровождаетъ его прогрессъ и регрессъ, его развитіе и измѣненіе".

„Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли и при какихъ условіяхъ возможно полное отсутствіе преступленій?—Преступленіе, являясь съ внѣшней стороны нарушеніемъ установленныхъ нормъ общежитія, по содержанію своему есть дѣяніе, причиняющее вредъ интересамъ общества или заключающее въ себѣ опасность такого вреда, совершаемое отдѣльнымъ лицомъ ради удовлетворенія своихъ нуждъ, потребностей и интересовъ, которые становятся въ коллизію съ интересами общими. Такимъ образомъ дѣйствительнымъ источникомъ преступленія служитъ столкновеніе интересовъ и потребностей частныхъ съ интересами общими—изъ этой коллизіи возникаютъ всѣ преступленія. Но нельзя не видѣть, что тѣ же начала являются и источниками всякаго прогресса и всякаго движенія: воля общая, интересъ, благо общее, съ одной стороны; воля частная, интересъ, благо частное, съ другой стороны. Изъ коллизіи и различныхъ комбинацій этихъ двухъ началъ создавалась и создается вся исторія человѣческаго общества. Изсякнетъ этотъ источникъ, прекратится и всякое движеніе въ обществѣ. Такъ вотъ при какихъ условіяхъ возможно полное отсутствіе преступленій. Когда прекратится всякое движеніе въ обществѣ, когда со-

вершенно уничтожится личность или когда пропадетъ всякое представленіе объ интересѣ общественномъ, тогда не будетъ и преступленія. Возможно ли такое состояніе человѣчества? Мы думаемъ—нѣтъ! Да оно и не желательно".

„Если бы не было преступленій, то, конечно, для законодателя было бы одной обязанностью меньше—оставалось бы только установить порядокъ и охранять его отъ внѣшнихъ нарушеній и отъ добросовѣстныхъ ошибокъ. Отъ меча могло бы правосудіе отказаться; мечта о вѣчномъ мирѣ осуществилась бы—но какою цѣною? Къ счастью или къ несчастью, но человѣческому роду не даровано этой райской невинности. Призванный къ дѣйствію, человѣкъ неизбѣжно подпадаетъ страстямъ, и въ то время, какъ всѣ войны, самыя продолжительныя и самыя кровавыя, проходятъ, раны заживаютъ и лишь могилы павшихъ героевъ остаются памятниками прошедшаго, *одна* борьба длится безостановочно, борьба человѣчества съ наиболѣе страшнымъ, непобѣдимымъ врагомъ—страстями. Эта борьба принудила правосудіе взяться за оружіе и конца ея мы даже не можемъ и предвидѣть... въ этой области нѣтъ мира" (*Binding*, Das Problem der Strafe, S. 1, 2). Въ этой области нѣтъ мира, потому что въ этой борьбѣ проявляются тѣ же самыя силы, которыя нѣкогда собрали отдѣльныхъ людей въ общество, вложили мечъ въ руки правосудія и повели человѣчество по безконечному пути прогресса".

„Итакъ, преступленіе не есть болѣзнь—заканчиваетъ эту блестящую свою работу Николай Дмитріевичъ—и порождается оно не недостатками общественной организаціи. Оно есть неизбѣжный спутникъ всякаго прогресса. По содержанію своему преступленіе есть вредъ, причиняемый обществу; но вредъ этотъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, что общество живетъ и движется. Не только недостатки общественнаго строя, но и хорошія его стороны, всякая черта, всякое событіе, дурное и хорошее, одинаково могутъ служить и, дѣйствительно, служатъ источникомъ преступленія. Разница заключается лишь въ

томъ, что тѣ стороны и тѣ событія порождаютъ наибольшее число преступленій, которыя, по существу своему, способны вызвать наибольшее число случаевъ коллизіи частнаго интереса съ общимъ; къ этому же могутъ быть одинаково способны какъ хорошія, такъ и дурныя стороны общественной организаціи" (тамъ же, стр. 898—904).

Трудно оторваться отъ этихъ удивительныхъ по красотѣ и силѣ страницъ, и по содержанію и по формѣ напоминающихъ лучшія страницы Іеринга. Вліяніе Іеринга вообще довольно сильно сказалось на Сергѣевскомъ. Особенно была близка Николаю Дмитріевичу, по самому свойству его характера, изъ идей, завѣщанныхъ Іерингомъ, идея борьбы за право. Идея это нашла себѣ выраженіе впослѣдствіи въ его ученіи о необходимой оборонѣ.

III.

4 Мая 1880 года состоялся магистерскій диспутъ Сергѣевскаго, на которомъ на ряду съ весьма лестными отзывами объ его трудѣ ему пришлось выслушать и много серьезныхъ возраженій [7]). Диспутантъ хорошо защищался и въ спорѣ не былъ побѣжденъ, хотя оппонентами его явились три самыхъ извѣстныхъ криминалиста-теоретика: Таганцевъ, Фойницкій и Неклюдовъ. Но въ позднѣйшихъ своихъ работахъ отъ нѣкоторыхъ положеній своей диссертаціи Николай Дмитріевичъ отказался и дѣйствительно это самое молодое его произведеніе какъ по обработкѣ, такъ и по выводамъ стоитъ нѣсколько ниже другихъ его произведеній. Особенно удивляться этому не слѣдуетъ, такъ какъ послѣ появленія на свѣтъ его монографіи, литература вопроса о причинной связи обогатилась множествомъ новыхъ работъ, тѣмъ не менѣе и въ настоящее время вопросъ этотъ далеко еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Назначенный сейчасъ же по полученіи степени магистра уголовнаго права и. д. экстраординарнаго профессора Демидовскаго лицея, Николай Дмитріевичъ возвратился въ Ярославль и съ прежнимъ жаромъ принялся за дальнѣйшую разработку вопросовъ общей части уголовнаго права, занявшись главнымъ образомъ основными вопросами ученія

---

[7]) Отчетъ о диспутѣ см. въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права за 1880 годъ, кн. 3 (замѣтки), стр. 113—126; рецензія проф. *Таганцева* помѣщена въ той же книгѣ на стр. 159—181; рецензія проф. *Фойницкаго* была помѣщена въ Сборникѣ государственныхъ знаній (т. VIII, стр. 100—102) и перепечатана во II томѣ сборника его юридическихъ статей и изслѣдованій: „На досугѣ“, стр. 564—567.

о наказаніи. Въ 1881 и 1882 годахъ въ „Юридическомъ вѣстникѣ“ появились двѣ новыя талантливыя статьи его: „О правѣ наказанія“ (1881 г., кн. 3, стр. 415—457) и „Антропологическое направленіе въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи“ (1882 г., кн. 1, стр. 209—221). Въ первой изъ нихъ онъ развилъ свой взглядъ на существо и и задачи наказанія, особенно подчеркивая то положеніе, что „уголовное правосудіе не нуждается для своего обоснованія ни въ абсолютныхъ принципахъ, ни въ особыхъ спеціальныхъ цѣляхъ; оно вытекаетъ изъ сущности правопорядка и заключаетъ цѣль въ самомъ себѣ... Государство имѣетъ право наказанія на томъ основаніи, что оно не можетъ существовать безъ уголовнаго правосудія; уголовное правосудіе входитъ въ самое понятіе правопорядка, и безъ него послѣдній немыслимъ... Если существуетъ правопорядокъ, то eo ipso должно существовать и уголовное правосудіе“ (стр. 444—445). Существо наказанія вмѣстѣ съ Баромъ Сергѣевскій видитъ въ осужденіи и порицаніи дѣяній, нарушающихъ нормы правопорядка: „Всякій общественный порядокъ: семья, артель, всякое общество и всякая корпорація, всякая общественная группа, имѣющая опредѣленный строй, обязательный для членовъ ея,—всѣ они отправляютъ въ своей области функціи уголовнаго правосудія, сообразно своимъ задачамъ и содержанію своей организаціи: всѣ они имѣютъ списокъ своихъ преступленій, т. е. дѣяній, нарушающихъ ихъ нормы; всѣ они судятъ своихъ преступниковъ и налагаютъ на нихъ наказанія, т. е. выражаютъ осужденіе и порицаніе этихъ дѣяній“ (тамъ же, стр. 442). „Это порицаніе есть единственный устойчивый элементъ—цитируетъ Николай Дмитріевичъ слова Бара—во всѣхъ, столь разнообразныхъ, наказаніяхъ. Порицаніе есть сущность всякаго наказанія; все прочее, сколь бы оно ни выступало на первый планъ, есть несущественная, измѣняющаяся прибавка (Zusatz). Мы не только можемъ себѣ представить наказаніе безъ такой прибавки, но и положительное

право его знаетъ; это—выговоръ въ присутствіи суда [8]) (*Bar*, Grundlagen des Strafrechts, 1869, S. 4).

Въ выдѣленіи общей идеи всякаго наказанія, или сущности уголовнаго правосудія въ цѣломъ, отъ внѣшнихъ формъ наказанія или карательныхъ средствъ, и заключается, по мнѣнію Николая Дмитріевича, ключъ къ разрѣшенію всей проблемы (тамъ же, стр. 441). „Хотя бы даже ни одна изъ спеціальныхъ цѣлей наказанія не достигалась, хотя бы даже конкретные виды наказаній давали обратные результаты, уголовное правосудіе въ цѣломъ сохранитъ свое значеніе и останется столь же безусловно необходимымъ, какъ и при наилучшемъ достиженіи спеціальныхъ цѣлей; уголовное правосудіе самоцѣльно, и успѣхъ или неуспѣхъ въ организаціи отдѣльныхъ формъ наказанія не имѣетъ для него ровно никакого значенія“ (тамъ же, стр. 456). Относительно формъ наказанія Сергѣевскій находилъ, что онѣ всецѣло зависятъ отъ историческихъ условій мѣста и времени; поэтому никакого абсолютнаго критерія для оцѣнки карательныхъ мѣръ нѣтъ и быть не можетъ. Ни объ одномъ наказаніи нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно и безусловно непригодно для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и наоборотъ (тамъ же, стр. 452). Указывая тѣ факторы, которые вліяютъ на выработку формъ наказанія (стр. 452—454), Николай Дмитріевичъ намѣчалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основныя руководящія положенія для карательной дѣятельности государства, причемъ признавалъ особенно важнымъ соблюденіе двухъ правилъ—принципа экономіи карательныхъ мѣръ и возможно широкаго развитія предупредительной дѣятельности (стр. 450—452, 454—

---

[8]) Этотъ взглядъ на существо наказанія былъ усвоенъ Н. Д. Сергѣевскимъ въ первые же годы по окончаніи имъ университета. Уже во вступительной лекціи своей въ Демидовскомъ лицеѣ 27 ноября 1874 года онъ говоритъ: „Во всемъ разнообразіи внѣшнихъ формъ наказаній есть одна общая идея—это то, что въ наказаніи заключается осужденіе и порицаніе преступнаго дѣянія“ (Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея, кн. 9, стр. 599).

455). Изъ перваго онъ выводилъ, между прочимъ, что наказаніе должно заключать въ себѣ minimum страданій, необходимый для выраженія осужденія и порицанія (стр. 451, 455).

Небольшая статья Николая Дмитріевича объ „антропологическомъ направленіи въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи“ содержала въ себѣ изложеніе и критику незадолго передъ тѣмъ вышедшаго сочиненія: „Uomo delinquente“ профессора судебной медицины и клинической психіатріи въ Туринскомъ университетѣ Ломброзо, сдѣлавшагося родоначальникомъ уголовно-антропологической школы. Къ антропологическому направленію въ наукѣ уголовнаго права Николай Дмитріевичъ отнесся такъ же отрицательно, какъ и къ соціологическому, что не помѣшало, однако, антропологамъ, плохо разбиравшимся въ юридическихъ вопросахъ, занести проф. Сергѣевскаго въ число послѣдователей новой школы. Ученія криминалистовъ-антропологовъ Николай Дмитріевичъ признавалъ не только неправильными въ методологическомъ отношеніи, но и непріемлемыми по существу и указывалъ на необходимость борьбы съ ихъ основной тенденціей, которую онъ опредѣлялъ словами Спасовича—дать отставку Беккаріи и всему обоснованному имъ въ наукѣ гуманному, снисходительному отношенію къ преступнику. Но, смотря на все глазами историка, особенно вредныхъ послѣдствій отъ распространенія ученія Ломброзо и его послѣдователей о томъ, что задача наказанія должна свестись къ истребленію или обезсиленію вредныхъ особей человѣческой породы, этихъ людей низшей расы, прирожденныхъ преступниковъ, Сергѣевскій не опасался. Какъ онъ выразился впослѣдствіи въ одной изъ своихъ работъ: „одно дѣло—разсуждать на бумагѣ о смертной казни и другое—исполнять это на практикѣ; одно дѣло—разговаривать о нормальномъ человѣкѣ и о необходимости отсѣченія всѣхъ анормальныхъ экземпляровъ, и другое—завести въ дѣйствительности такое прокрустово ложе... Изученіе историческихъ факторовъ развитія права должно привести къ убѣжденію, что гуманизація мѣръ государствен-

наго управленія—въ томъ числѣ и карательныхъ—не зависитъ отъ книжныхъ упражненій криминалистовъ разныхъ лагерей и разныхъ школъ; тутъ теоріи являются лишь симптомомъ, но не движущей силой. То историческое движеніе, отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени, которое выражено безсмертными словами недавно умершаго Іеринга: „исторія наказанія есть его постепенное вымираніе," опредѣлено было не теоріями, а иною силою. Если народамъ Европы суждено пережить обратное движеніе, то и оно будетъ создано тоже не теоріями" (Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ, Журн. гражд. и угол. пр., 1893 г., кн. 4, стр. 18—19).

IV.

Статья объ „антропологическомъ направленіи“ была послѣднею изъ работъ, напечатанныхъ Сергѣевскимъ въ бытность профессоромъ Демидовскаго лицея. Въ томъ же 1882 году, благодаря стараніямъ Неклюдова, ему удается перейти въ С.-Петербургъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства въ военно-юридическую академію. Возвратиться въ С.-Петербургъ было постоянное желаніе Сергѣевскаго. Мѣнять каѳедру въ Ярославлѣ на каѳедру въ провинціальномъ университетѣ онъ не хотѣлъ, хотя ему представлялась возможность до того перейти въ Одессу. Стремясь въ Петербургъ, Николай Дмитріевичъ не останавливался передъ тѣмъ, что каѳедра въ военно-юридической академіи давала ему значительно меньшее матеріальное обезпеченіе по сравненію съ тѣмъ, какимъ онъ пользовался въ Ярославлѣ. Онъ шелъ на лишенія, но испытать лишеній въ дѣйствительности ему не пришлось, такъ какъ неожиданный уходъ Н. С. Таганцева изъ университета и Александровскаго лицея сдѣлалъ Сергѣевскаго почти одновременно преподавателемъ уголовнаго права не въ одномъ, а въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ [9]).

Чтеніе 15 лекцій въ недѣлю былъ, конечно, трудъ тяжелый, но трудъ этотъ для Николая Дмитріевича значительно облегчался тѣмъ, что ко времени перехода въ С.-Петербургъ обработка курса общей части уголовнаго

[9]) Будучи въ Ярославлѣ, Н. Д. Сергѣевскій писалъ довольно часто въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Розыскать его статьи, помѣщенныя въ этой газетѣ, мнѣ не удалось. Съ переходомъ его въ С.-Петербургъ сотрудничество въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, повидимому, прекратилось.

права была имъ уже закончена, хотя напечатанъ курсъ былъ значительно позже. Благодаря этому его усиленная преподавательская дѣятельность, отражавшаяся, конечно, на его научныхъ занятіяхъ, окончательно послѣднихъ все же не пріостановила. Съ переходомъ въ Петербургъ научныя работы Николая Дмитріевича получили лишь нѣсколько иной характеръ. На ряду съ теоретическими построеніями видное мѣсто среди нихъ заняло обсужденіе практическихъ вопросовъ уголовнаго законодательства, что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія представлялось безусловно необходимымъ для удовлетворенія тѣхъ требованій, которыя предъявляла къ русскому криминалисту современная жизнь. 22 апрѣля 1881 года, по всеподданнѣйшему докладу Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи князя Урусова и Министра Юстиціи Набокова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи изъ лицъ, близко знакомыхъ съ теоріею уголовнаго права и судебною практикою, особаго комитета для составленія новаго уголовнаго уложенія. Комитетъ тогда же былъ образованъ. Начертаніе первоначальнаго проекта было возложено, по Высочайшему повелѣнію, на выдѣленную изъ состава комитета редакціонную коммисію, въ которую вошли три криминалиста-теоретика—Таганцевъ, Неклюдовъ и Фойницкій и три практика—Розинъ, Лицкой и Фришъ; послѣднему, бывшему въ то время Товарищемъ Министра Юстиціи, было предложено предсѣдательствованіе въ коммисіи. Переѣздъ Сергѣевскаго въ Петербургъ совпалъ по времени съ окончаніемъ разсмотрѣнія редакціонной коммисіей составленнаго Н. С. Таганцевымъ проекта общей части уголовнаго уложенія и разсылкой послѣдняго для замѣчаній, на основаніи послѣдовавшаго по сему предмету особаго Высочайшаго повелѣнія, сенаторамъ, судебнымъ установленіямъ, прокуратурѣ, университетамъ, юридическимъ обществамъ и отдѣльнымъ спеціалистамъ, русскимъ и иностранцамъ. Привѣтствуя этотъ шагъ какъ обращеніе правительства къ обществу съ при-

глашеніемъ принять участіе въ составленіи новаго уголовнаго уложенія, Сергѣевскій дѣлаетъ вопросъ о роли народнаго элемента въ законодательныхъ работахъ темою своей вступительной лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Лекція эта была имъ напечатана въ мартовской книжкѣ „Журнала гражданскаго и уголовнаго права“ за 1883 годъ, подъ заглавіемъ: „Современныя задачи уголовнаго законодательства въ Россіи“. Объяснивъ, почему многократные призывы правительствомъ населенія къ участію въ законодательной дѣятельности не имѣли успѣха въ XVIII вѣкѣ и указавъ на измѣнившееся отношеніе общества къ закону, Сергѣевскій выразилъ надежду, что на этотъ, сдѣланный въ нѣсколько иной формѣ, новый призывъ общество горячо откликнется. Для того, однако, чтобы взгляды и желанія народной массы могли получить въ проектѣ надлежащее выраженіе и именно въ тѣхъ вопросахъ, при разрѣшеніи которыхъ законодатель долженъ сообразоваться съ воззрѣніями, живущими въ обществѣ, Николай Дмитріевичъ сдѣлалъ попытку установить въ упомянутой лекціи болѣе или менѣе точно ту сферу, въ которой слѣдуетъ выслушать голосъ народа и подчиниться его правовоззрѣніямъ, гдѣ составители проекта не могутъ ограничиться ни готовымъ историческимъ законодательнымъ матерьяломъ, ни образцовыми западными кодексами, ни идеалами, выдвинутыми въ наукѣ, противопоставивъ ей другую сферу вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ справки съ народными взглядами совершенно не требуется.

Вслѣдъ затѣмъ, въ томъ же 1883 году, онъ представилъ въ коммисію подробный разборъ проекта общей части—исключительный по своей цѣнности трудъ, которому среди многочисленныхъ отзывовъ и замѣчаній, полученныхъ коммисіей, должно быть по справедливости отведено первое мѣсто. Въ общемъ весьма благожелательныя, возраженія Николая Дмитріевича отмѣчали въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно самые существенные недостатки проекта и многія изъ

нихъ, оставшіяся непринятыми комиссіей, сохранили всю свою силу и по настоящее время. Такъ, напр., протекшая четверть вѣка дала лишь новыя доказательства глубокой правильности доводовъ Николая Дмитріевича противъ увлеченія составителей новаго уголовнаго уложенія идеей одиночной тюрьмы. Упрекая коммисію въ томъ, что изъ всѣхъ существующихъ тюремныхъ системъ она выбрала для краткосрочной тюрьмы самую дорогую, самую сложную и самую трудную изъ всѣхъ, притомъ такую, которая, какъ признаетъ самъ проектъ, можетъ часто дѣйствовать губительно на здоровье заключенныхъ, Николай Дмитріевичъ находилъ это нововведеніе проекта неудачнымъ или, по меньшей мѣрѣ, сомнительнымъ и вообще и въ особенности для русской тюрьмы. Однимъ изъ важныхъ недостатковъ одиночнаго заключенія, по словамъ Николая Дмитріевича, является его крайняя неравномѣрность. Одиночное заключеніе разсматривается проектомъ какъ средство усиленія репрессіи; между тѣмъ для людей, привыкшихъ къ умственному труду, оно будетъ мало чувствительно, а для людей, которымъ сожительство съ арестантами тяжело и непріятно, оно окажется даже облегченіемъ; это признаетъ самъ проектъ, установляя при арестѣ одиночное заключеніе лишь по собственному желанію арестантовъ. Кромѣ неравномѣрности его по тяжести для различныхъ субъектовъ слабую сторону одиночнаго заключенія, какъ мѣры репрессіи, Сергѣевскій видѣлъ въ томъ, что оно направляется преимущественно на духъ человѣка, а не на тѣло. „Неизбѣжность угнетающихъ впечатлѣній, а во многихъ случаяхъ и крайне вредное воздѣйствіе на психическую сторону арестанта, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію“. „Мы безусловно предпочитаемъ, какъ мѣру репрессіи въ тюрьмахъ,—писалъ Николай Дмитріевичъ—тяжелыя работы, сокращеніе праздничныхъ дней, даже сокращеніе въ пищѣ, насколько оно не будетъ разрушать здоровья. Что касается до воздѣйствій исправительныхъ, то въ этой области выборъ

тѣхъ или другихъ мѣропріятій, думается намъ, долженъ зависѣть отъ свойствъ и особенностей того матеріала, надъ которымъ приходится оперировать. Не путемъ введенія иностранныхъ, болѣе или менѣе шаблонныхъ, теоретически построенныхъ институтовъ, выросшихъ притомъ на такой отвлеченной мистической почвѣ, какова пенсильванская келейная система, а путемъ изученія мѣстныхъ народныхъ условій и приспособленій къ нимъ должна идти тюремная реформа. Для русскаго крестьянина-земледѣльца, напримѣръ, келейное заключеніе, внѣ всякаго сомнѣнія, принесетъ не исправленіе, а одно лишь озлобленіе, чувство вражды и ожесточенія". Кромѣ этихъ соображеній противъ опредѣленій проекта объ одиночномъ заключеніи Сергѣевскій выдвигалъ и практическую сторону дѣла. „Не говоря о громадныхъ денежныхъ затратахъ, которыя потребуются для постройки келейныхъ тюремъ—говорилъ онъ—легко видѣть, что всякая ошибка въ устройствѣ ихъ можетъ подорвать все дѣло и привести его къ результатамъ нежелательнымъ и вреднымъ... Управленіе келейными тюрьмами требуетъ наивысшихъ достоинствъ тюремной администраціи; всякаго рода злоупотребленіямъ, какъ въ смыслѣ притѣсненія, такъ и предоставленія незаконныхъ льготъ отдѣльнымъ арестантамъ, открывается здѣсь широкій просторъ; плохая организація работъ превратитъ одиночную тюрьму въ старую пенсильванскую; недостатокъ медицинскаго надзора вызоветъ оставленіе въ кельяхъ и тѣхъ арестантовъ, которые должны быть переведены въ общее заключеніе въ виду состоянія ихъ здоровья; наоборотъ добродушно-слабое отношеніе медика и директора тюрьмы переведетъ всѣхъ арестантовъ, кромѣ немногихъ, въ чемъ-либо провинившихся, изъ келей въ общія камеры и т. д. Что всѣ эти злоупотребленія не заставятъ себя ждать, въ томъ ручается старый опытъ и очевидная для всякаго недостаточность, качественная и количественная, служебнаго персонала" (Сводъ замѣчаній, т. IV, стр. 380—383). Чтобы оцѣнить правильно значеніе

этихъ замѣчаній, необходимо имѣть въ виду, что все это Николай Дмитріевичъ писалъ въ 1883 году, черезъ три года послѣ Стокгольмскаго тюремнаго конгресса, когда вѣра въ универсальное реформирующее значеніе одиночной тюрьмы достигла своего апогея. Ни одинъ голосъ на Стокгольмскомъ конгрессѣ не раздался противъ принципа одиночнаго заключенія; спорили только о подробностяхъ его организаціи. И что же осталось отъ этой вѣры? Достаточно сравнить труды Стокгольмскаго и Брюссельскаго тюремнаго конгресса 1900 года, чтобы видѣть, какъ мало оправдалъ 20-лѣтній опытъ примѣненія одиночной тюрьмы возлагавшіяся на нее въ 1880 году надежды. Государственнымъ дѣятелямъ конца XIX столѣтія, какъ напр., бывшему бельгійскому министру юстиціи Лежену,—министру юстиціи одного изъ немногихъ государствъ, въ которыхъ одиночное заключеніе имѣетъ продолжительный опытъ и болѣе или менѣе послѣдовательно проведено, представляется совершенно непонятнымъ, какъ могло человѣчество додуматься до мысли, что постройкой одиночныхъ келій оно справится съ преступностью!

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ обращенные Николаемъ Дмитріевичемъ къ редакціоной коммисіи упреки въ чрезмѣрной сложности карательной системы. Нашъ старый опытъ даетъ достаточно указаній относительно необходимости избѣгать многочисленныхъ видовъ лишенія свободы, различающихся между собой по назначенію и по режиму: „сложная хитро задуманная система карательныхъ, исправительныхъ и смирительныхъ заведеній—говорилъ Николай Дмитріевичъ—въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ осталась лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительной жизни привела къ полному разложенію и, скажемъ даже, къ деморализаціи уголовной юстиціи, благодаря, именно, несоотвѣтствію сложной системы съ однообразіемъ и скудостью наличныхъ силъ и средствъ въ обществѣ“ (тамъ же, стр. 379). Николай Дмитріевичъ находилъ настоятельно необходимымъ упростить

карательную систему и прежде всего сократить число видовъ лишенія свободы. Это предложеніе его, однако, какъ и возраженія противъ одиночной тюрьмы, успѣха не имѣло. Существующее въ дѣйствующемъ правѣ разнообразіе видовъ лишенія свободы перешло и въ новое уголовное уложеніе, карательная система котораго является поэтому едва ли не самой сложной изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ системъ.

Смотря всегда прямо и ясно на вещи, Николай Дмитріевичъ признавалъ глубоко неправильнымъ установившійся порядокъ, въ силу котораго расходы по содержанію арестантовъ и управленію тюрьмами, составляя значительную часть государственнаго бюджета, ложатся на всѣхъ плательщиковъ государственныхъ податей, тогда какъ по справедливости они должны бы были покрываться виновными. Старое государство—читаемъ въ его замѣчаніяхъ—разрѣшило этотъ вопросъ весьма просто; оно по общему правилу, не считало себя обязаннымъ кормить своихъ арестантовъ и дѣлало это лишь въ размѣрахъ крайней необходимости, да и то, какъ извѣстно, не всегда, или возвращало свои расходы, извлекая изъ арестантовъ даровую рабочую силу. Идти этимъ путемъ нынѣ нежелательно и невозможно; но, съ другой стороны, столь же нежелательно содержать на государственный счетъ преступниковъ, которые имѣютъ собственное имущество. Намъ думается, что наше будущее уложеніе сдѣлало бы весьма крупный шагъ впередъ, если бы внесло въ свои опредѣленія правило о взысканіи съ имущества осужденныхъ всѣхъ расходовъ по ихъ содержанію въ тюрьмѣ (въ томъ числѣ и по управленію тюрьмами) въ размѣрахъ, опредѣленныхъ закономъ, соотвѣтственно роду и срокамъ заключенія, и въ порядкѣ, въ которомъ взыскиваются съ виновнаго судебныя издержки по дѣлу. Между этими двумя взысканіями нѣтъ никакого различія по ихъ юридической природѣ; допуская одно, законъ можетъ вполнѣ послѣдовательно установить и

другое. Самъ проектъ, обращая въ казну заработокъ арестанта, весь (при каторгѣ) или часть его, тѣмъ самымъ признаетъ принципъ возмѣщенія тюремныхъ расходовъ изъ имущества арестанта—въ данномъ случаѣ изъ продуктовъ труда,—но только не проводитъ этого начала послѣдовательно. По нашему мнѣнію, обращеніе въ казну заработка должно разсматриваться какъ составная часть взысканія расходовъ. При отсутствіи у осужденнаго имущества взысканіе должно падать исключительно на заработокъ, причемъ, во всякомъ случаѣ, желательно, въ видахъ поощренія къ труду, сохранить небольшой процентъ вознагражденія" (тамъ же, стр.385—386).

Столь же цѣннымъ, какъ замѣчанія, касающіяся карательной системы проекта, представляется критическій анализъ Сергѣевскаго основныхъ положеній ученія о преступленіи. Большая часть послѣднихъ встрѣтила съ его стороны болѣе или менѣе сочувственную и лестную оцѣнку. Многія изъ развитыхъ въ этой работѣ мыслей были впослѣдствіи повторены имъ въ его „Пособіи въ лекціямъ"—самомъ распространенномъ въ настоящее время учебникѣ уголовнаго права на русскомъ языкѣ.

Участіе Сергѣевскаго въ реформѣ нашего уголовнаго законодательства не ограничилось однимъ представленіемъ замѣчаній на проектъ общей части. Подъ его предсѣдательствомъ, сначала въ качествѣ товарища предсѣдателя, а затѣмъ и предсѣдателя уголовнаго отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества, редакціоннымъ комитетомъ послѣдняго, при участіи особо приглашенныхъ членовъ общества, были разсмотрѣны въ 1884—1887 гг. важнѣйшіе отдѣлы проекта особенной части—о посягательствахъ личныхъ и имущественныхъ. Замѣчанія С.-Петербургскаго юридическаго общества на названные отдѣлы уголовнаго уложенія представляютъ изъ себя весьма капитальную работу—объемистый томъ, содержащій въ совокупности свыше 400 печатныхъ страницъ. Значительная часть ихъ принадлежитъ перу Николая Дмитріевича.

Забѣгая впередъ, позволю себѣ упомянуть здѣсь кстати, что много лѣтъ спустя, при разсмотрѣніи проекта уголовнаго уложенія въ Государственномъ Совѣтѣ, Сергѣевскому пришлось дать еще разъ свой отзывъ на проектъ, но уже не въ качествѣ ученаго и профессора, а въ качествѣ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, управляющаго Отдѣленіемъ Свода Законовъ. На этотъ разъ онъ долженъ былъ разсматривать наше будущее уложеніе не съ широкой точки зрѣнія криминалиста, а съ узкой точки зрѣнія кодификатора, руководствующагося исключительно соображеніями законодательной техники. Николай Дмитріевичъ сумѣлъ удержаться въ этихъ рамкахъ и при участіи чиновъ Отдѣленія Свода Законовъ составилъ подробнѣйшія замѣчанія, явившіяся для проекта уголовнаго уложенія, въ сущности, довольно суровымъ приговоромъ. Основная мысль, изъ которой исходилъ Николай Дмитріевичъ въ этой работѣ, была та же, которую онъ постоянно проводилъ въ своихъ научныхъ трудахъ, а именно, положеніе о зависимости уголовнаго закона въ значительной части его опредѣленій отъ нормъ права другихъ областей. Если вновь вводимое уголовное уложеніе во всѣхъ случаяхъ подобной зависимости не признало для себя обязательными соотвѣтствующія правила дѣйствующаго закона и не приняло ихъ за отправную точку своихъ построеній, то съ момента его утвержденія, указывалъ статсъ-секретарь Отдѣленія Свода Законовъ, оно станетъ въ противорѣчіе съ дѣйствующимъ закономъ, требуя реформы послѣдняго, въ смыслѣ подчиненія его вновь устанавливаемымъ началамъ. Смотря по тому, насколько при составленіи уложенія былъ принятъ во вниманіе моментъ связи уголовныхъ законовъ съ правомъ другихъ областей, реформа эта можетъ принимать болѣе и менѣе значительные размѣры, доходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти до полнаго преобразованія тѣхъ или другихъ частей государственнаго и общественнаго управленія и строя,—преобразованія, при составленіи и утвержденіи уложенія не всегда имѣвшагося

въ виду. Сергѣевскій не соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, которыя утверждали, что задача согласованія дѣйствующихъ законовъ съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ можетъ всегда слѣдовать за утвержденіемъ послѣдняго. Этотъ путь онъ считалъ пригоднымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда при самой выработкѣ проекта составители строго руководствовались соображеніемъ о необходимости соотвѣтствія новаго уложенія дѣйствующему законодательству другихъ областей права, какъ это было, напримѣръ, при составленіи уложенія о наказаніяхъ 1845 года. „Если же—говорилъ онъ—обратно сему, въ самомъ порядкѣ составленія проекта изъясненное условіе не было поставлено на первый планъ,—тогда работа по согласованію должна необходимо предшествовать законодательному утвержденію проекта. Безусловно необходимо провѣрить каждое положеніе такого проекта съ точки зрѣнія отношенія къ дѣйствующему законодательству другихъ областей, такъ какъ только такимъ способомъ можно опредѣлить дѣйствительное достоинство проектированныхъ положеній и рѣшить вопросъ о томъ, преобладаютъ ли выгоды, ожидаемыя отъ новаго уложенія, надъ тѣми неудобствами, кои повлечетъ за собою вызываемое имъ измѣненіе дѣйствующаго законодательства. Указаніе на нежелательность отсрочекъ въ дѣлѣ утвержденія новыхъ законовъ не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ никакого значенія, такъ какъ само собою разумѣется, что новое уложеніе, хотя бы и утвержденное законодательнымъ порядкомъ, не можетъ быть введено въ дѣйствіе впредь до соотвѣтствующихъ преобразованій подлежащихъ частей законодательства, какой бы срокъ для того ни потребовался. При этомъ не надо упускать изъ виду и того соображенія, что работы по согласованію могутъ очень часто привести къ необходимости измѣнить не дѣйствующее законодательство, а, наоборотъ, правила новаго уложенія“ [10]).

[10]) Замѣчанія Отдѣленія Свода Законовъ не были напечатаны, а только отгектографированы на пишущей машинѣ (247 стр. in folio) и потому были распространены лишь среди весьма ограниченнаго круга лицъ.

Замѣчанія Отдѣленія Свода Законовъ легли въ основаніе работъ Высочайше учрежденной въ 1898 году, подъ предсѣдательствомъ сенатора Таганцева, особой коммисіи для составленія дополнительныхъ къ уголовному уложенію узаконеній. Работы этой коммисіи отразились до извѣстной степени на текстѣ уголовнаго уложенія, но порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія проекта уложенія былъ выбранъ иной, не тотъ, который отстаивалъ Сергѣевскій. 22 марта 1903 года уголовное уложеніе получило Высочайшую санкцію, но, по несоотвѣтствію его процессуальнымъ и другимъ законамъ, въ большей части своей до сего времени не введено въ дѣйствіе и будетъ ли когда-либо введено въ дѣйствіе—большой вопросъ. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что, предупреждая противъ слишкомъ поспѣшнаго утвержденія проекта уложенія, настаивая на необходимости предварительнаго согласованія его со сводомъ, Сергѣевскій былъ совершенно правъ. Какъ и всякій мертвый законъ, уголовное уложеніе приноситъ пока дѣлу правосудія не пользу, а вредъ, внося противорѣчія и раздвоенность въ ту область, гдѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, необходимы ясность и единство.

Занятія проектомъ уголовнаго уложенія, которымъ Сергѣевскій удѣлилъ не мало времени въ первые годы по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, не обнимали собою, однако, всей его научной дѣятельности въ этотъ періодъ и даже не занимали въ ней перваго мѣста. Въ гораздо большей степени интересовали его въ то время вопросы исторіи уголовнаго права. Еще въ Ярославлѣ Николай Дмитріевичъ началъ спеціализироваться на изученіи карательной дѣятельности Московскаго государства въXVII вѣкѣ. Этому вопросу онъ посвятилъ затѣмъ свою докторскую диссертацію и, ранѣе диссертаціи, нѣсколько рефератовъ и журнальныхъ статей.

Въ 1884 году въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“ имъ была напечатана статья подъ заглавіемъ:

„Смертная казнь въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка“ (кн. 2, стр. 1-56). Въ 1885 году онъ сдѣлалъ докладъ въ уголовномъ отдѣленіи С.-Петербургскаго юридическаго общества о „тѣлесномъ наказаніи въ Россіи въ XVII въ вѣкѣ“ (Журн. гражд. и угол. пр., 1886, кн. 1, стр. 1—36). Въ 1886 году была напечатана въ „Юридическомъ вѣстникѣ“ статья Николая Дмитріевича о „тюремномъ заключеніи въ Россіи въ XVII вѣкѣ“ (кн. 4, стр. 642—674), наконецъ, въ 1887 году его рѣчь въ годовомъ собраніи юридическаго общества 8 марта 1887 года —„о ссылкѣ въ древней Россіи.“ Говоря о работахъ Николая Дмитріевича по исторіи уголовнаго права въ восьмидесятыхъ годахъ, необходимо упомянуть объ изданныхъ при его участіи, тотчасъ же по переходѣ его въ Петербургъ, кандидатомъ правъ А. А. Востоковымъ „проектахъ уголовнаго уложенія 1754—1766 годовъ“ (Новоуложенной книги часть вторая: о розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены). Сергѣевскій написалъ къ этому изданію предисловіе, заключающее въ себѣ не только цѣнную характеристику проекта Елизаветинской коммисіи, но и интересный матеріалъ вообще для исторіи наказаній, и въ частности для исторіи смертной казни.

V.

Въ концѣ 1887 года вышло въ свѣтъ изслѣдованіе Николая Дмитріевича—плодъ 8-лѣтней работы: „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“. Появленіе его произвело небывалую сенсацію. И юридическіе и неюридическіе органы печати спѣшили познакомить своихъ читателей съ трудомъ Сергѣевскаго. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ книга вызвала 19 рецензій; изъ нихъ 11 были наполнены самыми рѣзкими отзывами. Сергѣевскаго обвиняли въ томъ, что онъ будто бы и для нашего времени одобряетъ, „рекомендуетъ“ жестокость казней, наказаніе невиновныхъ; беретъ подъ свою защиту „даже крѣпостное право“; проповѣдуетъ „принципъ дешевизны наказаній во что бы то ни стало“; объявляетъ, что „тѣлесное наказаніе—идеалъ карательной системы“; предлагаетъ возстановить отрѣзаніе языковъ и т. п. Его сравнивали съ Аттилой, называли чудовищемъ.

Лишнее говорить, что долженъ былъ испытывать Сергѣевскій, читая эти рецензіи. Но, будучи принципіальнымъ противникомъ полемики, онъ молчалъ, молчалъ до тѣхъ поръ, пока его сослуживецъ по университету, проф. Фойницкій, не напечаталъ отзыва, даннаго имъ юридическому факультету по поводу его докторской диссертаціи. Повторяя многія изъ приведенныхъ обвиненій, рецензія проф. Фойницкаго заканчивалась утвержденіемъ, что хотя Сергѣевскій проявляетъ большую любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ, но очевидно, что лучшія способности автора на сторонѣ догматической разработки. Въ заключеніе проф. Фойницкій выражалъ пожеланіе, чтобы Сергѣевскій не обогащалъ болѣе русскую литературу такими положеніями, какъ его ученія о групповой отвѣтственности и о простотѣ наказаній [11]).

Статья Фойницкаго заставила Николая Дмитріевича

[11]) *Фойницкій.* Научная разработка исторіи наказанія. Журн. гражд. и угол. пр., 1888, кн. 3, стр. 97—133.

прервать молчаніе, причемъ отвѣтъ свой онъ напечаталъ въ довольно своеобразной формѣ. Онъ помѣстилъ параллельно два текста,—подлинный текстъ своего изслѣдованія и передачу его проф. Фойницкимъ, привосовокупивъ къ нимъ краткія объясненія (Журн. гражд. и угол. пр., 1888, кн. 4, стр. 189—198). Сопоставленіе двухъ текстовъ производитъ прямо удручающее впечатлѣніе, наглядно свидѣтельствуя о томъ, въ какія ошибки можетъ впасть рецензентъ, прибѣгающій къ чтенію между строкъ. Но, какъ это обыкновенно бываетъ, провѣрить основательность обвиненій, взведенныхъ на докторанта, большая публика не пожелала и за Сергѣевскимъ удержалась на долгое время созданная ему его рецензентами репутація защитника кнута, отрѣзанія языка и вырыванія ноздрей.

22 мая 1888 года, при огромномъ стеченіи публики, происходилъ докторскій диспутъ Сергѣевскаго. Такого стеченія народа университетскіе старожилы не помнили. Пренія носили самый оживленный, страстный характеръ [12]). Подъ

[12]) Для защиты на диспутѣ докторантомъ были представлены слѣдующія, извлеченныя изъ диссертаціи, положенія:

1. Основною отличительною чертою карательной системы XVII вѣка является стремленіе къ извлеченію изъ наказаній и изъ преступника узко-практическихъ полезностей для государства.

2. Карательная система XVII вѣка отличалась полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было гуманныхъ идей и не представляла почти никакихъ гарантій для личности преступника.

3. Изъ всѣхъ возможныхъ карательныхъ мѣръ законъ избираетъ наиболѣе дешевыя. Общій уровень наказаній, по роду ихъ и размѣрамъ, былъ весьма высокъ.

4. Наказаніе лицъ невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными было весьма развито, подъ вліяніемъ полнаго пренебреженія къ личности человѣка, какъ такового.

5. Возведеніе групповой отвѣтственности къ конструкціи юридическаго лица, какъ въ видахъ утвержденія, такъ и въ видахъ отрицанія такой отвѣтственности, безусловно несостоятельно.

6. Принципіальная правомѣрность групповой отвѣтственности, установляемая теоріей, признающей отвѣтственность юридическихъ лицъ, не можетъ быть допущена вовсе.

шиканье однихъ и громъ аплодисментовъ другихъ Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій былъ провозглашенъ докторомъ уголовнаго права. [13]).

7. Установленіе групповой отвѣтственности въ законѣ свидѣтельствуетъ лишь о безпомощной слабости судебно-слѣдственныхъ силъ въ государствѣ и о пренебреженіи къ личности человѣка, какъ таковаго вообще или въ той сферѣ, въ которой групповая отвѣтственность установлена. Этими обстоятельствами исключительно обусловливается весь институтъ групповой отвѣтственности.

8. Крайняя суровость карательныхъ мѣръ XVII вѣка вытекала не столько изъ грубости и угнетенія, сколько изъ бѣдности силъ и средствъ, необходимыхъ для болѣе гуманной борьбы въ дѣлѣ укрѣпленія порядка.

9. Примѣненіе различныхъ видовъ смертной казни опредѣлялось не столько свойствомъ или тяжестью соотвѣтствующихъ преступленій, сколько различными побочными соображеніями.

10. Тѣлесныя наказанія болѣзненныя слагались подъ вліяніемъ одной, простѣйшей идеи: причиненія физической боли.

11. Тюрьмы имѣли своей задачей исключительно лишеніе свободы въ тѣсномъ смыслѣ, безъ всякой идеи о воздѣйствіи на личность тюремнаго сидѣльца.

12. Никакого для жизни тюремныхъ сидѣльцевъ режима закономъ установлено не было. Арестанты внутри тюрьмы пользовались свободой занятій и образа жизни. Населеніе тюремъ слагалось въ общины, признававшіяся правительствомъ.

13. Начало обязательнаго труда тюремныхъ сидѣльцевъ установлялось общимъ образомъ въ законѣ, хотя на практикѣ почти не имѣло примѣненія.

14. Начало распредѣленія арестантовъ по группамъ было извѣстно русскому праву XVII вѣка.

15. Матеріальная обстановка жизни тюремныхъ сидѣльцевъ была въ высшей степени тягостная.

16. Полезности, получавшіяся отъ ссылки, достигались цѣною принесенія въ жертву массы людей.

17. Институтъ лишенія правъ не былъ развитъ и не могъ быть развитъ въ правѣ XVII вѣка.

18. Наказанія позорящія почти отсутствовали подъ вліяніемъ общаго начала, по которому карательная дѣятельность уклонялась отъ вторженія въ духовную жизнь человѣка.

[13]) Докторскій диспутъ Н. Д. Сергѣевскаго. Журн. гражд. и угол. пр., 1888, кн. 7, стр. 57—84.

Размѣръ настоящей статьи не позволяетъ отвести въ ней надлежащаго мѣста оцѣнкѣ и разбору докторской диссертаціи Сергѣевскаго, этого замѣчательнаго, вызвавшаго столь разнообразныя сужденія, труда. Едва-ли надо упоминать, что всѣ тѣ обвиненія, которыя были направлены противъ автора ея, не имѣли подъ собою и тѣни основанія. Ни въ одной строкѣ его книги не содержится одобренія, а тѣмъ паче предложенія на будущее время чего-либо подобнаго тому, что ему приписывали. Слово „одобреніе", какъ правильно замѣтилъ Николай Дмитріевичъ въ своей рѣчи на диспутѣ (стр. 63), представляется даже непримѣнимымъ къ оцѣнкѣ историческихъ явленій. Его рецензенты хотѣли, чтобы, говоря о жестокихъ казняхъ, существовавшихъ въ XVII вѣкѣ, онъ прибавлялъ къ описанію казни слова: „къ несчастью", „къ сожалѣнію" или „сколь сіе ужасно". Николай Дмитріевичъ этого не дѣлалъ; оставаясь вѣрнымъ пріемамъ историка, онъ принималъ всѣ явленія, дурныя и хорошія, какъ историческій фактъ, и старался дать этому факту объясненіе, т. е. найти дѣйствительный смыслъ и причины явленій; онъ не распространялся о „злодѣяхъ жестокосердыхъ" и за это, по его словамъ, самъ едва не попалъ въ злодѣи (тамъ же, стр. 64). „Я заявляю— говорилъ Николай Дмитріевичъ во время диспута,—что если бы я дѣйствительно хотѣлъ сказать то, въ чемъ меня обвиняютъ, то я сказалъ бы это открыто и прямо, не страшась никакихъ нареканій, такъ какъ считаю, что наука должна быть одинаково свободна во всѣхъ направленіяхъ, а университетъ долженъ быть прежде всего хранителемъ этой свободы. Повторяю: ничего подобнаго въ моей книгѣ нѣтъ. Я старался только, говоря о мрачномъ и тяжеломъ въ нашей жизни, говорить сдержанно и безпристрастно, воздерживаясь отъ выраженія всякихъ отъ своего лица порицаній или осужденій, такъ какъ все подобное представляется мнѣ лишнимъ въ историческомъ трудѣ. Стоя на почвѣ чистаго историческаго изслѣдованія, я старался говорить такъ, какъ могъ

бы говорить предъ нами самъ человѣкъ XVII вѣка, сознаваясь въ недостаткахъ своей эпохи, но приводя въ то же время свои объясненія и оправданія“ (тамъ же, стр. 63).

Особенно рѣзкіе нападки на Николая Дмитріевича со стороны его критиковъ вызвала его теорія „групповой отвѣтственности“:

„Государство можетъ терпѣть безнаказанность преступныхъ дѣяній—писалъ Николай Дмитріевичъ—лишь въ извѣстныхъ размѣрахъ; государство не можетъ допустить, чтобы преступныя дѣянія, въ немъ совершающіяся, вовсе не наказывались или въ большей части случаевъ не наказывались... Преступныя дѣянія должны быть наказываемы. Къ раскрытію виновныхъ направляетъ всѣ свои усилія судебно-слѣдственная власть. Но эта судебно-слѣдственная власть можетъ имѣть въ различныя эпохи въ различныхъ государствахъ весьма различную силу—она можетъ быть очень сильна и можетъ быть очень слаба: въ первомъ случаѣ она съ полной достовѣрностью откроетъ всѣхъ или громадное большинство преступниковъ; во второмъ—весьма немногихъ или съ весьма слабыми доказательствами виновности. Между тѣмъ, потребность государства въ томъ, чтобы всѣ преступныя дѣянія были наказаны, остается всегда неизмѣнною; неизмѣнною же остается и невозможность для государства допустить безнаказанность всѣхъ или весьма многихъ преступныхъ дѣяній“ (Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, стр. 38—39). Въ этомъ положеніи Сергѣевскій видѣлъ объясненіе того, что бываютъ случаи, когда государство можетъ быть вынуждено наказывать не только тѣхъ, винозность которыхъ не вполнѣ достовѣрно доказана, но и лицъ прямо невиновныхъ. „Представимъ себѣ, что, благодаря особымъ условіямъ быта, въ извѣстныхъ случаяхъ, для государства весьма важныхъ, виновныя лица вовсе не могутъ быть опредѣлены индивидуально наличными силами уголовной юстиціи; между тѣмъ государство не можетъ терпѣть безнаказанности ихъ преступныхъ дѣяній. Тогда для государственной власти остается един-

ственная дилемма: или допустить безнаказанность свыше мѣры возможнаго терпѣнія и тѣмъ подвергнуть опасности разложенія извѣстную сторону государственнаго порядка, или наложить наказаніе, не опредѣляя виновнаго индивида, на всѣхъ тѣхъ лицъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться дѣйствительный виновникъ. Древнее государство спокойно шло этимъ послѣднимъ путемъ: не будучи сдерживаемо тѣмъ отношеніемъ къ личности человѣка, которымъ руководствуемся мы нынѣ, оно сложило широкій институтъ групповой отвѣтственности. Но и современное государство въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ тому же пріему—наказываетъ цѣлыя общины, селенія, не опредѣляя вовсе, кто именно изъ членовъ собирательной единицы есть дѣйствительный виновникъ" (тамъ же, стр. 40—41). „На первый взглядъ трудно найти основанія такому образу дѣйствій государственной власти: за неразысканіемъ виновныхъ наказываются невиновные, въ томъ предположеніи, что среди нихъ находятся виновные. Однако, указанныя выше особенности эпохи даютъ, думается намъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, не только полное объясненіе, но и достаточное оправданіе этому институту групповой отвѣтственности; скажемъ даже болѣе, онъ получаетъ достаточное оправданіе и для нашихъ дней, и для права грядущихъ эпохъ, насколько сохраняются и сохранятся условія, его вызвавшія первоначально" (тамъ же, стр. 38).

Вотъ въ подлинномъ ихъ изложеніи тѣ слова, превратное толкованіе которыхъ имѣло своимъ послѣдствіемъ возведеніе Николая Дмитріевича въ отрицателя начала индивидуальной отвѣтственности. „Вмѣсто того, чтобы, твердо выставивъ положеніе о личной отвѣтственности,—писалъ въ своемъ отвѣтѣ проф. Фойницкій (стр. 128)—указать отступленія отъ него въ разсматриваемую эпоху, г. Сергѣевскій идетъ путемъ обратнымъ, строя на этихъ послѣдствіяхъ и самое отступленіе и приходя къ его защитѣ". Еслибы Николай Дмитріевичъ послѣдовалъ этому совѣту, онъ по-

ступилъ бы именно такъ, какъ не долженъ поступать историкъ. Къ изслѣдованію историческихъ явленій нельзя примѣнять современныя намъ понятія. Начало индивидуальной отвѣтственности въ XVII вѣкѣ далеко еще не получило того признанія, какимъ оно пользуется въ наши дни; то, что признается нынѣ отступленіемъ, отнюдь не являлось отступленіемъ въ старомъ правѣ.

Теорія групповой отвѣтственности Сергѣевскаго не можетъ быть причислена, конечно, къ теоріямъ безспорнымъ. Нельзя за нею признать и того значенія, которое ей придавалъ Николай Дмитріевичъ, думавшій разрѣшить этой теоріей вопросъ о наказуемости юридическихъ лицъ (Наказаніе въ русскомъ правѣ, стр. 41; ср. Русское уголовное право, изд. 7, стр. 92—93). Но, какъ объясненіе извѣстнаго историческаго факта, теорія эта заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Существованіе групповой отвѣтственности не только въ старомъ правѣ, но и въ наши дни не подлежитъ сомнѣнію, хотя, правда, въ современномъ правѣ случаи примѣненія ея встрѣчаются почти исключительно въ области административныхъ и дисциплинарныхъ взысканій. Видѣть въ этомъ „вѣковомъ институтѣ“, подобно другимъ ученымъ, только „одну сплошную непрерывную ошибку въ исторіи человѣчества“ Сергѣевскій не могъ; какъ настоящій историкъ, онъ попытался дать институту групповой отвѣтственности научное обоснованіе; это дало поводъ рецензентамъ его работы обвинить его въ томъ, что „онъ беретъ подъ свою защиту этотъ институтъ и для нашего времени“ (*Фойницкій*, Научная разработка исторіи наказанія, стр. 107, 119, 124). Напрасно доказывалъ Николай Дмитріевичъ въ отвѣтѣ проф. Фойницкому, что ничего подобнаго въ его изслѣдованіи нѣтъ, что „объясненіе“ факта и „оправданіе“ его „вызвавшими его условіями“ на языкѣ юриста вовсе не означаетъ одобренія факта, что „принципіальная защита групповой отвѣтственности, если и принадлежитъ кому-либо, то тѣмъ ученымъ, которые проводятъ теорію отвѣтственно-

сти юридическихъ лицъ", а никакъ не ему, категорически эту теорію отвергающему (стр. 190—192). Убѣжденіе въ томъ, что Сергѣевскій „оправдываетъ" примѣненіе групповой отвѣтственности и для нашего времени и даже для права грядущихъ эпохъ, укоренилось твердо; никакія возраженія и заявленія Николая Дмитріевича поколебать этого убѣжденія не могли. А между тѣмъ содержаніе этихъ заявленій едва ли оставляло мѣсто какимъ-либо сомнѣніямъ. Въ каждомъ новомъ изданіи своего учебника Николай Дмитріевичъ повторялъ, что онъ „не можетъ допустить принципіальной правомѣрности какого бы то ни было распространенія карательныхъ мѣропріятій на лицъ невиновныхъ, въ томъ числѣ и групповой отвѣтственности, наоборотъ, долженъ признать, что установленіе групповой отвѣтственности въ законѣ свидѣтельствуетъ лишь о безпомощной слабости судебно-слѣдственныхъ силъ въ государствѣ и пренебреженіи къ личности человѣка, какъ таковаго" (изд. 7, стр. 93), что „въ современномъ правѣ, при современномъ положеніи личности въ государствѣ, какъ групповая отвѣтственность, такъ и другіе случаи распространенія карательныхъ мѣропріятій на лицъ невиновныхъ представляются противорѣчащими всему государственному строю" (стр. 92). И, тѣмъ не менѣе, въ появившейся уже послѣ кончины Николая Дмитріевича статьѣ одного изъ нашихъ криминалистовъ, бывшаго слушателя его, по поводу распоряженія Варшавскаго генералъ-губернатора о закрытіи части польскихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, мы находимъ слѣдующія, посвященныя Николаю Дмитріевичу, строки: „Этой полудикой эпохѣ (авторъ имѣетъ въ виду эпоху уложенія 1649 года) вполнѣ сродни была идея групповой отвѣтственности, обычай примѣненія кары безразлично къ правому и виноватому, на томъ основаніи, что долго искать виновныхъ, а нагнать страху, даже и на невиновныхъ, всегда полезно. Покойный проф. Сергѣевскій пытался отыскать оправданіе этому институту групповой от-

вѣтственности и для нашихъ дней и даже для права грядущихъ эпохъ, но голосъ его, сколько извѣстно, остался одинокимъ. Современное государство принимаетъ, какъ аксіому, что только установленная—и притомъ въ судебномъ порядкѣ—виновность даетъ право примѣненія наказанія. И знаменитое правило „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго“ могло представляться сомнительнымъ только уму криминалиста, безсознательно сжившагося со взглядами и представленіями далекихъ, давно минувшихъ дней“ (*Влад. Набоковъ.* Борьба „всѣми мѣрами“, „Рѣчь“, октябрь 1908 года).

Симпатіи Николая Дмитріевича дѣйствительно тяготѣли къ старинѣ, изъ чего вовсѣ не слѣдуетъ, однако, чтобы онъ былъ склоненъ XVII вѣкъ идеализировать,—нѣтъ, онъ его не идеализировалъ, онъ прямо заявлялъ, что XVII вѣкъ не есть золотой вѣкъ и что считать его таковымъ могутъ только тѣ, кто его не знаютъ, но онъ не соглашался признать его и эпохой разложенія: „XVII вѣкъ русской исторіи—говорилъ онъ—не только не былъ вѣкомъ разложенія, но, наоборотъ, вѣкомъ созиданія и наибольшаго напряженія народныхъ силъ, хотя напряженія односторонняго. Вчитываясь въ памятники XVII вѣка, за наружной оболочкой, составленной изъ массы отдѣльныхъ фактовъ разврата и злоупотребленій всякаго рода, ясно видимъ нѣчто такое, чего не видали авторы „обшальныхъ пѣсней“. Это—могучая, конструктивная сила служенія началу государственности. Государство съ его исключительными интересами, политическими, военными, финансовыми и династическими, притомъ государство новое, едва сложившееся, привлекало къ себѣ всѣ силы и наполняло собою всѣ правительственные идеалы. Дѣятельность законодательная и административная направлялась къ одной цѣли: создать государственное единство, укрѣпить власть, собрать казну и сильное войско“ (Наказаніе въ русскомъ правѣ, стр. 12—63; ср. стр. 78—79). Вотъ этимъ-то „созданіемъ государственнаго единства“

XVII вѣкъ и былъ близокъ сердцу Сергѣевскаго. Онъ преклонялся передъ силою духа, которую проявляли люди этого вѣка. Онъ понималъ ихъ, такъ какъ, подобно имъ, онъ самъ былъ склоненъ всегда принести въ жертву свои личные интересы интересамъ государственнымъ или, какъ говорили въ XVII вѣкѣ, „Его Великаго Государя дѣла“.

VI.

„Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“ было закончено печатаніемъ, какъ было указано, въ концѣ 1887 года. За нѣсколько мѣсяцевъ до выхода его въ свѣтъ появилась въ печати другая крупная работа Сергѣевскаго—пособіе къ лекціямъ по общей части уголовнаго права (Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Спб. 1887) [14]). Уже первый рецензентъ этого труда, проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій, въ напечатанномъ въ томъ же 1887 году подробномъ разборѣ новаго учебника отмѣтилъ въ немъ, на ряду съ недостатками, много положительныхъ достоинствъ. Къ послѣднимъ Бѣлогрицъ-Котляревскій отнесъ: „самое обстоятельное въ нашей литературѣ и, по его мнѣнію, во многихъ чертахъ вѣрное опредѣленіе значенія обычая въ уголовномъ правѣ“, „сжатый и мѣткій по освѣщенію историческій очеркъ источниковъ дѣйствующаго права, начиная съ уложенія 1649 г.“, „сжатый и точный очеркъ теорій наказаній съ наиболѣе полнымъ въ нашей литературѣ изложеніемъ такъ называемыхъ правовыхъ теорій и съ правильной, на нашъ взглядъ, постановкой основанія наказанія,“ „прекрасное изложеніе тѣлесныхъ наказаній и тюремнаго заключенія въ старомъ правѣ, представляющее плодъ самостоятельнаго обширнаго труда автора по этимъ вопросамъ“, и наконецъ, „наиболѣе правильную и полную въ нашихъ учебникахъ постановку ученія о причинной связи въ связи съ

[14]) До 1887 года лекціи Н. Д. Сергѣевскаго по общей части уголовнаго права литографировались. Въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета имѣются два литографированныхъ изданія 1884 и 1885 г.г. Въ печатномъ „Пособіи къ лекціямъ“ нѣкоторые вопросы изложены болѣе сжато, чѣмъ въ литографированномъ изданіи Куклина 1884 года.

изложеніемъ положительнаго права“ [15]). Но и значительную часть того, что рецензентъ назвалъ недостатками книги, согласятся признать недостатками далеко не всѣ. Лучшей рекомендаціей курса Сергѣевскаго, какъ учебно-вспомогательнаго пособія, служитъ спросъ на него, продолжающій съ каждымъ годомъ увеличиваться, несмотря на оставленіе Сергѣевскимъ уже въ 1901 году преподаванія въ университетѣ. Въ теченіе 20 лѣтъ учебникъ Сергѣевскаго выдержалъ 8 изданій (2 изд.—1890 г., 3-е—1896 г., 4-е—1900 г., 5-е—1904 г., 6-е 1905 г., 7-е—1908 г. и 8-е—1910 г.)—успѣхъ, не выпадавшій до сего времени на долю ни одного изъ учебниковъ уголовнаго права на русскомъ языкѣ. Произойти это могло только потому, что благодаря сжатости и ясности изложенія „Пособіе“ Сергѣевскаго проникло кромѣ С.-Петербургскаго и въ нѣсколько провинціальныхъ университетовъ, будучи рекомендовано студентамъ мѣстными профессорами въ качествѣ лучшаго руководства для подготовки къ экзаменамъ.

Такъ какъ еще до изданія учебника Сергѣевскій высказался печатно по большинству вопросовъ общей части, для характеристики его научныхъ взглядовъ „Пособіе къ лекціямъ“ даетъ сравнительно немного. Матеріала новаго въ строгомъ смыслѣ, т. е. не бывшаго ранѣе напечатаннымъ, въ немъ почти нѣтъ. Большую часть учебника Николай Дмитріевичъ образовалъ изъ своихъ прежнихъ работъ, выпустивъ изъ нихъ все то, что онъ считалъ лишнимъ въ элементарномъ руководствѣ, и приведя разбросанныя въ монографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ ученія въ стройную, легко усвояемую систему. Изъ числа вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ въ учебникѣ обрисовываетъ болѣе или менѣе ярко личность Сергѣевскаго, кромѣ тѣхъ вопросовъ, на которые обращалось вниманіе при разсмотрѣніи прежнихъ его трудовъ, слѣдуетъ отмѣтить точку зрѣнія его на институты крайней необходимости и необходимой обороны. Смѣлый и стойкій бо-

[15]) *Бѣлогриць-Котляревскій.* Учебникъ уголовнаго права. Юрид. Вѣстн., 1887, № 10, стр. 285.

рецъ за право, Сергѣевскій институтъ необходимой обороны находилъ нужнымъ всячески поощрять, считая, что съ точки зрѣнія государственной, отраженіе всякаго незаконнаго нападенія всѣми силами должно быть признано основнымъ принципомъ твердости государственнаго строя: „Только то общество сильно, только то общество можетъ не бояться злоупотребленій ни со стороны частныхъ лицъ, ни со стороны органовъ власти,—говорилъ онъ—граждане котораго всегда готовы стать лицомъ къ лицу съ опасностью и вступить въ борьбу за право". Онъ всецѣло раздѣлялъ взглядъ Іеринга, что неуклонная защита своихъ правъ отъ всякаго незаконнаго посягательства есть не только право, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы обязанность гражданъ. Уклоненіе отъ защиты своего права, отступленіе предъ лицомъ незаконнаго посягателя представлялось Николаю Дмитріевичу дѣяніемъ позорнымъ. Развивая послѣдовательно этотъ взглядъ, Николай Дмитріевичъ шелъ дальше и признавалъ правомѣрнымъ противодѣйствіе совершенію всѣхъ вообще преступныхъ дѣяній, хотя бы и внѣ условій обороны личной или защиты правъ опредѣленныхъ третьихъ лицъ, и совершенно независимо отъ того, возлагаетъ ли законъ въ томъ или другомъ объемѣ на гражданъ обязанность препятствовать совершенію преступленій и санкціонируетъ ли онъ эту обязанность наказуемостью попустительства или нѣтъ; за вредомъ, причиненнымъ преступнику въ этомъ случаѣ, онъ признавалъ то же юридическое значеніе, какъ за вредомъ, причиненнымъ при необходимой оборонѣ (Русское уголовное право, изд. 7, стр. 242). Совершенно инымъ—представлялось ему—должно быть отношеніе государства къ институту крайней необходимости. Въ случаяхъ крайней необходимости дѣяніе остается противоправнымъ, такъ какъ, спасая себя, дѣйствующій причиняетъ вредъ третьимъ лицамъ, вовсе не бывшимъ причиною опасности и, слѣдовательно, не предупреждаетъ правонарушенія, какъ при необходимой оборонѣ, а только измѣняетъ направленіе зла и переноситъ противозаконный вредъ съ

себя на другое лицо, столь же пользующееся государственной охраной. „Эта природа крайней необходимости, принципіально противоположная юридической природѣ необходимой обороны,—говоритъ Николай Дмитріевичъ—опредѣляетъ собою отношеніе всего института въ государственной жизни: нельзя не видѣть, что объемъ крайней необходимости, какъ основанія безнаказанности, обратно пропорціоналенъ размѣрамъ гражданской доблести и мужества гражданъ. Чѣмъ слабѣе въ гражданахъ чувство долга, чѣмъ труднѣе имъ разставаться хотя бы съ частицами своихъ благъ для пользы общей или своего ближняго, тѣмъ чаще будутъ случаи преобладанія мотивовъ страха и себялюбія надъ мотивами законности, и тѣмъ шире долженъ будетъ признавать законъ (или судебная практика) безнаказанность крайней необходимости и обратно. Поэтому, усматривая въ расширеніи необходимой обороны признакъ развитія и процвѣтанія гражданскихъ силъ въ обществѣ, въ расширеніи института крайней необходимости мы можемъ усмотрѣть, наоборотъ, лишь упадокъ духа и ослабленіе чувства законности въ гражданахъ. Не о расширеніи этого института за тѣ предѣлы, которые устанавливаются дѣйствительными потребностями и характеромъ народнымъ, должно заботиться прогрессивное законодательство, а объ ограниченіи его, по возможности, тѣми случаями, въ которыхъ граждане, по своему душевному слабосилію, не въ состояніи подчиняться велѣніямъ закона и воздерживаться отъ совершенія дѣяній противозаконныхъ; за этими предѣлами желательно лишь смягченіе наказаній, но никакъ не полная безотвѣтственность“ (тамъ же, стр. 272—273 [16]).

---

[16]) Эти же соображенія высказывалъ ранѣе Николай Дмитріевичъ въ замѣчаніяхъ на проектъ общей части уголовнаго уложенія (Сводъ замѣчаній, т. IV, стр. 408—411).

VII.

Напечатавъ докторскую диссертацію и издавъ руководство по общей части уголовнаго права, Николай Дмитріевичъ принялся за разработку вопросовъ особенной части, съ тѣмъ, чтобы и по особенной части въ возможно скоромъ времени выпустить учебникъ [17]). Первоначально онъ расчитывалъ, повидимому, что пособіе къ лекціямъ по особенной части выйдетъ сейчасъ же вслѣдъ за пособіемъ по общей части, но расчеты эти не оправдались. Начатый печатаніемъ въ 1887 году учебникъ особенной части (Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть особенная. Спб. 1887) не былъ доведенъ авторомъ до конца и въ продажу не поступилъ, сдѣлавшись исключительно достояніемъ слушателей. Изложеніе лекцій по особенной части въ этомъ учебникѣ носило значительно болѣе конспективный характеръ по сравненію съ лекціями по общей части. По многимъ вопросамъ „Пособіе къ лекціямъ“ по особенной части 1887 года только повторяло изданный въ 1886 году ихъ печатный конспектъ.

---

[17]) Введенное университетскимъ уставомъ 1884 года испытаніе окончившихъ университетскій курсъ въ особыхъ коммисіяхъ по одинаковымъ для всѣхъ университетовъ программамъ имѣло своимъ послѣдствіемъ появленіе на книжномъ рынкѣ множества конспектовъ, репититоріевъ, извлеченій изъ курсовъ и проч., безграмотно составленныхъ, но съ непремѣннымъ указаніемъ на обложкѣ на то, что они соотвѣтствуютъ министерской программѣ. Успѣшный путь для борьбы съ этимъ зломъ Николай Дмитріевичъ видѣлъ только одинъ—скорѣйшее изданіе профессорами краткихъ учебниковъ, не превышающихъ тѣ размѣры, которые требуются учебными цѣлями. См. Юрид. Лѣтоп., 1890, т. II, стр. 411—414 (Особаго рода промышленники въ сферѣ учебной юридической литературы).

Всѣ болѣе крупные труды Николая Дмитріевича, появившіеся въ печати въ періодъ отъ 1890 по 1892 годъ, были посвящены разработкѣ вопросовъ особенной части уголовнаго права; исключеніемъ явилась только статья „о смертной казни при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, напечатанная въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“ въ 1890 году (кн. 1, стр. 51—60). Въ статьѣ этой Сергѣевскій доказывалъ, что Императрица Елизавета Петровна имѣла въ виду совершенно отмѣнить смертную казнь, но Сенатъ, считая эту мѣру недопустимой, придалъ акту воли Императрицы характеръ распоряженія о временномъ пріостановленіи исполненія смертныхъ приговоровъ, благодаря чему въ послѣдующія управленія смертная казнь могла быть легко возобновлена.

Работы свои по особенной части Николай Дмитріевичъ помѣщалъ въ издававшемся имъ въ теченіе трехъ лѣтъ журналѣ „Юридическая Лѣтопись“. Изданіе научнаго юридическаго органа было постоянною мечтою Николая Дмитріевича съ первыхъ же лѣтъ его ученой дѣятельности; осуществить эту мечту ему удалось въ 1890 году. Въ „Юридической Лѣтописи“ за 1890 годъ мы находимъ большую статью Николая Дмитріевича: „О мошенничествѣ по русскому дѣйствующему праву“ (т. II, стр. 373—410). За нею слѣдовали въ 1891 году статьи о „самовольномъ пользованіи по русскому дѣйствующему праву“ (т. I, стр. 271—290) и объ „обидѣ по русскому дѣйствующему праву“ (т. II, стр. 113—142). Вслѣдъ за ними должна была появиться, повидимому, въ 1892 году статья о „поврежденіи имущества по русскому праву“, но она осталась ненапечатанной, а въ концѣ 1892 года прекратилъ свое существованіе и самый журналъ.

Въ нашей небогатой литературѣ по особенной части названныя работы Сергѣевскаго, несмотря на относительную ихъ сжатость, заняли сразу видное мѣсто. Особенно интересной среди нихъ представляется его статья объ

„обидѣ“, дающая не только прекрасный догматическій анализъ этого преступленія, но и освѣщающая весьма ярко понятіе чести въ качествѣ объекта уголовно-правовой охраны. Слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о наказуемомъ оскорбленіи чести не безъ основаній признается и теоретиками и практиками однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ уголовнаго права. Такой авторитетъ, напр., какъ Биндингъ, считаетъ оскорбленіе чести самымъ сложнымъ изъ всѣхъ преступленій противъ личности и наиболѣе труднымъ въ смыслѣ его конструкціи. Опредѣленіе Николая Дмитріевича юридической природы преступленія обиды, какъ и всѣ его опредѣленія, отличается невольно подкупающими каждаго ясностью и простотой. Право чести, по словамъ Николая Дмитріевича, это—признанное государствомъ право каждаго гражданина требовать отъ окружающихъ воздержанія отъ всего того, въ чемъ выражается мысль о презрѣніи или неуваженіи къ нему, отъ такого обращенія съ нимъ, которое указывало бы, что онъ недостоенъ уваженія и по своимъ качествамъ противорѣчитъ требованіямъ общественной нравственности. Стремленіе требовать отъ своихъ согражданъ обращенія, принятаго въ отношеніи къ людямъ добропорядочнымъ, присуще всѣмъ людямъ; противоположнаго къ намъ отношенія согражданъ мы не терпимъ, называемъ его оскорбленіемъ, обидою. Безразличное отношеніе къ оскорбительному обращенію невозможно; человѣкъ, мало чувствительный къ такому обращенію, есть уже мѣдный лобъ, ему „плюнь въ глаза, скажетъ Божья роса“; для него „брань не дымъ, глазъ не ѣстъ“, онъ чувствуетъ только, когда его бьютъ по шеѣ, а „брань у него на вороту не виснетъ“. Для государства указанное стремленіе имѣетъ глубокое соціальное значеніе: чѣмъ болѣе оно удовлетворяется, тѣмъ крѣпче развивается въ людяхъ чувство собственнаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственный внутренній стимулъ къ честной, нравственной и добропорядочной жизни—стимулъ, который бываетъ часто сильнѣе самого закона. Государство признаетъ это стремле-

ніе въ качествѣ одного изъ *правовыхъ* элементовъ общежитія и, такимъ образомъ, установляетъ *право* чести. Нарушеніе этого права оказаніемъ презрѣнія или неуваженія будетъ правонарушеніемъ, а затѣмъ и преступнымъ дѣяніемъ—преступнымъ дѣяніемъ противъ чести, или оскорбленіемъ, обидою. Такимъ образомъ понятіе чести въ уголовномъ правѣ сводится къ внѣшнему уваженію; право чести, какъ объектъ преступнаго посягательства, — къ отрицательному моменту: не оскорблять, не выражать презрѣнія или неуваженія. Лежащее въ основѣ этого юридическаго понятія *права* чести, общечеловѣческое понятіе чувства личной чести (или, какъ оно было названо выше, чувства собственнаго достоинства) и сопряженныхъ съ нимъ ощущеній, само по себѣ взятое, не имѣетъ значенія для уголовнаго права, и неосновательно, по мнѣнію Сергѣевскаго, поступаютъ тѣ писатели, которые затемняютъ ученіе объ объектѣ преступныхъ дѣяній противъ чести разсужденіями объ общемъ содержаніи этого чувства, вмѣсто того, чтобы говорить объ одномъ только, чисто внѣшнемъ, проявленіи его (стр. 114—115). Очень цѣнными также являются въ этой работѣ критическія замѣчанія Николая Дмитріевича, посвященныя анализу преступленія injuria римскаго права. Совершенно правильно указываетъ онъ на крайнюю неопредѣленность и неясность повторяемыхъ почти всѣми криминалистами разсужденій о томъ, что у римлянъ понятіе чести было инымъ по существу, что оно строилось не на представленіи о нравственномъ достоинствѣ лица, а на представленіи о его гражданской полноправности. По мнѣнію Сергѣевскаго, injuria представляла собою свойственный малоразвитому праву „общій родовой типъ всякаго незаконнаго посягательства на права гражданъ“, подобно древне-русской „обидѣ“ (стр. 118—121).

Вопросомъ о мошенничествѣ Николай Дмитріевичъ заинтересовался, находясь еще въ Ярославлѣ, и въ своей магистерской диссертаціи отвелъ анализу этого преступленія особую главу, носившую заголовокъ: „приложеніе ученія о

причинной связи къ мошенничеству" (О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ, вып. I, стр. 170—193). Въ статьѣ, помѣщенной въ „Юридической Лѣтописи", онъ вновь вернулся къ нему и далъ прекрасный догматическій очеркъ мошенничества по русскому праву, въ которомъ основательно разобралъ сенатскую практику по этому вопросу и самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ предположеннаго первоначально составителями проекта новаго уголовнаго уложенія уничтоженія мошенничества, какъ самостоятельнаго преступленія, и распредѣленія отдѣльныхъ случаевъ обманнаго пріобрѣтенія чужого имущества по другимъ, искусственно образованнымъ, группамъ.

Говоря о работахъ Сергѣевскаго по особенной части уголовнаго права, печатавшихся въ издававшейся и редактируемой имъ „Юридической Лѣтописи", нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ и о самомъ этомъ изданіи, на которое имъ было потрачено столько энергіи и труда. Начавъ его въ 1890 году, Николай Дмитріевичъ поставилъ себѣ, по его словамъ, небольшую, но вполнѣ опредѣленную программу: доставить читающей публикѣ возможность и удобства постояннаго ознакомленія съ важнѣйшими вопросами и явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и научной разработки права въ нашемъ отечествѣ. Достигать эту цѣль имѣлось въ виду: во-первыхъ, соотвѣтствующимъ подборомъ научныхъ статей въ журналѣ; во-вторыхъ, постоянными систематическими обзорами, въ формѣ ежемѣсячныхъ, послѣдовательно смѣняющихся, хроникъ—законодательной, научно-литературной и судебной; въ-третьихъ, ежемѣсячными указателями вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы (Юрид. Лѣтоп., 1890, т. I, стр. 1). Такъ какъ ни на какую матеріальную выгоду редакторъ-издатель не расчитывалъ, для покрытія же расходовъ по изданію достаточно было всего лишь 1200 подписчиковъ, успѣхъ журнала представлялся редакціи вполнѣ обезпеченнымъ. „Казалось, одинъ судебный персоналъ

нашего отечества,—писалъ Николай Дмитріевичъ три года спустя—достигающій громадной цифры 30.000 лицъ, легко могъ и долженъ былъ дать такое сравнительно небольшое число читателей журнала, въ особенности при ничтожной подписной цѣнѣ его въ 5 рублей въ годъ. А студенты юридическихъ факультетовъ, профессора, чины администраціи, библіотеки, читальни... Я былъ увѣренъ въ успѣхѣ дѣлѣ; я не допускалъ мысли, чтобъ журналъ съ программой „Юридической Лѣтописи“, при внимательномъ его редактированіи, не нашелъ даже и 1200 читателей въ Россіи. Судьба рѣшила иначе: не только тысячи двухсотъ, но даже и семисотъ подписчиковъ не оказалось на третій годъ существованія журнала въ 1892 году. Убытокъ за три года дошелъ до шести тысячъ рублей слишкомъ. Дальше вести дѣло нельзя, и „Юридическая Лѣтопись“ умираетъ“ (Отъ редактора-издателя. Прощальное слово. Юрид. Лѣтоп., 1892, т. II, стр. 347—348).

Неуспѣхъ изданія обусловливался, конечно, причинами, совершенно независѣвшими отъ воли редакціи. Отличаясь богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, „Юридическая Лѣтопись“ со стороны печати была встрѣчена самымъ лестнымъ вниманіемъ и для читающей публики несомнѣнно представляла интересъ, такъ какъ за всѣ три года существованія журнала рѣдкая книжка его не вызывала отголосковъ, въ формѣ замѣтокъ или извлеченій, въ періодической прессѣ, столичной и провинціальной. Но число юристовъ-практиковъ, заглядывающихъ въ научный журналъ, у насъ еще слишкомъ ничтожно, чтобы спеціальное научное изданіе могло существовать, не имѣя ни субсидіи ни гарантированнаго числа подписчиковъ. Завоевать читателя серьезный юридическій органъ въ Россіи еще не можетъ, а потому и „Юридическая Лѣтопись“ естественно должна была умереть, какъ умирали до нея и послѣ нея всѣ ежемѣсячные частные юридическіе журналы.

Въ роли редактора-издателя Сергѣевскій оказался та-

кимъ же націоналистомъ, какимъ онъ заявилъ себя въ качествѣ криминалиста-профессора. На ряду съ техническими вопросами гражданскаго и уголовнаго права, матеріальнаго и процессуальнаго, видное мѣсто въ „Юридической Лѣтописи“ было отведено вопросамъ рускаго государственнаго права, и въ частности финляндскому вопросу, которому было суждено затѣмъ сдѣлаться едва ли не главнымъ предметомъ занятій Николая Дмитріевича въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. „Юридическая Лѣтопись“ дала по финляндскому вопросу рядъ блестящихъ статей, сыгравшихъ крупную роль въ исторіи вопроса. Большая часть этихъ статей принадлежала талантливому перу покойнаго профессора С.-Петербургскаго университета Н. М. Коркунова, одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Дмитріевича по изданію „Лѣтописи“. Коркуновъ первый вывелъ русскую государственную науку изъ того печальнаго заблужденія, въ которомъ она находилась, повторяя вслѣдъ за финляндскими учеными и публицистами, что Великое Княжество Финляндское находится въ реальной уніи съ Россіей. Заблужденіе это было тѣмъ менѣе понятно, что въ западно-европейской наукѣ, по словамъ Коркунова, оно почти не имѣло опоры. Выдающіеся государствовѣды всѣхъ странъ разсматривали присоединеніе Финляндіи какъ актъ инкорпораціи, въ то самое время какъ русскіе ученые, Энгельманъ и Романовичъ-Славотинскій, имѣвшіе, казалось бы, болѣе основаній внимательно изучить, вдуматься въ истинную природу отношеній Финляндіи и Россіи, видѣли въ Финляндіи особое государство, соединенное съ Россіей уніей [18]). На страницахъ „Юридической Лѣтописи“ Коркуновъ

[18]) Проф. Романовичъ-Славотинскій впослѣдствіи отказался отъ своего взгляда, заявивъ въ газетѣ „Новое Время“ (29 января 1910 года, № 12171), что хотя въ одной изъ его давнихъ лекцій, вошедшихъ затѣмъ въ его систему государственнаго права, и было дѣйствительно сказано, что Финляндія поставлена какъ бы въ положеніе личной уніи, но и тогда онъ отнесся критически къ ея таможенной чертѣ и монетной системѣ, считая ихъ несовмѣстимыми съ единствомъ великаго

разсѣялъ эту химеру, доказавъ, что безпристрастное, научное разсмотрѣніе доводовъ, приводимыхъ за и противъ самостоятельности Финляндіи, можетъ привести только къ одному рѣшенію, къ тому, къ которому пришли до него между прочимъ такіе авторитетные юристы, какъ Гольцендорфъ и Іеллинекъ, что Финляндія представляетъ изъ себя инкорпорированную провинцію, перешедшую путемъ завоеванія изъ державнаго обладанія Швеціи въ державное обладаніе Россіи [19]). Кромѣ работъ Н. М. Коркунова изъ помѣщенныхъ

русскаго государства. Поэтому онъ рѣшительно протестуетъ противъ причисленія его къ профессорамъ, „недоумѣвающимъ о томъ положеніи, какое заняла Финляндія въ русскомъ государственномъ строѣ“, и утверждаетъ, что въ теченіе своей полувѣковой академической дѣятельности онъ всегда полагалъ, что Финляндія „составляетъ интегральную часть великой Русской Имперіи и примыкаетъ къ ней какъ область, которая, подобно другимъ областямъ, можетъ имѣть нѣкоторую долю земскаго самоуправленія“.

[19]) *Коркуновъ*. Великое Княжество Финляндское, 1890, т. I, стр. 317—329.—Ср. *его же* статью: Финляндскій сеймъ, 1891, т. I, стр. 3—16 и въ *хроникѣ* (безъ подписи): 1890, т. II, стр. 39—56; 1891, т. I, стр. 34—35; 291—294; 294—298; 404—408: т. II, стр. 278—286, 439—442. Значеніе статей проф. Коркунова по финляндскому вопросу, помѣщенныхъ въ „Юридической Лѣтописи“, правильно оцѣнено проф. Куплеваскимъ въ его интересной „Справкѣ о мнѣніяхъ 25-ти русскихъ ученыхъ, спеціалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи“ („Окраины Россіи“ 1910 г., № 1, стр. 3—6; № 2, стр. 19—22; № 3, стр. 34—36). Проф. Куплеваскій между прочимъ указываетъ, что критика Коркунова мнѣнія финляндскихъ писателей о томъ, что на Боргосскомъ сеймѣ будто бы произошелъ договоръ между равноправными сторонами — Русскимъ Императоромъ и финляндскими сословіями, была настолько сильна, что нѣкоторые финляндскіе профессора (І. Германсомъ и Даніельсонъ, но не Л. Мехелинъ), ознакомившись съ нею, отказались отъ своей теоріи (№ 1, стр. 5).—„Справка“ проф. Куплеваскаго вообще заслуживаетъ большого вниманія. Изъ нея видно между прочимъ, что невѣрныя мнѣнія, высказывавшіяся ранѣе русскими государствовѣдами, въ томъ числѣ и самимъ проф. Куплеваскимъ, относительно юридическаго положенія Финляндіи, объяснялись, съ одной стороны, малымъ зна-

въ „Юридической Лѣтописи“ статей по финляндскому вопросу заслуживаетъ особаго упоминанія большая статья Н. С. Таганцева, посвященная финляндскому уголовному уложенію [20]). Дѣйствующее въ настоящее время въ Финляндіи уголовное уложеніе было Высочайше утверждено въ 1889 году и 20 декабря 1890 года (1 января 1891 года по новому стилю) должно было быть введено въ дѣйствіе, но за нѣсколько мѣсяцевъ до срока, благодаря Н. С. Таганцеву, было обнаружено, что, независимо отъ безграмотнаго и мѣстами неточнаго русскаго текста, нерѣдко существенно расходящагося съ тѣмъ, который разсматривался сеймомъ, многія статьи уложенія проводятъ взгляды, совершенно не соотвѣтствующіе положенію Финляндіи въ составѣ русской державы. Введеніе въ дѣйствіе уложенія было пріостановлено и для его пересмотра была образована особая коммисія подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева. Проектированныя коммисіею измѣненія двукратно разсматривались сеймомъ и послѣ безуспѣшной попытки возраженій были, наконецъ, приняты имъ и получили Высочайшую санкцію. Знакомя читателей „Юридической Лѣтописи“ съ подробностями этого любопытнаго и характернаго предпріятія финляндцевъ поставить русскихъ подданныхъ, не принадлежащихъ къ числу

комствомъ ихъ съ этимъ вопросомъ, а съ другой—довѣрчивымъ отношеніемъ къ работамъ финляндскихъ ученыхъ и въ частности къ пресловутой брошюрѣ Л. Мехелина: „Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande“, умалчивающаго, какъ извѣстно, при передачѣ относящихся къ финляндскимъ губерніямъ постановленій Фридрихсгамскаго мирнаго трактата о существованіи въ этомъ трактатѣ статьи IV, въ которой категорически выражено, что завоеванныя губерніи „со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“ (№ 2, стр. 21—22).

[20]) Высочайшій манифестъ 1/13 декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложеніе, 1891, т. I, стр. 97—146.

финляндскихъ уроженцевъ, въ предѣлахъ Финляндіи въ положеніе иностранцевъ, а Русскую Имперію—въ положеніе дружественной Финляндіи державы, проф. Таганцевъ совершенно правильно указывалъ на то, что работа по пересмотру финляндскаго уголовнаго уложенія, сколь ни представлялась она важной, имѣла все же характеръ штопанья хотя и новаго, но оказавшагося дырявымъ платья и притомъ штопанья наиболѣе бьющихъ въ глаза прорѣхъ. Вмѣсто нея слѣдовало бы заняться согласованіемъ финляндскаго и русскаго уголовныхъ кодексовъ. „Существованіе мѣстнаго автономнаго законодательства — писалъ онъ — не допускаетъ возможности механическаго перенесенія закона; различіе въ культурѣ, нравахъ, обычаяхъ оправдываетъ особенности въ постановленіяхъ, относящихся къ этимъ разнствующимъ интересамъ; но затѣмъ остается еще обширное поле постановленій общихъ, въ которыхъ желательно и необходимо не только сходство, но и тождество мѣстныхъ и общихъ законовъ. Нельзя не памятовать тотъ историческій фактъ, что первымъ законодательнымъ актомъ *возсоединенной* (а не единой) германской имперіи, составившейся изъ *самостоятельныхъ* государствъ, подъ однимъ общимъ главенствомъ, государствъ также разнствующихъ и религіею и нравами, было изданіе *единаго* уголовнаго кодекса“ (стр. 130—131).

Приведенные образчики помѣщенныхъ въ „Юридической Лѣтописи“ научныхъ статей даютъ уже, казалось бы, извѣстное представленіе о тѣхъ взглядахъ, которыхъ держалась „Юридическая Лѣтопись“ въ окраинномъ вопросѣ, совпадавшихъ, несомнѣнно, со взглядами ея редактора-издателя. Въ еще большей степени отразились послѣдніе на содержаніи печатавшихся въ „Лѣтописи“ ежемѣсячныхъ обзоровъ законодательства, науки и судебной практики, большую часть которыхъ писалъ самъ Николай Дмитріевичъ. Привѣтствуя Высочайшій рескриптъ Финляндскому Генералъ-Губернатору 28 декабря 1891 года, въ которомъ Генералъ-Губернатору поручалось разсѣять опасенія финляндцевъ

относительно измѣненія „дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія“, полученнаго ими „по волѣ блаженной памяти Императора Александра I“, и указывалось, что „Финляндскій край состоитъ съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской“, и что только „несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ къ сожалѣнію поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ Государства Россійскаго“, Сергѣевскій писалъ: „Мы вовсе не противники во что бы то ни стало всякихъ *мѣстныхъ особенностей* нашихъ окраинъ. Другое дѣло—ихъ стремленія къ *государственной обособленности*. Противиться такимъ стремленіямъ долгъ каждаго истиннаго русскаго. „Если бы когда-нибудь,—писалъ въ 1868 году покойному Государю Ю. Ѳ. Самаринъ, — русское общество повернулось спиною къ Прибалтійскому краю, махнуло рукою на Польшу, забыло про Кавказъ и Финляндію, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россію какъ цѣлое. Тотъ день былъ бы началомъ ея разложенія“ (1891, т. I, стр. 291—294).

Живо откликался Николай Дмитріевичъ и на тѣ судебныя дѣла, въ которыхъ такъ или иначе задѣвалось національное чувство. Въ 1891 году С.-Петербургскою судебною палатою въ аппеляціонномъ порядкѣ было постановлено удивительное рѣшеніе по дѣлу двухъ редакторовъ рижскихъ газетъ, Пипирса и Витвицкаго, обвинявшихся въ клеветѣ въ печати. Разойдясь съ мнѣніемъ суда, палата нашла, что помѣщеніе въ газетахъ свѣдѣній о томъ, что три рижскихъ жителя, нотаріусъ, докторъ и адвокатъ, завтракая въ одномъ изъ парижскихъ ресторановъ въ обществѣ четырехъ коко-

токъ, пили за здоровье лицъ, уволенныхъ отъ службы русскимъ правительствомъ за свою противогосударственную дѣятельность въ остзейскомъ краѣ, „хорошенько обругали русскихъ“ и въ заключеніе провозгласили „Hoch“ за князя Бисмарка, за что получили „изрядное количество пощечинъ“ отъ возмущенныхъ французовъ „и безъ церемоніи были выброшены изъ ресторана“,—не заключаетъ въ себѣ разглашенія о фактахъ, позорныхъ для чести тѣхъ лицъ, о которыхъ эти факты разглашены. Палата разсуждала, что „ложное приписаніе обвинителямъ въ означенной статьѣ, что *они обругали русскихъ, составляетъ простую ненаказуемую ложь*, но не заключаетъ въ себѣ признаковъ преступной лжи, помрачающей честь человѣка. Положеніе это не измѣняется и отъ того, что обвинители, къ которымъ относилась ложь эта, русскіе же подданные, ибо принадлежность къ одному подданству не налагаетъ обязанности отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ для послѣднихъ смыслѣ“. — Оправдательный приговоръ палаты вызвалъ кассаціонную жалобу со стороны частныхъ обвинителей, причемъ кассаторъ естественно долженъ былъ остановиться съ особымъ вниманіемъ на вопросѣ о понятіи фактовъ, позорныхъ для чести, въ примѣненіи къ данному случаю. „Съ величайшимъ сочувствіемъ“ цитируетъ Николай Дмитріевичъ слѣдующія, дѣйствительно достойныя быть сохраненными въ памяти, слова изъ кассаціонной жалобы присяжнаго повѣреннаго Ливена: „Ругать въ чужой сторонѣ русскихъ, будучи самъ русскимъ подданнымъ, и провозгласить „Hoch“ въ честь князя Бисмарка, который считался и считается творцомъ направленной противъ Россіи коалиціи западныхъ державъ, во всякомъ случаѣ не можетъ считаться поступкомъ, согласнымъ съ честью русскаго вѣрноподданнаго. Палата находитъ, что это не есть поступокъ, противный правиламъ чести, потому что принадлежность къ одному подданству не налагаетъ обязанности отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ смыслѣ. Но

палата тутъ упускаетъ изъ виду, что между неблагопріятнымъ отзывомъ и „руганіемъ“ есть разница; помимо же сего, я полагаю, что въ мірѣ нѣтъ ни одного народа, который униженіе кѣмъ-либо своихъ соотечественниковъ, оскорбленіе народности, къ которой онъ принадлежитъ, при томъ въ чужой странѣ, въ присутствіи иностранцевъ, не считалъ бы безчестнымъ поступкомъ. Ругать, слѣдовательно, посягать на честь той большой семьи, которая носитъ названіе русскаго народа и къ которой данное лицо само принадлежитъ, хотя бы на правахъ усыновленнаго или пріемыша, безусловно безчестно. То же самое слѣдуетъ сказать относительно чествованія лица, считающагося врагомъ или хотя бы только тайнымъ противникомъ Россіи. Взведенное Пипирсомъ этимъ сообщеніемъ обвиненіе на моихъ довѣрителей представляется клеветою самаго возмутительнаго характера“.—„Мы можемъ только выразить пожеланія,—добавляетъ къ приведеннымъ словамъ редакторъ „Юридической Лѣтописи“—чтобы эти слова присяжнаго повѣреннаго Ливена всегда служили руководствомъ какъ для русскихъ людей вообще, такъ и для тѣхъ, кого онъ называетъ „усыновленными или пріемышами, въ частности“ (1892, т. I, стр. 449—452) [21]).

---

21) Еще болѣе строгую критику вызвало рѣшеніе палаты по дѣлу Пипирса и Вѣтвицкаго со стороны бывшаго въ то время оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Н. В. Муравьева. Въ краткомъ, но сильномъ заключеніи своемъ по этому дѣлу Н. В. Муравьевъ высказалъ, что выводъ палаты относительно отсутствія въ статьѣ „Наши балты“ взведенія на потерпѣвшихъ обвиненія въ дѣяніи позорномъ или противномъ правиламъ чести и разсужденія, на коихъ онъ основанъ, противорѣчатъ общепринятому значенію выраженій, употребленныхъ въ статьѣ, и всему истинному смыслу приведенныхъ въ ней ложныхъ свѣдѣній „во всякомъ отношеніи—юридическомъ, нравственномъ и общественномъ“. Въ частности „не выдерживаетъ самой снисходительной критики мысль палаты о томъ, что выраженіе *„обрусили русскихъ“* или вообще произнесеніе оскорбительнаго отзыва о русскихъ не составляетъ позорящаго дѣянія, какъ по неопредѣленности этого отзыва, не относящагося къ одному или нѣ-

VIII.

До студенческихъ безпорядковъ начала девятисотыхъ годовъ, заставившихъ С.-Петербургскій университетъ отказаться отъ торжественнаго празднованія 8 февраля годов-

---

сколькимъ извѣстнымъ лицамъ, такъ и потому, что, по мнѣнію палаты, „никто не лишенъ права имѣть свои взгляды и сужденія о другихъ лицахъ“ и кромѣ того „принадлежность къ одному подданству не налагаетъ обязанности отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ для послѣднихъ смыслѣ“. Не говоря уже о чрезвычайной растяжимости этого заключенія, могущей довести терпимость къ публично высказаннымъ антинаціональнымъ отзывамъ до вредной крайности,—сужденія, приписанныя потерпѣвшимъ, нужно брать въ связь съ произнесенными будто бы при этомъ тостами и вообще въ той самой обстановкѣ, при которой все это имѣло мѣсто; тогда и оцѣнка имъ, конечно, послѣдуетъ иная. Въ самомъ дѣлѣ, будучи русскимъ по подданству и по принадлежности къ великой отечественной семьѣ, объявить въ рѣзкой формѣ, во всеуслышаніе за-границей, среди дружественныхъ иностранцевъ, свою непріязнь къ коренному населенію Россіи и при этомъ съ явною тенденціозностью провозглашать здоровье двухъ лицъ, изъ которыхъ одно, какъ это общеизвѣстно, было уволено отъ общественной службы за дѣятельность, несогласную съ видами правительства, а другое въ сознаніи многихъ считалось или считается (безразлично, вѣрно это или нѣтъ) за крупнаго антагониста русскаго государственнаго могущества—что можетъ быть непатріотичнѣе подобнаго поступка, и чѣмъ, какъ не позорнымъ и безчестнымъ, является всякій непатріотическій поступокъ со стороны лицъ, обязанныхъ безусловнымъ уваженіемъ къ своей родинѣ, ея народу и государственнымъ порядкамъ. И если потерпѣвшіе, справедливо желающіе считать себя русскими, разъ они подданные русской державы, въ негодованіи за ложное взведеніе на нихъ столь тяжкаго обвиненія въ не русскомъ образѣ мыслей и сужденій просятъ у суда возстановленія своей національной чести, то трудно, при законномъ равенствѣ суда для всѣхъ, отказать въ юридической правотѣ такого ихъ ходатайства“ (Юридич. Лѣтоп., 1892, т. I, стр. 455—456).

щины его основанія, на публичномъ актѣ, происходившемъ въ этотъ день, одинъ изъ профессоровъ университета, по старому университетскому обычаю, произносилъ рѣчь на тему общаго характера, которая представляла бы интересъ для большой публики. Въ 1893 году выборъ совѣта остановился на Николаѣ Дмитріевичѣ. Кто присутствовалъ 7 февраля 1893 года въ университетскомъ залѣ, у того впечатлѣніе отъ рѣчи Сергѣевскаго едва ли когда-либо изгладится изъ памяти. Николай Дмитріевичъ говорилъ объ „основныхъ вопросахъ наказанія въ новѣйшей литературѣ“, о томъ водоворотѣ, который произошелъ въ наукѣ уголовнаго права, благодаря нахлынувшей въ нее массѣ разнообразныхъ теорій. Рельефно изобразилъ ораторъ картину ведущейся между преступникомъ и государствомъ вѣковой борьбы, — борьбы неуклонной, интенсивной, „на которую много тратится, ради которой много крови проливается, много жизней гибнетъ, много силъ пропадаетъ безъ пользы“... „Но каковъ же исходъ борьбы,— спрашивалъ ораторъ — на чьей сторонѣ побѣда? Уничтоженъ ли преступникъ; уничтожено или, по крайней мѣрѣ, уменьшено ли преступленіе?— Нѣтъ! Раздавленный, казалось бы, въ прахъ тяжелымъ колесомъ правосудія, сраженный его могучимъ, когда-то кровавымъ мечемъ, преступникъ все возрождается, какъ фениксъ изъ пепла, поднимаетъ свою голову, и снова совершаются преступленія, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Поколѣніе идетъ за поколѣніемъ, мѣняются нравы и обычаи, старые боги забываются, все покрывается травою забвенія, прилетаютъ новыя птицы и поютъ новыя пѣсни, а преступникъ все живъ и борьба все длится. И конца ей не видно и нѣтъ... Что за безвыходное положеніе! Какой то circulus vitiosus: борьба безъ побѣды, борьба безъ конца. Преступленіе и наказаніе, кажется, связаны между собою цѣпью какого-то рокового формализма“ (Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ, Журн. гражд. и угол. пр., 1893, кн. 4, стр. 2).

Обрисовавъ рѣзкими, крупными штрихами новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права—соціологическое и антропологическое, Николай Дмитріевичъ ярко охарактеризовалъ впечатлѣніе отъ той бури, которую произвело среди криминалистовъ ученіе Ломброзо, разразившееся, по его словамъ, громовымъ ударомъ, за которымъ „съ поразительною быстротой нахлынулъ потокъ новыхъ ученій и новыхъ словъ. Плотина была прорвана, и въ какіе-нибудь пятнадцать лѣтъ область науки уголовнаго права оказалась рѣшительно залитою новыми и quasi новыми конструкціями: Антропологія, соціологія, эволюціонизмъ, соціологическая, психологическая и физіологическая точка зрѣнія на преступленіе и преступника; теорія Дарвина, ученіе Спенсера; теорія вырожденія нормальнаго типа и теорія переживанія первообразнаго типа, и т. д., и т. д.,—все это перемѣшалось въ интереснѣйшихъ и иногда, въ лучшемъ смыслѣ слова, остроумнѣйшихъ комбинаціяхъ“ (стр. 12).

Хотя Ломброзо и оказался очень скоро въ положеніи того генерала, который прославился главнымъ образомъ побѣдами, надъ нимъ одержанными, тѣмъ не менѣе связь возникшихъ въ наукѣ уголовнаго права новыхъ направленій съ даннымъ имъ первоначальнымъ толчкомъ не потерялась. „Кромѣ ученія о прирожденномъ преступникѣ, сложились ученія: о преступникѣ какъ выродившемся типѣ; о преступникѣ какъ нормальномъ, первообразномъ типѣ человѣка; о типѣ преступника профессіональнаго; о преступникѣ исправимомъ и неисправимомъ; о преступникѣ обнаружившемся и преступникѣ скрытомъ или о преступности проявившейся и потенціальной; о преступленіяхъ естественныхъ и условныхъ; о различіи факторовъ преступности—космическихъ, соціальныхъ, личныхъ; о дѣленіи преступниковъ на классы сообразно различію факторовъ; о различіи преступности городской и сельской; о подражательности какъ самостоятельномъ факторѣ преступленія. Опять разгорѣлся споръ о свободной волѣ... Всего не перечесть—это буря въ полномъ значеніи этого

слова. Не осталось въ общихъ ученіяхъ уголовнаго права ни одного уголка, который не былъ бы потревоженъ, котораго не коснулись бы за послѣдніе пятнадцать лѣтъ тѣ или другіе выводы или комбинаціи, построенныя на данныхъ біологіи, психо-физическихъ наблюденій, статистики и т. д. Даже основной, всѣмъ намъ, отсталымъ юристамъ,—говорилъ Николай Дмитріевичъ — столь цѣнный принципъ, nullum crimen, nulla poena sine lege, подвергся сомнѣніямъ—его называютъ не болѣе какъ старой телѣгой, въ которой выѣзжала въ свѣтъ давно отжившая свой вѣкъ фейербаховская теорія психическаго принужденія. ...И медикъ, и юристъ, и физіологъ, и психіатръ, и экономистъ—всѣ приняли участіе, всѣ заговорили, нерѣдко объ одномъ и томъ же, но на разныхъ языкахъ. Каждый считалъ себя вправѣ требовать реформы уголовнаго правосудія ab imis fundamentis, по новой, имъ построенной или имъ излюбленной, программѣ“ (стр. 13—14).

Относясь къ этому „Mischmasch“, по выраженію Миттельштедта, съ значительною дозою скептицизма, заявляя себя рѣшительнымъ противникомъ большинства основныхъ положеній новыхъ школъ, Сергѣевскій не соглашался, однако, съ тѣми критиками этихъ школъ, которые видѣли во всемъ движеніи, охватившемъ науку уголовнаго права въ послѣднюю четверть XIX вѣка, одну пустую болтовню,—„мельницу, которая все мелетъ, а муки не видать“. Онъ находилъ, что „въ пестромъ калейдоскопѣ новыхъ понятій, ученій и словъ, сильно сбившихъ съ позиціи многихъ представителей старой доктрины, ...какъ бы ни называли это движеніе насмѣшники, со всѣми его ошибками и неизбѣжной путаницей, заключается источникъ мудрости и свѣта, источникъ новыхъ знаній на пользу человѣчества и славу науки“ (стр. 24). Въ частности „несомнѣннымъ шагомъ впередъ и величайшей заслугой“ новыхъ ученій представлялось Николаю Дмитріевичу твердо установленное ими положеніе о множественности цѣлей наказанія. Положеніе это было ему наиболѣе близко

и ему онъ придавалъ особое значеніе, такъ какъ онъ отстаивалъ это положеніе впродолженіе всей своей научной дѣятельности. Но ранѣе ему приходилось говорить объ этомъ—читаемъ въ его рѣчи—какъ бы по догадкѣ и на почвѣ историческихъ сопоставленій, теперь же оно доказывается всею силою и авторитетомъ положительныхъ изслѣдованій о человѣкѣ и его дѣятельности (стр. 24). Новѣйшими ученіями начало множественности цѣлей наказанія выдвинуто, по его мнѣнію, съ такою отчетливостью и съ такими доказательствами, что едва ли когда-нибудь возможно возвращеніе къ старой ошибкѣ моническихъ теорій (стр. 23). Другимъ весьма цѣннымъ положеніемъ, рѣзко обрисовавшимся благодаря борьбѣ новыхъ направленій, явилось, по словамъ Сергѣевскаго, положеніе о разнообразіи факторовъ преступности. Не только выяснено, но и вполнѣ доказано новѣйшими изслѣдованіями, что эти факторы „опредѣляются всей обстановкой человѣка, всѣми условіями его жизни и всей его личностью—отношеніемъ его къ природѣ, положеніемъ его въ обществѣ и государствѣ, его индивидуальными личными свойствами. Факторы физическіе или естественные (космическіе), соціальные, личные—всѣ три категоріи одинаково сильны и одинаково плодоносны въ смыслѣ порожденія преступности". Поэтому рѣшительно невозможно предполагать возможность устраненія преступленій путемъ однѣхъ соціальныхъ реформъ (стр. 21—22).

IX.

1893 годъ въ жизни Николая Дмитріевича явился годомъ переходнымъ. Ограниченная ранѣе сферой научно преподавательской, дѣятельность его съ этого года раздвояется. Кромѣ профессорской кафедры для примѣненія его блестящихъ дарованій, ему открылось новое поприще, поприще государственной службы.

Выдающіяся административныя способности Николая Дмитріевича успѣли обнаружиться и были оцѣнены еще задолго до того времени, когда судьба привела его въ ряды бюрократіи. Однимъ изъ первыхъ, признавшихъ въ немъ эти способности, былъ Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, обратившій вниманіе на Сергѣевскаго, когда тотъ былъ еще совсѣмъ молодымъ профессоромъ, послѣ знакомства съ представленными послѣднимъ весьма цѣнными замѣчаніями на проєктъ новаго университетскаго устава. Съ этого времени въ теченіе многихъ лѣтъ Сергѣевскій былъ постояннымъ совѣтникомъ Министерства по вопросамъ университетскаго преподаванія и членомъ образованной при Министерствѣ комиссіи по университетскимъ дѣламъ, начиная же съ 1890 года онъ кромѣ того ежегодно командировался Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ иногородніе университеты для предсѣдательствованія въ юридическихъ испытательныхъ комиссіяхъ. Такъ, въ 1890 и 1891 г. Николаю Дмитріевичу пришлось руководить экзаменами въ Кіевѣ, въ 1892 г.—въ Одессѣ, въ 1893 г.—въ Казани, въ 1894 г.г.—въ Москвѣ, въ 1895 г.—снова въ Казани. Репутація выдающагося профессора - администратора за Сергѣевскимъ установилась твердо, и весьма вѣроятно, что

еслибъ онъ не поступилъ въ 1893 году на службу въ Государственную Канцелярію, то два-три года спустя ему было бы сдѣлано Министромъ Народнаго Просвѣщенія предложеніе занять должность попечителя учебнаго округа или же какой-либо другой изъ высшихъ административныхъ постовъ.

Переходъ Николая Дмитріевича на службу въ Государственную Канцелярію въ декабрѣ 1893 года находился въ связи съ состоявшимся за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ присоединеніемъ къ Государственной Канцеляріи Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ. Одновременно была учреждена должность Товарища Государственнаго Секретаря, которую занялъ Н. А. Неклюдовъ, приглашенный Государственнымъ Секретаремъ Н. В. Муравьевымъ къ ближайшему руководительству кодификаціонными работами. Стремясь наилучшимъ образомъ устроить кодификаціонную часть, Н. А. Неклюдовъ позаботился прежде всего о томъ, чтобы привлечь къ этому дѣлу надежныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ, и такъ какъ онъ хорошо зналъ Сергѣевскаго, то и обратился къ нему съ предложеніемъ сдѣлаться редакторомъ уголовныхъ законовъ. Николай Дмитріевичъ изъявилъ на это согласіе, и 29 декабря 1893 года былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта.

Въ должности помощника статсъ-секретаря Сергѣевскій оставался, однако, очень недолго. Назначенный почти сейчасъ же вслѣдъ за поступленіемъ его на службу въ Государственную Канцелярію Министромъ Юстиціи, бывшій ранѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ „Юридической Лѣтописи“, Н. В. Муравьевъ рѣшилъ возобновить выходившій въ шестидесятыхъ годахъ (съ 1859 по 1870 г.) „Журналъ Министерства Юстиціи“ и естественно обратился за помощью въ этомъ дѣлѣ къ Николаю Дмитріевичу. Въ короткое время были разработаны Сергѣевскимъ планъ изданія и его программа, а въ іюлѣ 1894 года Николай Дмитріевичъ перешелъ уже на службу въ Министерство

Юстиціи на должность члена Консультаціи и сдѣлался редакторомъ „Журнала Министерства Юстиціи“. Одновременно Н. В. Муравьевъ привлекъ его къ участію и въ другомъ предпринятомъ имъ колоссальномъ трудѣ — реформѣ судоустройства и судопроизводства, назначивъ его членомъ Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части.

Горячо принялся Николай Дмитріевичъ за новое дѣло и быстро сгруппировалъ около журнала кадръ талантливыхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Главная и наиболѣе трудная задача редакціи оффиціальнаго научнаго журнала заключалась, конечно, въ установленіи возможно тѣсной связи между теоріей и практикой. Разъясненію необходимости этой связи для успѣха судебнаго дѣла Сергѣевскій посвятилъ въ первой книжкѣ журнала программную статью. Въ статьѣ этой онъ попытался найти нѣкоторое оправданіе тому равнодушному, почти презрительному, отношенію юристовъ-практиковъ къ книжной юриспруденціи, на которое онъ указывалъ съ такою горечью въ „Прощальномъ словѣ отъ редактора-издателя“ въ послѣднемъ номерѣ „Юридической Лѣтописи“ (1892 г., т. II, стр. 349—350). Какъ и во вступительной лекціи по уголовному праву въ Демидовскомъ лицеѣ (см. выше, стр. 13), часть вины въ оторванности практики отъ теоріи, въ нежеланіи судебныхъ дѣятелей заглядывать въ книжку, Николай Дмитріевичъ возлагалъ на теорію права: „Для того, чтобы служить руководящей силой для практики, а не ограничиться ролью одной лишь общей школьной подготовки,—говорилъ онъ—теорія права должна давать отвѣты на тѣ вопросы, которыя ставятся практическою жизнью, должна говорить тѣмъ языкомъ, который понятенъ практику. А этимъ-то именно наша ученая литература и не отличается. Она уже завоевала себѣ болѣе или менѣе почетное мѣсто въ западно-европейской литературѣ; ученые труды нашихъ юристовъ-теоретиковъ начинаютъ пользоваться достаточнымъ уваженіемъ въ западной Европѣ. Но

съ отечественной практикой наша наука надлежащаго родства и связи еще не установила. Вѣдь нельзя не сознаться, что большинство нашихъ, даже лучшихъ юридическихъ сочиненій даютъ для руководства практики лишь самыя общія положенія; но вопросы жизни, вопросы дня—тѣ вопросы, съ которыми практикъ сталкивается каждый день и на каждомъ шагу, которыми онъ, такъ сказать, живетъ и мучится—эти вопросы занимаютъ очень малое мѣсто въ ученой литературѣ. Скажемъ болѣе: юристъ ученый въ большинствѣ случаевъ даже не знаетъ этихъ мелкихъ вопросовъ, не слышитъ ихъ—они его не тревожатъ и онъ надъ ними не работаетъ" (1894—1895 г., № 1 (ноябрь), стр. 2—3).

Расчитывать на измѣненіе этого положенія, по мнѣнію Николая Дмитріевича, возможно было бы, однако, только въ томъ случаѣ, еслибы со стороны нашихъ практиковъ теорія права могла получать тотъ безусловно необходимый для нея матеріалъ, безъ котораго невозможны теоретическія работы. „Въ западной Европѣ—читаемъ далѣе въ его статьѣ—юристъ-практикъ давно привыкъ самъ поднимать голосъ въ ученой литературѣ; въ массѣ печатаемыхъ журнальныхъ статей и замѣтокъ громадное большинство принадлежитъ практикамъ, среди монографій—тоже значительная часть. И ученый-теоретикъ въ этихъ работахъ практиковъ находитъ себѣ и матеріалъ, и почву. Наоборотъ, въ нашемъ отечествѣ юристы-практики, за исключеніемъ немногихъ выдающихся талантовъ, сами не выдвигаютъ почти ничего на обсужденіе и обработку теоріи; волей-неволей нашъ теоретикъ работаетъ надъ иностраннымъ матеріаломъ, а матеріалъ русскій, несомнѣнно столь же богатый, трудно дается ему въ руки. Юристъ-практикъ много страдаетъ и много думаетъ надъ затрудняющими его вопросами, но мысли свои и свои затрудненія онъ оставляетъ при себѣ—онъ не привыкъ, не умѣетъ писать для печати и у него нѣтъ такого органа, къ которому онъ могъ бы обратиться въ той формѣ, какая ему по силамъ—въ формѣ письма, записки, замѣтки, хотя бы и

непригодныхъ для печати, но весьма цѣнныхъ какъ матеріалъ. „Журналъ Министерства Юстиціи“ долженъ послужить именно такимъ посредствующимъ звеномъ между практиками и теоретиками... Наши юристы-практики должны найти въ немъ не только источникъ для освѣженія своихъ знаній, но и такой органъ, чрезъ посредство котораго практическій матеріалъ будетъ достигать теоретической обработки. Этимъ путемъ установится та связь теоріи съ практикой, какая существуетъ на западѣ. Теорія права перестанетъ казаться отчужденною отъ практики, и въ юридической литературѣ, можетъ быть, труды практиковъ займутъ видное мѣсто“ (тамъ же, стр. 3—4).

Съ того времени, какъ были написаны эти слова, „Журналъ Министерства Юстиціи“ успѣлъ уже вступить въ 16-ый годъ своего существованія и доказать содержаніемъ выпущенной имъ полуторасотни книжекъ, что слова эти не остались только словами и что по пути взаимнаго объединенія за протекшіе 15 лѣтъ русская юридическая наука и практика далеко ушли впередъ. Трудъ выполненія начертанной Сергѣевскимъ программы журнала явился удѣломъ, однако, не его самого, а его преемника. Подъ редакціею Николая Дмитріевича вышли только первыя восемь книжекъ; въ іюлѣ 1895 года онъ уже оставилъ редакторство, вновь перейдя на службу въ Государственную Канцелярію статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, управляющимъ Отдѣленіемъ Свода Законовъ. [22])

22) Въ выпущенныхъ Н. Д. Сергѣевскимъ восьми книжкахъ „Журнала Министерства Юстиціи“ заслуживаютъ вниманія его отчеты о сенсаціонныхъ судебныхъ процессахъ, въ которыхъ онъ отмѣчалъ юридическія ошибки, допущенныя въ дѣлѣ, и высказывалъ нерѣдко весьма правильныя и поучительныя замѣчанія. Такъ, напр., нашумѣвшее въ свое время дѣло присяжнаго повѣреннаго Степанова, заключеннаго черезъ два дня послѣ привлеченія къ слѣдствію, по предложенію прокурора, подъ стражу, а спустя одиннадцать дней, по предложенію того же прокурора, изъ подъ стражи освобожденнаго, даетъ Николаю Дмитріевичу поводъ предостеречь судебныхъ слѣдователей и проку-

Описаніе трудовъ и заслугъ Сергѣевскаго въ роли начальника кодификаціоннаго учрежденія и на дальнѣйшихъ поприщахъ его государственной дѣятельности выходитъ за предѣлы настоящаго очерка. Прекрасную оцѣнку его управленія Отдѣленіемъ Свода Законовъ далъ въ своей рѣчи,

---

ратуру противъ односторонняго производства слѣдствія въ направленіи обвиненія и въ особенности противъ злоупотребленія предварительнымъ арестомъ. „Если высшая мѣра пресѣченія была такъ скоро отмѣнена,—пишетъ онъ—то не доказываетъ ли это, что она была принята слишкомъ поспѣшно—безъ надлежащей провѣрки первоначальныхъ указаній обвиненія? Мы думаемъ, что, по мысли судебныхъ уставовъ, принятіе во время предварительнаго слѣдствія высшей мѣры пресѣченія, ареста, можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда, не взирая на залогъ или поручительство, должно опасаться бѣгства обвиняемаго, или когда представляется для него возможность скрыть слѣды преступленія. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ бы ни было тяжко преступленіе, какъ бы ни были велики улики, предварительный арестъ рѣшительно не находитъ себѣ основанія въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. Онъ является ничѣмъ инымъ, какъ какою-то прибавкою къ наказанію, грозящему обвиняемому по закону,—прибавкою, которая дѣлается прокуроромъ, или слѣдователемъ, какъ бы на всякій случай: „на судѣ могутъ еще и оправдать, а онъ все-таки посидитъ“... Не хочется сознаться, но намъ приходилось неоднократно встрѣчаться съ этой точкой зрѣнія обвинительной власти,—не будемъ утверждать этого по отношенію къ настоящему дѣлу, но приходилось встрѣчаться нерѣдко. Едва ли нужно говорить, что такой пріемъ и противенъ закону, и безчеловѣченъ и, наконецъ, просто безтактенъ со стороны обвиненія, ибо всегда вызоветъ особое снисхожденіе на судѣ“ (кн. 2, стр. 209). Еще болѣе громкое дѣло объ убійствѣ псаломщика Кедрова вызываетъ со стороны Сергѣевскаго краткія, но цѣнныя замѣчанія о необходимости различать тайну, ввѣренную священнику при различныхъ обстоятельствахъ, хотя бы и при подачѣ имъ духовной помощи, отъ тайны, ввѣренной ему на исповѣди (кн. 3, стр. 232), и т. д.—Нельзя не пожалѣть, что послѣ оставленія Сергѣевскимъ редактированія „Журнала Министерства Юстиціи“ русскимъ судебнымъ процессамъ редакція журнала стала отводить все менѣе и менѣе мѣста, видимо предпочитая имъ „Письма изъ Англіи“—подробные, но скучные отчеты о дѣятельности палаты общинъ. Совершенное отсутствіе у массы читателей интереса къ этимъ письмамъ должно бы, казалось,

произнесенной въ торжественномъ собраніи „Русскаго Окраинаго Общества“ 23 ноября 1908 года, одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ въ данномъ случаѣ цѣнителей, А. С. Стишинскій, занимавшій послѣ Н. А. Неклюдова должность Товарища Государственнаго Секретаря [23]). При ближайшемъ ознакомленіи съ Отдѣленіемъ Свода Законовъ, по словамъ оратора, онъ „былъ пораженъ, какъ Николай Дмитріевичъ, по своей спеціальности криминалистъ, скоро и легко до тонкости усвоилъ себѣ технику кодификаціи, ясно понялъ ея цѣли и задачи и какою твердою и умѣлою рукою онъ руководилъ этимъ сложнымъ и кропотливымъ, но при современномъ состояніи нашего законодательства безусловно полезнымъ и даже необходимымъ дѣломъ. Можно сказать, что онъ оживилъ работу кодификаціоннаго учрежденія, до него какъ бы застывшую на мертвой точкѣ, и во много разъ увеличилъ производительность этой работы... Онъ сумѣлъ собрать вокругъ себя и воспитать блестящую плеяду молодыхъ даровитыхъ сотрудниковъ, многіе изъ которыхъ и нынѣ съ успѣхомъ подвизаются на различныхъ поприщахъ государственнаго служенія, гордясь названіемъ учениковъ Н. Д. Сергѣевскаго“.

Управляя Отдѣленіемъ Свода Законовъ, Николай Дмитріевичъ не замкнулся всецѣло въ рамки кодификаціи. Обширныя его познанія, удивительная энергія въ работѣ и

заставить редакцію сознать свою ошибку. Могутъ ли быть два мнѣнія относительно того, что издаваемый на средства, получаемыя отъ русскихъ судебныхъ дѣятелей, оффиціальный журналъ не можетъ обходить молчаніемъ злободневныхъ вопросовъ русской судебной практики, и что юридическіе вопросы, по тѣмъ или инымъ причинамъ сосредоточивающіе на себѣ въ извѣстный моментъ общее вниманіе [отвѣтственность членовъ Государственной Думы за рѣчи, произнесенныя съ трибуны, отвѣтственность защитниковъ за рѣчи, произнесенныя на судѣ (дѣло Гиллерсона), отмѣна смертной казни, порядокъ изданія законовъ, касающихся Финляндіи, и проч.], должны получать освѣщеніе не въ одной только оппозиціонной печати?

23) „Окраины Россіи“ 1908 г., № 49, стр. 705—706.

поистинѣ государственный умъ, какъ правильно указалъ А. С. Стишинскій, были весьма скоро оцѣнены бывшимъ въ то время его начальникомъ—Государственнымъ Секретаремъ В. К. Плеве, результатомъ чего явилось возложеніе на Сергѣевскаго, въ видѣ особыхъ порученій, ряда отвѣтственныхъ и сложныхъ работъ. 31 мая 1897 года при Государственной Канцеляріи была образована подъ его предсѣдательствомъ междувѣдомственная коммисія для выработки правилъ о видахъ на жительство всѣхъ проживающихъ въ Имперіи инородцевъ. Едва эта коммисія успѣла закончить порученную ей работу, какъ Государственный Секретарь, по соглашенію съ Министрами Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, образовалъ подъ предсѣдательствомъ Николая Дмитріевича другую междувѣдомственную коммисію—о мѣрахъ на случай неисполненія иностранцами требованій объ оставленіи предѣловъ Имперіи или самовольнаго ихъ возвращенія послѣ высылки (13 января 1898 года). Вскорѣ послѣ этого послѣдовало назначеніе В. К. Плеве на постъ Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго съ оставленіемъ въ должности Государственнаго Секретаря. Съ этого времени Николай Дмитріевичъ дѣлается ближайшимъ сотрудникомъ Плеве по приведенію въ ясность финляндскихъ законовъ и преобразованію финляндскаго управленія и скоро пріобрѣтаетъ репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ „финляндскаго вопроса“. Широкой извѣстности его въ этомъ вопросѣ въ особенности способствовала выпущенная имъ въ 1902 году брошюра: „Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ“. Въ брошюрѣ этой онъ старался главнымъ образомъ доказать необходимость строгаго различія между теоретическимъ споромъ о томъ, что представляетъ изъ себя Финляндія, и практическимъ рѣшеніемъ вопроса, что она *должна* изъ себя представлять. Построенный на толкованіи отдѣльныхъ выраженій и словъ историческихъ памятниковъ, теоретическій споръ, по его словамъ, „можетъ продолжаться въ литературѣ сколько угодно. Государство,

полугосударство, обломокъ государства, государство особаго типа, не имѣющее себѣ подобныхъ, и т. д., и т. д.—все это можетъ вращаться въ калейдоскопическомъ порядкѣ на страницахъ учебниковъ, монографій и журнальныхъ статей еще долгіе годы. Теоріи принадлежитъ свобода сужденій; безъ нея не существуетъ наука. Но практическое рѣшеніе вопроса заключается въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: первое—Финляндія *не можетъ* быть государствомъ ни того, ни другого типа, а *должна* быть нераздѣльной частью Россійской Имперіи, связанной съ остальными частями всѣми тѣми установленіями, существованіе которыхъ необходимо для русскаго государства. Затѣмъ, второе—если бы тѣмъ не менѣе Финляндія оказалась государствомъ не въ теоріи только, а на практикѣ, т. е. тѣмъ или инымъ путемъ присвоила бы себѣ государственную отдѣльность и самостоятельность, подкрѣпленную не словами, а какими-либо реальными моментами,—то немедленно *должны* были-бы быть приняты самыя рѣшительныя мѣры къ уничтоженію такого положенія вещей и къ полному объединенію Финляндіи съ прочими частями Имперіи. Такое рѣшеніе вопроса есть дѣло безусловной государственной необходимости,—безразлично, въ какую-бы сторону ни склонилось communis opinio doctorum въ толкованіи отдѣльныхъ словъ и выраженій въ историческихъ документахъ. Такъ именно поступила Пруссія съ Помераніей, составлявшей сто лѣтъ тому назадъ такую же часть Шведскаго королевства, какъ и Финляндія, притомъ болѣе обособленную и самостоятельную, но доставшуюся не столь мягкому завоевателю, какимъ былъ Императоръ Александръ I“ (стр. 10—12).

Заслуги Сергѣевскаго передъ государствомъ въ финляндскомъ вопросѣ слишкомъ велики, чтобы о нихъ можно было говорить попутно. Описанію его дѣятельности въ области русско-финляндскихъ отношеній на страницахъ „Окраинъ Россіи“ посвященъ особый очеркъ извѣстнымъ историкомъ

Финляндіи М. М. Бородкинымъ [24]). Яркими штрихами рисуетъ М. М. Бородкинъ какъ быстро сумѣлъ Николай Дмитріевичъ оріентироваться въ запутанномъ финляндскомъ вопросѣ, какъ правильно онъ понялъ, что для того, чтобы исправить многочисленныя ошибки прошлаго и подвинуть дѣло сближенія Финляндіи съ Россіей впередъ, необходимо перенести вопросъ на практическую почву и, выработавъ твердую и опредѣленную программу, добиться того, чтобы общество пришло въ этомъ дѣлѣ на помощь правительству, чтобы пробудившееся національное самосознаніе явилось могущественнымъ оплотомъ правительственныхъ мѣропріятій, оплотомъ, который бы дѣлалъ невозможнымъ для самого правительства возвращеніе къ столь многократно и столь неудачно испытанной въ окраинныхъ вопросахъ политикѣ довѣрія и уступокъ. „А разъ все это требовалось, то Н. Д. Сергѣевскій и началъ будить русское самосознаніе по финляндскому вопросу—говоритъ М. М. Бородкинъ—брошюрами, статьями, рѣчами и бесѣдами. Въ его брошюрахъ и статьяхъ ясно сквозитъ его личность, его душевныя свойства. Чувствуется, что къ черниламъ онъ прибавлялъ капли крови наболѣвшаго сердца. Акварельный рисунокъ, ласкающій только глазъ, былъ не въ его вкусѣ. Онъ рубилъ правду безъ сентиментальности въ ясномъ и твердомъ изложеніи. Онъ не только распространялъ сухое знаніе, но старался развернуть обязательное для всѣхъ знамя, старался поднять духъ своихъ соотечественниковъ укорами и усовѣщаваніями. И онъ добился того, что къ голосу его стали прислушиваться. Его совѣтамъ охотно внимали какъ его соратники, такъ и правительственныя коммисіи“ (стр. 35).

Будучи весьма послѣдователенъ и твердъ въ своей программѣ уничтоженія государственной обособленности Финляндіи, настаивая на томъ, что на всемъ пространствѣ русскаго государства русскіе люди должны быть вездѣ полно-

24) „Окраины Россіи“ 1909 г., № 2, стр. 19—22; № 3, стр. 35—38; № 4, стр. 51—54.

правны и вездѣ чувствовать себя дома, не допуская никакихъ уклоненій отъ господства въ дѣлопроизводствѣ высшихъ присутственныхъ мѣстъ русскаго языка, Сергѣевскій былъ въ то же время чуждъ въ какой бы то ни было мѣрѣ узкаго финнофобства, стремленія насильно руссифицировать финляндцевъ. „Русскимъ людямъ бросаютъ обвиненіе—писалъ онъ въ одной изъ своихъ статей—въ стремленіи насильственной руссификаціи, т. е. подавленія и уничтоженія всякой иной національности и ея духовной жизни. Это—вздоръ и сознательная ложь. Полное сліяніе, объединеніе всѣхъ племенъ въ „русскомъ морѣ“—превращеніе всѣхъ инородцевъ въ рускихъ,—если и высказывалось, то болѣе или менѣе наивными идеалистами, какъ идеалъ сердца или чувства, но не какъ реальная задача политики... Дѣйствительно, какъ было бы хорошо, если бы всѣ народы (на свѣтѣ) превратились въ русскихъ, заговорили русскимъ языкомъ, всѣ приняли бы православіе. Это было бы очень хорошо; но развѣ это серьезно!.. Вѣдь это „сказочки дѣдушки Ерофея“—не болѣе. Можно говорить о культурной ассимиляціи, добровольной, естественной и взаимодѣйствующей. Что же касается до насильственной руссификаціи, то о ней въ настоящее время никто и думать не можетъ. Вся наша забота заключается въ томъ, чтобы прекратилось отчужденіе нашихъ инородческихъ окраинъ и враждебное ихъ отношеніе къ русскому народу; чтобы окраины наши, выражаясь словами Екатерины Великой, „перестали глядѣть, какъ волки, въ лѣсъ“ („Врагъ у воротъ“, Окраины Россіи 1906 г., № 40, стр. 678).

Еще болѣе опредѣленно высказалъ Николай Дмитріевичъ ту же мысль въ 1908 году, въ рѣчи, произнесенной имъ въ первомъ общемъ собраніи обязаннаго ему въ значительной степени своимъ возникновеніемъ „Русскаго Окраиннаго Общества“. Чтобы сдѣлать ее болѣе рельефной, онъ прибѣгъ къ любимому своему пріему—сравненію современной намъ дѣйствительности со стариною: „Двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ и ранѣе—читаемъ въ его рѣчи—наши предки

знали, что дѣлать, и никого объ этомъ не спрашивали. Они твердою рукою раздвигали предѣлы русскихъ владѣній, достигали морскихъ береговъ—„ставили Россію на четыре моря“, какъ выражались въ XVII вѣкѣ, и не боялись никакихъ треній. Инородцевъ покоряли до конца, подводили „подъ высокую руку Великаго Государя“ безусловно, а затѣмъ столь же рѣшительно шли по пути „обрусѣнія“, тоже не стѣсняясь никакими треніями. Наши предки вѣрили въ себя и въ свое дѣло; ничего, кромѣ русскаго и русскихъ интересовъ, не признавали—все чуждое, все противоположное было для нихъ или неимѣющимъ права на существованіе, или даже просто „погань“... „На руси жидомъ не быти“—просто и кратко произносится властное слово въ XVII вѣкѣ, и всѣ его понимаютъ и чувствуютъ глубину мысли безъ дальнихъ разсужденій. Екатерина Великая, въ инструкціи генералъ-прокурору князю Вяземскому 1764 года, пишетъ: „Сіи провинціи“—т. е. Лифляндію и Финляндію—„надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали глядѣть какъ волки въ лѣсъ.“ „Иное къ нимъ отношеніе—продолжаетъ Императрица—есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью—глупость“.

„Эта программа—назову ее прямо—программа *насильственнаго обрусѣнія* для насъ теперь невозможна. Невозможна она, прежде всего, въ виду измѣнившагося положенія личности въ государствѣ, а главнымъ образомъ потому, что соотвѣтствующіе духовные факторы исчезли: увѣренность въ себѣ и беззавѣтная любовь къ своему, родному, русскому. Западно-европейскіе идеалы одолѣли; глаза русскихъ туда обратились. Тамъ красота, тамъ правда, тамъ разумъ... Духъ и воля исчезли—*нечѣмъ* намъ дѣйствовать въ старомъ направленіи, а одной физической силой ничего не подѣлаешь! Это надо сознать ясно и прямо: насильственное обрусѣніе невозможно. И я объ этомъ не жалѣю: „Хороша старина, да и Богъ съ ней“—говорятъ мужики—„не все старое годится, хоть оно и мило“.

„Послѣдняя вспышка этой программы—планъ декабриста Пестеля относительно Финляндіи, а далѣе—если и было что-либо въ этомъ родѣ, то все это было мелко и безцѣльно: отдѣльныя выходки раздражительныхъ людей или глупыхъ помпадуровъ. Повторяю: никакой рѣчи о насильственномъ обрусѣніи въ наше время быть не можетъ. Это только пугало, которымъ враги русскаго народа стараются оттолкнуть отъ насъ инородцевъ и умѣренныхъ людей". „Для нашего времени должна быть поставлена одна цѣль: культурное сближеніе и духовное единеніе на почвѣ честной преданности единому всероссійскому государству. Во всемъ остальномъ, пусть полякъ останется полякомъ, финляндецъ финляндцемъ и т. д. Тѣ инородцы, которые не захотятъ быть нашими братьями въ составѣ единой всероссійской семьи, должны считаться нашими врагами, открытыми и смертельными; но никого изъ нихъ насильственно передѣлывать въ русскихъ мы не станемъ и не должны" („Русское Окраиное Общество", 1908 г., стр. 11—14).

X.

Поступая въ 1893 году на службу въ Государственную Канцелярію, Николай Дмитріевичъ не имѣлъ въ виду первоначально сокращать ни своей преподавательской дѣятельности, ни научныхъ занятій. Скоро, однако, онъ долженъ былъ убѣдиться, что то бремя, которое онъ взвалилъ себѣ на плечи, не могутъ вынести даже и его богатырскія силы. Относясь всегда очень строго къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уменьшить прежде всего число лекцій и въ 1894 году оставилъ профессору въ военно-юридической академіи. Въ слѣдующемъ году онъ прекратилъ чтеніе лекцій также и въ лицеѣ, гдѣ кромѣ обязанностей преподавателя онъ несъ съ 1884 года еще и обязанности члена совѣта. Не менѣе сильно отразилась интенсивная служебная работа, которая легла на Сергѣевскаго по занимаемой имъ должности въ Государственной Канцеляріи, и на его учено-литературныхъ трудахъ [25]).

---

25) Къ первому году службы Н. Д. Сергѣевскаго въ Государственной Канцеляріи (1893—1894 г.г.) относится появленіе въ печати двухъ небольшихъ работъ его беллетристическаго характера, помѣщенныхъ въ „Книжкахъ Недѣли“ подъ псевдонимомъ „Н. Д. Васильевъ“ (отца Николая Дмитріевича звали Дмитрій Васильевичъ). Первая изъ нихъ, подъ названіемъ „Портретъ“ (1893 г., кн. 10, стр. 104—125), представляетъ изъ себя небольшой разсказъ, вторая: „Уже немногіе“— рядъ талантливыхъ очерковъ, посвященныхъ изображенію характерныхъ типовъ дореформенныхъ людей, съ которыми Николаю Дмитріевичу приходилось сталкиваться въ ранней молодости и съ которыми, по его словамъ, онъ и впослѣдствіи не потерялъ „близкой, душевной связи“. Всѣхъ очерковъ восемь: „Девятнадцатое февраля“, „Помѣщица Алмазова“, „Николай Васильевичъ“, „Адмиралъ Рыковъ“, „Бла-

Въ періодъ своей службы въ Государственной Канцеляріи Николай Дмитріевичъ напечаталъ очень немного. Изъ вышедшаго въ свѣтъ за это время за его подписью, кромѣ работъ, о которыхъ говорилось ранѣе, слѣдуетъ отмѣтить

женные", „Господь простилъ", „Дикари" и „Полканъ-Богатырь" (1894 г., кн. 1, стр. 79—110; кн. 2, стр. 41—69; кн. 3, стр. 136—149; кн. 4, стр. 103—146). Читаются они съ большимъ интересомъ. Масса темныхъ сторонъ дореформенной эпохи не мѣшаетъ автору находить въ самыхъ смѣшныхъ и несимпатичныхъ на первый взглядъ ея представителяхъ свѣтлыя черты и освѣщать эти черты съ большою теплотою и задушевностью. Отношеніе автора къ людямъ „старыхъ предразсудковъ", блюстителямъ преданій и вѣрованій, вырванныхъ съ корнемъ 19 февраля, ясно выражено въ слѣдующихъ строкахъ предисловія, прочтя которыя такъ и видишь передъ собою Николая Дмитріевича: „Хорошо и отчетливо помню я крѣпостное право; отлично помню дореформенную эпоху всеобщаго взяточничества, неправосудія, притѣсненій, произвола. Помню эту эпоху, по поводу которой сказано было вѣщее слово поэта о великой скорби народной, переполнившей нашу землю. Пережилъ я эпоху реформъ прошлаго царствованія—этотъ свѣтлый періодъ нашей исторіи, когда все хорошее, все честное подняло голову; когда отвлеченнѣйшіе идеалы выдвигались въ качествѣ практическихъ программъ; когда серьезнѣйшіе люди вѣрили тому, чему теперь и ребенокъ не вѣритъ,—вѣрили, лишь-бы оно было честное, хорошее. Свѣтло жилось, легко дышалось тогда нашему поколѣнію; много надѣлано было глупостей, еще больше ихъ было наговорено,—но много, очень много сдѣлано было хорошаго. Не забыть той эпохи человѣку, который сознательно ее пережилъ; воспоминаніе о ней онъ унесетъ съ собой и въ могилу. Передастъ ли что-нибудь изъ своего прошлаго своимъ дѣтямъ—это вопросъ; поймутъ ли дѣти, прочувствуютъ-ли,—едва-ли. Прошли красные дни; поблекли идеалы; бойцы утомились; сдѣланныя ошибки принесли горькіе плоды. На этой горечи построены обвиненія, а доброе забыто. Кто умеръ, кто спрятался. Вмѣсто широкихъ программъ наступило житіе изо дня въ день,—борьба мелкихъ личныхъ интересовъ; всякая дрянь выплыла наружу; даже какъ-будто поглупѣли русскіе люди.

Часто я оглядываюсь назадъ, въ старину дореформенную,—для молодого поколѣнія это уже старина, хотя для насъ—очень близкое, болѣзненно близкое время, непосредственно связанное съ лучшими днями нашей молодости. И спокойно, безпристрастно смотрю я теперь въ эту старину. Поднимаются передо мною старые люди, отцы и

написанный имъ въ 1894 году, по порученію Академіи Наукъ, обстоятельный разборъ представленнаго для соисканія преміи графа Уварова сочиненія проф. А. Н. Филиппова: „О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою". Прекрасная рецензія этого сочиненія, сдѣланная Николаемъ Дмитріевичемъ, является самостоятельнымъ научнымъ вкладомъ въ исторію русскаго уголовнаго законодательства XVIII вѣка, проливающимъ свѣтъ на нѣкоторые институты, до него не останавливавшіе на себя вниманіе изслѣдователей или же получившіе неправильное освѣщеніе.

8 февраля 1899 года, послѣ торжественнаго акта въ университетѣ, у вышедшей изъ зданія университета толпы студентовъ произошло столкновеніе съ полиціей, послужившее поводомъ для крупныхъ студенческихъ волненій. Волненія

дѣды наши, со всѣми ихъ недостатками и со всѣми ихъ хорошими сторонами. Молодость прошла въ борьбѣ съ этими старыми людьми; теперь борьба кончена, „мы" побѣдили, но гордиться этой побѣдой какъ-то становится стыдно: стариковъ своихъ мы побѣдили, а сами уступаемъ мѣсто чему-то гораздо болѣе мелкому и ничтожному, чѣмъ были наши старики, и сами-то мы измельчали. Уступаемъ нерѣдко мѣсто людямъ безъ таланта, безъ ума, безъ опредѣленной программы, безъ любви къ родинѣ и безъ любви къ человѣку,—да и сами такими-же дѣлаемся...

Назадъ *идти* нельзя, невозможно; но *смотрѣть* назадъ можно и должно. Сравнить современнаго „дѣльца" со „стариками", современнаго свободномыслящаго прогрессиста съ человѣкомъ „старыхъ предразсудковъ",— бываетъ иногда очень поучительно. Страшенъ мнѣ становится современный дѣлецъ „безъ всякихъ предразсудковъ"! Очень у него руки развязаны. Онъ и добро дѣлаетъ, и мыслитъ хорошо, говоритъ еще лучше, а подойди удобный случай—пожалуй, и зарѣжетъ, конечно, благородно и опрятно, не марая рукъ. Нехороши были безобразники стараго времени; тяжело и больно отъ нихъ приходилось; но у нихъ почти всегда „что-то" было—что-то такое, о чемъ Мармеладовъ у Достоевскаго говоритъ: „надо же, чтобъ у каждаго человѣка что-нибудь было",—и за это имъ прощалось многое. Мало того, несмотря на всѣ свои безобразія, они искали и находили теплую любовь со стороны ближнихъ; ихъ уважали и жалѣли, со слезами провожали въ могилу" (кн. 1, стр. 80—82).

1899 года сопровождались появленіемъ въ академической жизни двухъ новыхъ институтовъ—„забастовки“ и „обструкціи“, институтовъ, которымъ было суждено впослѣдствіи сыграть самую видную и самую позорною роль въ исторіи русскихъ университетовъ и привести университеты въ то состояніе окончательнаго разложенія, печальная картина котораго обнаружилась съ особенною силою въ „освободительные дни“. Николай Дмитріевичъ былъ въ числѣ немногихъ профессоровъ, энергично боровшихся съ забастовкой, дѣлалъ попытки противодѣйствовать обструкціи. Въ докладѣ ген. Ванновскаго, производившаго разслѣдованіе по поводу студенческихъ безпорядковъ 1899 года, упоминается о томъ, что три профессора университета, являясь регулярно на лекціи и находя свои аудиторіи пустыми, пробовали тѣмъ не менѣе просиживать въ нихъ установленные часы, и въ числѣ именъ этихъ трехъ профессоровъ называется имя проф. Сергѣевскаго. Въ 1899 году, словомъ, Николай Дмитріевичъ свой профессорскій долгъ выполнилъ до конца, но тогда же почувствовалъ, что оставаться далѣе профессоромъ въ начинавшемъ разлагаться университетѣ ему не подъ силу. Бросить любимое дѣло, съ которымъ онъ сроднился и которому посвятилъ всю свою жизнь, было, однако, слишкомъ тяжело. Два года онъ колебался и раздумывалъ, пока новые крупные университетскіе безпорядки, разыгравшіеся въ 1901 году вслѣдъ за убійствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія Боголѣпова, не вывели его изъ состоянія нерѣшительности и онъ не укрѣпился окончательно въ своемъ намѣреніи покинуть университетъ.

Уходъ Сергѣевскаго изъ числа профессоровъ явился тяжелой потерей для С.-Петербургскаго университета. Въ лицѣ его юридическій факультетъ лишался не только извѣстнаго ученаго; онъ терялъ также крупную преподавательскую силу, лектора, отличавшагося выдающимся, своеобразнымъ талантомъ. Аудиторія Николая Дмитріевича была всегда полна, несмотря на то, что его популярности среди студен-

чества должна была сильно мѣшать его репутація „ретрограда“ и „кнутофила“. Николай Дмитріевичъ отличался удивительнымъ умѣньемъ пробудить вниманіе слушателей, вызвать въ нихъ интересъ къ наукѣ своимъ яснымъ, живымъ и необыкновенно простымъ изложеніемъ, остававшимся простымъ даже и тогда, когда для уясненія вопроса приходилось поднимать слушателей на теоретическія высоты. Ранѣе было указано, что научную дѣятельность Николай Дмитріевичъ понималъ прежде всего какъ служеніе родной странѣ; этотъ же взглядъ онъ старался привить и своимъ слушателямъ. Поэтому онъ не старался во время лекцій излагать всѣ существующія въ доктринѣ по данному вопросу теоріи и контроверсы. Онъ давалъ обыкновенно общій разборъ началъ русскаго уголовнаго права и въ простыхъ выраженіяхъ дѣлалъ мѣткія, надолго запечатлѣвавшіяся въ памяти слушателей, характеристики основныхъ его положеній. Въ послѣдніе годы своего преподаванія въ университетѣ Николай Дмитріевичъ ввелъ въ программу своихъ лекцій кромѣ русскаго также и финляндское уголовное право, знакомя студентовъ съ важнѣйшими постановленіями общей части финляндскаго уголовнаго уложенія; уложеніе это, несмотря на многіе, хорошо ему извѣстные, недостатки его, онъ ставилъ въ качествѣ кодекса весьма высоко за его несклонность къ теоретическимъ опредѣленіямъ.

Не менѣе замѣтно чѣмъ въ лекціяхъ сказывался крупный преподавательскій талантъ Николая Дмитріевича въ его руководительствѣ практическими занятіями студентовъ, которыя онъ началъ вести, будучи еще профессоромъ Демидовскаго юридическаго лицея. Систему занятій онъ заимствовалъ изъ Германіи, убѣдившись въ достоинствахъ ея путемъ личнаго опыта участія въ занятіяхъ, происходившихъ подъ руководствомъ проф. Биндинга, въ Лейпцигскомъ университетѣ. Цѣлью практическихъ занятій Николай Дмитріевичъ ставилъ развитіе самостоятельной дѣятельности учащихся и выработку у нихъ строгаго юридическаго мышле-

нія. Достигалась имъ эта цѣль путемъ упражненія участниковъ занятій въ разборѣ „казусовъ“, или, другими словами, въ примѣненіи общихъ правовыхъ положеній къ конкретнымъ случаямъ, взятымъ изъ жизни. Пособіемъ для занятій служила изданная имъ еще въ 1882 году, по образцу нѣмецкихъ сборниковъ задачъ, „Казуистика“ (Ярославль, 1882 г.; 4-е изданіе — С.-Петербургъ, 1908 г.), единственный существующій въ Россіи сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по матеріальному уголовному праву. Для успѣха практическихъ занятій Сергѣевскій считалъ весьма полезнымъ, чтобы разрѣшеніе примѣрныхъ случаевъ введено было въ составъ экзаменовъ (Казуистика, 1882 г.: „Отъ составителя“, стр. IX). Эта безусловно вѣрная мысль не получила до сего времени практическаго осуществленія, о чемъ нельзя искренно не пожалѣть, такъ какъ осуществленіемъ ея можно было бы значительно поднять въ общемъ весьма невысокій средній уровень юридическаго развитія лицъ, оканчивающихъ юридическіе факультеты какъ въ русскихъ, такъ и въ большинствѣ западно-европейскихъ университетовъ.

У студентовъ Николай Дмитріевичъ имѣлъ большой авторитетъ. Такимъ же авторитетомъ пользовался онъ и въ коллегіи преподавателей. Наилучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить письмо, полученное имъ въ 1901 году отъ его сочленовъ по факультету, когда имъ сдѣлалось извѣстно его намѣреніе оставить университетъ. Вотъ текстъ этого письма, имѣющаго подъ собою подписи всѣхъ профессоровъ юридическаго факультета:

„Глубокоуважаемый

Николай Дмитріевичъ.

„Юридическій факультетъ съ глубокимъ огорченіемъ освѣдомился о слухѣ, будто бы Вы предполагаете покинуть нашъ университетъ. Съ Вами юридическій факультетъ за долгіе годы Вашего въ средѣ его пребыванія, можно сказать, не только сжился, но сроднился. Ваши точныя и ясныя харак-

теристики научныхъ работъ, подлежавшихъ обсужденію факультета, существенно облегчали послѣдній при выработкѣ своего о нихъ мнѣнія. Вашъ твердый и нелицепріятный голосъ по вопросамъ, порою весьма сложнымъ и щекотливымъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію факультета, поддерживалъ, а иногда даже вносилъ въ сужденія послѣдняго спокойное объективное къ нимъ отношеніе. Ваши научныя работы содѣйствовали доброй славѣ факультета и достойному выполненію имъ лежащаго на немъ общественнаго служенія. И нынѣ, когда Ваши силы находятся въ полномъ расцвѣтѣ, факультету, было бы крайне тягостно лишиться Вашего участія. Трудное время, переживаемое университетами, усугубило бы еще болѣе тяжесть Вашего выхода. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ факультетъ надѣется, что предположеніе Ваше объ оставленіи профессуры не перейдетъ въ окончательное рѣшеніе и высказываетъ искреннее пожеланіе сохранить васъ на долгіе годы въ своей средѣ".

XI.

Оставивъ профессуру, Николай Дмитріевичъ еще съ большей энергіей отдался служебной работѣ. Кромѣ дѣятельнаго участія въ качествѣ предсѣдателя и члена въ различныхъ „финляндскихъ“ комиссіяхъ,[26]) о которомъ было говорено выше, Николай Дмитріевичъ былъ привлеченъ В. К. Плеве въ коммисію по преобразованію губернскаго управленія и назначенъ членомъ двухъ коммисій, Высочайше учрежденныхъ въ виду послѣдовавшаго въ 1903 году утвержденія новаго уголовнаго уложенія: особой коммисіи, подъ предсѣ-

26) Въ 1899 году Н. Д. Сергѣевскій былъ назначенъ предсѣдателемъ временной комиссіи, учрежденной при Государственной Канцеляріи для составленія по финляндскимъ законамъ свѣдѣній, необходимыхъ при производствѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и для систематизаціи финляндскихъ законовъ вообще, въ 1900 году—членомъ комиссіи, Высочайше учрежденной при Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ по пересмотру нѣкоторыхъ законоположеній, касающихся финляндскаго управленія, въ 1901 году—представителемъ Государственной Канцеляріи въ комиссіи при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній для обсужденія вопроса о преобразованіи финляндскаго кадетскаго корпуса, въ 1904 году—членомъ подготовительной комиссіи, образованной по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената д. т. с. Таганцева, для обсужденія предположеній о разграниченіи общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательства, выработанныхъ въ учрежденной Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ комиссіи, наконецъ, въ 1907 году—членомъ особаго совѣщанія, образованнаго, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ гофмейстера Столыпина, для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся Великаго Княжества Финляндскаго.

дательствомъ Министра Юстиціи, для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія, и коммисіи, образованной подъ предсѣдательствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, „для предварительной разработки главныхъ основаній согласованія съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ правилъ объ уголовной подсудности установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 года, а также наиболѣе цѣлесообразной постановки дѣла отправленія правосудія въ волостныхъ судахъ". Въ этихъ усиленныхъ служебныхъ занятіяхъ прошло съ небольшимъ три года. 20 октября 1904 года Сергѣевскій былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Какъ прекрасный юристъ, Николай Дмитріевичъ весьма быстро вошелъ въ курсъ того новаго дѣла, которое легло на него по званію сенатора II департамента и, сдѣлавшись вновь хозяиномъ своего времени, получилъ возможность вернуться къ литературной работѣ. Онъ не замедлилъ исполнить это и уже въ 1905 году написалъ большую статью: „Къ ученію о преступленіяхъ религіозныхъ", напечатанную въ 1906 году въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" (кн. 4, стр. 13—49). Въ статьѣ этой Сергѣевскій правильно указалъ основную ошибку въ отношеніи къ религіознымъ преступленіямъ большинства писателей-юристовъ XIX столѣтія, отразившуюся весьма невыгодно на догматической разработкѣ этихъ преступленій,—тенденцію „умалять, во что бы то ни стало, значеніе религіознаго момента въ правѣ вообще и въ уголовномъ правѣ въ частности" (стр. 14): „Писатели какъ бы забывали,—говорилъ онъ—что уголовное право въ опредѣленіи состава преступныхъ дѣяній далеко не самостоятельно, а подчиняется нормамъ права другихъ областей и массѣ бытовыхъ факторовъ; писатели какъ бы игнорировали, что религіозныя убѣжденія гражданъ представляютъ собою, можетъ быть, самую могучую изъ духовныхъ силъ, движущихъ человѣкомъ, притомъ силу всепроникающую, не только господствующую въ сферѣ внутреннихъ движеній

человѣка, но и управляющую въ значительной степени его внѣшней дѣятельностью, его отношеніями къ ближнимъ, къ обществу и даже къ государству“ (стр. 14—15).

Не боясь никогда идти противъ теченія, Сергѣевскій и въ этомъ вопросѣ рѣшительно отказался стать на точку зрѣнія большинства и взять подъ свою защиту принципъ равенства предъ государствомъ всѣхъ исповѣданій. Подобнаго рода принципъ несовмѣстимъ, по его мнѣнію, съ признаніемъ общественно-государственнаго значенія религіи. „Государство не можетъ безразлично относиться къ тѣмъ духовнымъ силамъ,—писалъ онъ—отъ которыхъ зависитъ умственный и духовный обликъ гражданъ, и тѣмъ менѣе къ тѣмъ силамъ, которыя оказываютъ вліяніе на нравственный міръ и этическіе идеалы. Сила научныхъ знаній, расширяющая умственный кругозоръ, впечатлѣнія эстетическія, вліяніе музыки, живописи, изящной литературы и т. д.—живутъ въ человѣкѣ, покоряютъ себѣ его внутренній міръ, образуютъ его вкусы, стремленія, характеръ, идеалы и мотивы всякаго рода дѣятельности. Къ категоріи этихъ культурно-этическихъ силъ принадлежитъ и религія; по признакамъ психологическимъ она однородна съ ними, но безусловно выдѣляется какъ по зиждительному могуществу, такъ и по объему сферы своего дѣйствія. Она проникаетъ всѣ этическіе идеалы вѣрующаго человѣка; она руководитъ его отношеніями къ ближнимъ, опредѣляетъ конечный идеалъ его жизни; она создаетъ наивысшій подъемъ его силъ какъ для полезнаго, такъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и для вреднаго дѣла. Общественная этика, а равно руководящіе принципы права точно также не изъяты отъ вліянія религіи; это не подлежитъ никакому сомнѣнію, если только религія дѣйствительно существуетъ въ сердцахъ гражданъ или, по крайней мѣрѣ, большинства ихъ. Нѣтъ того авторитета, нѣтъ такого стимула дѣятельности, который не отступилъ бы на второй планъ у человѣка искренно вѣрующаго при столкновеніи съ авторитетомъ религіознаго догмата. Вся культура и этика

народовъ христіанскихъ выработана подъ вліяніемъ христіанства и во многомъ отличается отъ вкусовъ и воззрѣній народовъ языческихъ; несомнѣнно, что даже отдѣльныя, невѣрующія личности безсознательно подчиняются общему теченію и усваиваютъ себѣ тѣ же начала" (стр. 20—21).

„Если государство оказываетъ свое покровительство другимъ культурно-этическимъ силамъ, то покровительство и охрана благъ и интересовъ, обусловливаемыхъ религіей, всеконечно должна признаваться дѣломъ общественнымъ и должна совершаться не только въ интересахъ частныхъ лицъ, но главнымъ образомъ и прежде всего въ интересахъ общественно-государственныхъ" (стр. 21) [27]).

---

[27]) Подтвержденіе и иллюстрація этой мысли содержатся въ слѣдующихъ строкахъ, написанныхъ Николаемъ Дмитріевичемъ въ 1908 году, за мѣсяцъ до смерти: „Съ точки зрѣнія современной прогрессивной мысли религія отдѣляется отъ политики; религія не связывается и съ національностью. Религія, говоримъ мы, есть дѣло свободной совѣсти отдѣльнаго человѣка; никакая политическая конфигурація, говоримъ мы, не должна вліять на свободу исповѣданія и т. д.,—цѣлый рядъ хорошихъ, либеральныхъ формулъ. И національности равны между собою, „Нѣсть ни эллинъ ни іудей"—приводимъ мы евангельскія слова въ подтвержденіе этой мысли. Но практика жизни показываетъ другое, въ особенности на западной окраинѣ: католикъ такъ полякъ: православный такъ русскій. А если полякъ, то сейчасъ же „и польская автономія", а кто попроще или поглупѣе, то и „крулевство польское", и „еще польска не сгинела", и „отъ моря до моря". А если русскій, то—за исключеніемъ немногихъ разрушительныхъ партій,—девизъ одинъ: „Россія единая". Вотъ какъ стоитъ дѣло въ дѣйствительности: религія по общему правилу опредѣляетъ собою и политическій идеалъ, и національность. „Гдѣ нѣтъ православной или старовѣрческой церкви", говорятъ русскіе люди на западной окраинѣ, „тамъ нѣтъ и Россіи; гдѣ нѣтъ русскаго языка, тамъ тоже нѣтъ Россіи". И на практикѣ это вѣрно. Католикъ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, хоть бы чистокровный русскій—такихъ много и между польскими дворянскими фамиліями—непремѣнно является ярымъ полякомъ въ политикѣ и наоборотъ. Всѣ наши прогрессивные разговоры объ отсутствіи связи между вѣроисповѣданіемъ и политикой являются не болѣе, какъ теоріей; на практикѣ царитъ

„Прямымъ послѣдствіемъ общественно-государственнаго значенія религіи является тотъ выводъ, что отношенія государства къ религіи не могутъ быть построены на началѣ равенства всѣхъ и всякихъ религій. Наоборотъ, совершенно ясно, что для каждаго государства культурно-этическое значеніе можетъ имѣть только та религія, хотя и въ различныхъ ея исповѣданіяхъ, которая находится въ ближайшемъ родствѣ съ общественной этикой и основными началами права и которую мы можемъ назвать первенствующею религіею“ (стр. 21). „Государство не можетъ въ равной степени оказывать покровительство всякимъ религіямъ и не можетъ не дѣлать нѣкоторыхъ различій между гражданами по вѣроисповѣдному признаку“ (стр. 22).

Основательно бросаетъ далѣе Николай Дмитріевичъ въ цитируемой статьѣ нѣсколько мѣткихъ критическихъ замѣчаній по адресу крайне туманной господствующей постановки вопроса объ отношеніяхъ государства къ различнымъ религіямъ въ научной литературѣ. „Многіе писатели стараются въ своихъ разсужденіяхъ выдвигать на первый планъ принципъ равенства всѣхъ религій и подробно разсуждаютъ о томъ, что никакому религіозному обществу не должно быть предоставляемо никакихъ привилегій, сравнительно съ другими,—всѣ равны и всѣ одинаково свободны въ исповѣданіи, проповѣди, отправленіи культа и проч. Что же касается до неизбѣжныхъ, какъ указано, различій,—говоритъ Николай Дмитріевичъ—то, не имѣя возможности умолчать объ этомъ совершенно,—нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать,

---

прежнее правило XVI и XVII вѣковъ: принялъ православіе—сталъ русскимъ; перешелъ въ католичество—ополячился. Слуга Россіи тотъ, кто говоритъ по-русски; сынъ Россіи тотъ, кто исповѣдуетъ православную вѣру. Это рѣзко, это, можетъ быть, даже жестоко; пусть это отсталость, анахронизмъ, называйте, какъ хотите, но это такъ на западной окраинѣ“ („Шесть дней въ Вильнѣ“. „Окраины Россіи“ 1908 г., №№ 35—36, стр. 499—503).

что культурное европейское государство можетъ съ одинаковымъ покровительствомъ относиться къ христіанскому епископу и къ хлыстовской богородицѣ,—писатели ограничиваются двумя-тремя неясными словами. Одинъ дѣлаетъ вскользь оговорку, что соображенія его касаются лишь „христіанскихъ религій“, забывая, что и скопцы и душители—тоже христіане; другой говоритъ о „религіяхъ монотеизма въ современномъ европейскомъ пониманіи;“ третій о—„дозволенномъ“ культѣ, „дозволенномъ“ богослуженіи и т. д. Казалось бы, отъ представителей науки можно ожидать болѣе точныхъ указаній. Каждому изъ насъ ясно, что культурно-этическое значеніе религій не оставляетъ мѣста равенству отношеній государства ко всякимъ религіямъ; это должно признать ясно и открыто. Это не можетъ считаться стѣсненіемъ свободы совѣсти и личнаго исповѣданія; равнымъ образомъ не обусловливаетъ собою никакихъ религіозныхъ преслѣдованій“ (23—24).

Въ противоположность указанной неопредѣленности положеній сторонниковъ противнаго мнѣнія, Сергѣевскій точно намѣчаетъ, въ чемъ можетъ выражаться различное отношеніе государства къ религіямъ первенствующей, дозволеннымъ и воспрещеннымъ. Въ существенныхъ чертахъ, по его словамъ, различія между ними сводятся къ слѣдующему; „во-первыхъ, признавая свободу исповѣданія, государство можетъ оказывать покровительство миссіонерской дѣятельности лишь по отношенію къ одной первенствующей религіи; по отношенію къ прочимъ возможно лишь допускать свободу проповѣди, но оказывать положительное покровительство, напримѣръ, матеріальную помощь, было бы нецѣлесообразно. Во-вторыхъ, если существуютъ среди гражданъ исповѣданія, противныя этикѣ, напримѣръ, секта скопцовъ и хлыстовъ, или исповѣданія, противныя основамъ государственнаго строя, напримѣръ, секта бѣгуновъ, или исповѣданія, побуждающія къ совершенію какихъ-либо преступленій, вообще наказуемыхъ по законамъ уголовнымъ, напри-

мѣръ, секта душителей,—то государство имѣетъ полное основаніе воспретить какъ проповѣдь, такъ и всякое внѣшнее проявленіе такого религіознаго культа, независимо отъ наказаній уголовныхъ за тѣ преступленія, которыя совершены. Тѣ же ограниченія могутъ имѣть мѣсто и по отношенію къ такимъ исповѣданіямъ, которыя, не будучи сами по себѣ противны общественной этикѣ или основамъ государственнаго строя, тѣмъ не менѣе, по условіямъ мѣста и времени, служатъ знаменемъ политической борьбы, враждебной правительству и государству. Въ-третьихъ, при выборѣ агентовъ государственной и общественной службы государство необходимо должно дѣлать различія по вѣроисповѣдному признаку; нельзя, очевидно, назначить еврея или язычника преподавателемъ христіанскаго закона Божія; какого-нибудь сектанта—начальникомъ духовнаго учебнаго заведенія; нельзя допустить лицо, принадлежащее къ исповѣданію, отвергающему государство, къ занятію вообще какихъ-либо отвѣтственныхъ должностей по государственной службѣ, и т. д. Здѣсь комбинаціи могутъ быть безконечно разнообразны; религія въ этомъ вопросѣ, несомнѣнно, должна имѣть такое же значеніе, какъ и всѣ прочія свойства и способности лицъ, желающихъ занять ту или другую должность,—ихъ таланты, нравственныя качества, политическія убѣжденія и проч.“ (стр. 22—23).

Правильной конструкціей религіозныхъ преступленій представляется, по мнѣнію Николая Дмитріевича, конструкція ихъ какъ посягательствъ на особаго рода общественно-государственный интересъ, съ условіемъ, чтобы при этомъ не подвергались стѣсненію свобода совѣсти и личнаго исповѣданія, а равно и свободное отправленіе религіознаго культа гражданами. Такая конструкція вполнѣ соотвѣтствуетъ культурному строю современныхъ европейскихъ государствъ. Человѣчество и наука доходятъ до нея путемъ долгихъ тяжелыхъ испытаній и увлеченій въ ту и другую сторону, начиная отъ величайшихъ стѣсненій свободы совѣсти и кон-

чая полнымъ отрицаніемъ значенія религіи, какъ зиждительнаго фактора въ общественно-государственномъ строѣ (стр. 26).

Анализу „уклоненій отъ правильной конструкціи“ и посвящена Сергѣевскимъ большая часть его въ высшей степени интересной статьи. Чрезвычайно цѣнными представляются приводимыя авторомъ доказательства неправильности господствующаго мнѣнія о томъ, будто бы уголовное право московской Руси носило теологическую окраску, будто бы въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича признакъ вреда и опасности отодвигается на второй планъ, уступая мѣсто моменту грѣха. Сергѣевскій энергично оспариваетъ этотъ взглядъ, утверждая, что русскому праву была чужда точка зрѣнія теократическаго государства, что его увлеченіе заключалось только въ томъ, что „вмѣсто свободнаго и высокочтимаго союзника оно стремилось сдѣлать изъ религіи подчиненную, служебную, политическую силу“ (стр. 29). „Русское правительство XVI и XVII вѣковъ не ограничивалось призывомъ Бога на помощь, когда начинало войну,— это просто и понятно и вездѣ дѣлается. Не ограничивалось даже и тѣмъ, что всегда призывало свои войска „постоять за вѣру православную“, „за домъ Пресвятой Богородицы“, а короля Польскаго неуклонно обвиняло въ намѣреніи „искоренить вѣру православную“,—это тоже болѣе или менѣе понятно, если принять во вниманіе, что религіозный признакъ сливался съ національно-государственнымъ, и всякій, принявшій православіе, становился русскимъ, принявшій католичество—ополячивался, а перешедшій въ магометанство—отурчался. Русское правительство шло несравненно далѣе: оно возводило къ божескому авторитету, напримѣръ, такія дѣйствія, какъ обыкновенные смотры войскамъ въ мирное время (стр. 29), различныя финансовыя и полицейскія мѣропріятія. Запрещая и преслѣдуя по весьма вѣскимъ основаніямъ табакокуреніе, брадобритіе, святочныя и пасхальныя народныя игры, оно для приданія большей силы своимъ постановленіямъ объявляло воспрещаемыя имъ дѣянія „неугод-

ными Богу", „бѣсовскими игралищами", „нарушеніями христіанскаго закона" (стр. 30—32). Впослѣдствіи „судъ, граждане, да и самъ законодатель привыкаютъ смотрѣть на эти дѣянія, какъ на дѣйствительныя религіозныя преступленія; основной мотивъ запрещенія забывается и остается лишь „нарушеніе закона христіанскаго". Съ этой, искусственной, точки зрѣнія опредѣляется и размѣръ наказанія; она же нерѣдко продолжаетъ господствовать и тогда, когда, по измѣнившимся условіямъ жизни и нравовъ, дѣяніе, само по себѣ взятое, потеряло уже значеніе вреднаго или опаснаго для государства. Въ результатѣ получается преступленіе, все содержаніе котораго исчерпывается не государственнымъ интересомъ и не религіознымъ, ни частнымъ, ни общественнымъ, а исключительно какимъ-то застарѣлымъ суевѣріемъ" (стр 33).

XII.

Если бы возвращеніе Сергѣевскаго къ научно-литературнымъ занятіямъ произошло въ болѣе спокойное время, весьма вѣроятно, что за статьей о религіозныхъ преступленіяхъ послѣдовалъ бы рядъ другихъ столь же талантливыхъ криминалистическихъ работъ. Возможно, что ему удалось бы довести до конца начатое печатаніемъ еще въ 1887 году руководство по особенной части уголовнаго права, успѣхъ котораго былъ бы несомнѣнно не меньше, чѣмъ успѣхъ его учебника по общей части. Но не таково было время въ Россіи въ 1905—1906 г.г., чтобы русскій человѣкъ съ умомъ и сердцемъ Николая Дмитріевича могъ спокойно посвятить себя научной работѣ. „Освободительное“ движеніе, объединявшее первоначально дѣятелей разныхъ направленій, разрослось постепенно въ революціонную смуту, сплотившую враговъ могущества и цѣлостности Россіи. Какъ изъ рога изобилія посыпались резолюціи о необходимости созыва для рѣшенія судебъ русскаго народа учредительнаго собранія, былъ поднятъ и серьезно обсуждался вопросъ о желательности предоставленія отдѣльнымъ, населяющимъ Россію, народностямъ права національнаго самоопредѣленія, превращенія Россійской имперіи въ федерацію разноплеменныхъ демократическихъ республикъ. Вспыхнулъ пожаръ, для тушенія котораго нужно было мобилизовать всѣ силы. Николай Дмитріевичъ не только ясно понялъ, но и живо почувствовалъ это своимъ русскимъ сердцемъ и съ увлеченіемъ отдался дѣлу объединенія оставшихся вѣрными родинѣ и Монарху русскихъ людей. [28])

[28]) И ранѣе 1905 года Н. Д. Сергѣевскій держался того мнѣнія,

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, хотя и не имѣвшимъ практическихъ результатовъ, но заслуживающимъ, однако, упоминанія, явилась попытка весной 1905 года объединить „государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сходящихся во взглядахъ по основнымъ вопросамъ государственнаго устройства и порядка управленія въ Россіи“, съ цѣлью „облегчить имъ возможность проводить свои убѣжденія въ жизнь“, въ особомъ обществѣ—клубѣ, которое было предположено назвать „союзъ друзей законности и порядка“.

что для усиленія правительственной власти необходимо образованіе въ государствѣ политическихъ партій. Въ запискахъ его, содержащихъ въ себѣ много интересныхъ набросковъ самаго разнообразнаго содержанія, о политическихъ партіяхъ, между прочимъ, говорится: „Отчего у насъ въ Россіи всѣ образованные и всѣ полуобразованные люди всегда ругаютъ правительство и находятся *въ оппозиціи*; мало того, всѣ—ужасные либералы, конституціоналисты и даже республиканцы?

На первый взглядъ это можетъ привести къ заключенію, что мы находимся чуть не наканунѣ реформы основъ политическаго строя. Такъ часто думаютъ юнцы. Но въ дѣйствительности это совсѣмъ другое: всѣ наши конституціоналисты и республиканцы разомъ превратились бы въ защитниковъ самодержавія, какъ только убѣдились бы, что революціонная партія въ Россіи имѣетъ дѣйствительную силу и можетъ грозить дѣйствительнымъ разгромомъ существующаго порядка. Такое превращеніе мы уже видѣли послѣ 1-го марта. Какимъ языкомъ тогда заговорили вчерашніе либералы! Какихъ только не предлагали и не одобряли мѣръ, какъ только увидали, что опасность грозитъ нешуточная! Удержали равновѣсіе лишь очень и очень немногіе.

Наша исторія не выработала намъ политическихъ партій въ качествѣ признанныхъ факторовъ народно-государственной жизни. До Петра Великаго еще были такія партіи: государственно-правительственная и вольно-народная или удѣльно-вѣчевая (земская, казацкая). Эти партіи открыто боролись: одна, созидая самодержавное централистическое государство; другая, отстаивая народную вольность, мѣстное самоуправленіе. Тогда люди правительственной партіи, конечно, не играли въ оппозицію—этимъ шутить было нельзя, опасно. Съ Петра Великаго борьба кончена, и партій больше нѣтъ: *всѣ* вѣрноподданные. Послѣдняя вспышка—Пугачевскій бунтъ—носитъ низменный, разбойный характеръ. А какъ только *всѣ* стали вѣрноподданными, то исчезла и

Первоначальная мысль объ образованіи такого общества исходила не отъ Николая Дмитріевича, но никто не потрудился такъ много, какъ онъ, надъ ея практическимъ осуществленіемъ и приведеніемъ къ соглашенію лицъ, пошедшихъ этой мысли навстрѣчу. Послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, потребовавшихъ нѣсколькихъ засѣданій, происходившихъ подъ его предсѣдательствомъ, къ началу

правительственная партія, т. е. партія, которая должна была бы отстаивать правительственные виды и интересы. *Всѣ обязаны* это дѣлать,— всѣ безъ изъятія. Но отъ *всѣ* до *никто* разстояніе въ данномъ случаѣ не велико. Зачѣмъ всѣ будутъ бороться, когда правительство и юридически и фактически самодержавно? Оно и должно охранять порядокъ, а не граждане. Вѣдь борьба и азартъ борьбы возникаютъ только тогда, когда есть состязаніе. Никто не будетъ бороться за такое положеніе, на которое никто не нападаетъ, безъ нападенія нѣтъ активной защиты. А поиграть въ оппозицію весело, да и поводы къ критикѣ имѣются: всѣ шероховатости, грубости, ошибки, промахи управленія, которые весьма увеличиваются отъ отсутствія настоящей оппозиціи и борьбы. Вотъ и причина, почему *всѣ* находятся якобы въ оппозиціи— всѣ суть вѣрноподданные и всѣ въ то же время либералы и поклонники конституцій.

Но пусть только загремитъ настоящая революціонная гроза, пусть опасность сдѣлается наличною, дѣйствительною—пойдетъ ужъ мызыка не та. Явится правительственная партія и вчерашніе либералы возьмутъ за горло тѣхъ, кто будетъ говорить сегодня то, что вчера только болтали они сами. Теперь мы отчаянно ругаемъ правительство за всякую, даже ничтожную, репрессивную мѣру, направленную противъ нарушителей государственнаго порядка и противниковъ самодержавія и монархизма,—мы это дѣлаемъ именно потому, что въ сущности вовсе не боимся нашихъ революціонеровъ, не вѣримъ въ возможность успѣха ихъ начинаній,—а тогда сами готовы будемъ съ дубиной отстаивать порядокъ. „Громъ не грянетъ—русскій мужикъ не перекрестится“— великолѣпная пословица, какъ разъ къ мѣсту. Вотъ въ западныхъ конституціонныхъ государствахъ всегда громъ гремитъ,—тамъ и существуютъ партіи, которыя всегда и во всемъ защищаютъ правительство. А у насъ это должны дѣлать городовые. Думаю, что нынѣ пора дифференцировать партіи—показать всему населенію, не скрывая размѣра революціонной пропаганды. Пусть всѣ видятъ, что пора проснуться и перестать играть въ оппозицію правительству“.

іюня 1905 года проектъ устава „союза“ былъ выработанъ, причемъ политическое „credo“ членовъ союза было формулировано въ слѣдующихъ пяти „основныхъ положеніяхъ“, принятіе которыхъ являлось conditio sine qua non вступленія въ союзъ:

1. „Верховная власть въ Россіи должна принадлежать самодержавному Монарху“.

2. „Самодержавіе по сущности своей вполнѣ согласуется съ задачей исправленія существующихъ недостатковъ порядка управленія, а равно и съ закономѣрнымъ прогрессомъ государственной жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ собою залогъ успѣшнаго развитія единаго и нераздѣльнаго государства россійскаго“.

3. „Въ основу самодержавнаго порядка управленія должна быть положена строгая законность во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни, обезпеченная надлежащимъ контролемъ за дѣятельностью всѣхъ исполнительныхъ органовъ, свободою въ отношеніи разоблаченія злоупотребленій и поставленною внѣ зависимости отъ чьего бы то ни было усмотрѣнія отвѣтственностью должностныхъ лицъ, нарушившихъ законъ“.

4. „Для успѣшнаго и мирнаго дальнѣйшаго развитія государства желательно и необходимо: а) совѣщательное участіе населенія въ законодательной дѣятельности въ формѣ, обезпечивающей привлеченіе къ этому участію наиболѣе цѣнныхъ для законодательства общественныхъ силъ, и б) укрѣпленіе и послѣдовательное развитіе началъ мѣстнаго самоуправленія, какъ земскаго и городского, такъ и сословнаго“.

5. „Парламентарно-конституціонныя формы государственнаго устройства по западно-европейскимъ образцамъ представляются безусловно непригодными для нашего отечества“ [29]).

[29]) Н. Д. Сергѣевскій былъ убѣжденнымъ противникомъ конституціонной монархіи. По вопросу о самодержавіи, конституціи и республикѣ онъ въ запискахъ своихъ пишетъ: „Въ формахъ видятъ существо дѣла и начинаютъ революціи, льютъ кровь для того, чтобы смѣ-

Для достиженія намѣченныхъ союзомъ цѣлей, союзу предполагалось испросить право: 1) устраивать собранія членовъ, посвященныя собесѣдованіямъ, обсужденію докладовъ, выслушанію лекцій и т. п.; 2) имѣть для своихъ собраній помѣщеніе съ библіотекой, читальней, буфетомъ и т. п.; 3) издавать періодическій органъ и труды союза и его членовъ; 4) устраивать публичныя чтенія, лекціи, собесѣдованія и проч.

Выработка проекта устава союза была закончена,

нить одну форму другою. Слѣпые люди! Древній Римъ прогрессировалъ обратнымъ порядкомъ—началъ съ республики и, прогрессируя, кончилъ абсолютной монархіей. А испыталъ ли онъ когда-нибудь золотой вѣкъ и полное счастье? Какъ не понять, что все это есть только формы или символы или фикціи счастья и блага общественнаго—Самодержецъ Божіей милостью, Государь parla volonté du peuple, Глава народнаго правительства—а сумма блага общественнаго отъ этихъ формъ или фикцій не зависитъ. Гдѣ больше гибнетъ людей отъ политической борьбы? Конечно, не въ самодержавныхъ государствахъ. Слѣпые люди—не видятъ, что осуществленіе каждой изъ этихъ формъ безконечно разнообразно въ жизни, что Самодержавіе точно также видоизмѣняется въ историческомъ ходѣ государственной жизни, какъ и другія формы, подъ вліяніемъ не революцій и насильственныхъ воздѣйствій, а культурно-гуманныхъ силъ. Слѣпые люди—не видятъ того, что конституція можетъ имѣть смыслъ только при однородномъ и весьма культурномъ составѣ населенія; что настоящая республика возможна лишь въ маломъ объемѣ... Слѣпые люди—не видятъ того, что конституціонная форма прежде всего приспособлена къ господству капитала, къ поглощенію капиталомъ всѣхъ этическихъ факторовъ соціальной жизни"... Въ другомъ мѣстѣ той же тетради записокъ читаемъ: „Старый споръ и старая мысль, что лучшее управленіе государствомъ есть управленіе по мнѣнію „большинства" гражданъ-подданныхъ. А что такое „большинство"? Во-первыхъ, „большинство", если оно фактически (по счету головъ) и могло бы сложиться, есть комплексъ людей, отнюдь не лучшихъ и не умнѣйшихъ; мнѣніе „большинства" вовсе не есть мнѣніе, наиболѣе высокое по достоинствамъ. Во-вторыхъ, „большинство" правящее всегда сложится не по счету головъ, а по *силѣ*, притомъ не умственной силѣ, а экономической и въ значительной степени силѣ карьеризма—слѣдовательно, царство эгоизма немногихъ".

какъ сказано, только къ іюню, когда Петербургъ уже начинаетъ разъѣзжаться. Не отъ всѣхъ участниковъ собраній удалось получить весной подписи подъ уставомъ, а потому представленіе его на утвержденіе рѣшено было отложить до осени. Послѣдовавшее 20 августа учрежденіе Государственной Думы выдвинуло вопросъ о пересмотрѣ и дополненіи „основныхъ положеній“, для чего требовалось вновь созвать учредителей союза, сдѣлать же это можно было только въ октябрѣ. Манифестъ 17 октября внесъ нѣкоторый расколъ въ среду участниковъ и такъ какъ въ это время уже образовалось нѣсколько политическихъ партій и въ томъ числѣ „партія правоваго порядка“, программа которой имѣла много общаго съ программой задуманнаго союза, мысль объ учрежденіи союза была оставлена. Николай Дмитріевичъ очень объ этомъ жалѣлъ, такъ какъ нѣкоторыя положенія „партіи правоваго порядка“ его не удовлетворяли. Не принявъ ближайшаго участія въ дѣятельности партіи, Николай Дмитріевичъ съ тѣмъ большею энергіею началъ работать надъ осуществленіемъ новаго предпринятаго имъ дѣла, которому онъ придавалъ исключительное значеніе—надъ организаціею противодѣйствія на окраинахъ государства сепаратистическимъ стремленіямъ инородцевъ; для достиженія этой цѣли онъ считалъ прежде всего необходимымъ болѣе широкое ознакомленіе русскаго общества съ положеніемъ дѣлъ и съ нуждами русскихъ людей на окраинахъ. По иниціативѣ Сергѣевскаго среди членовъ Русскаго Собранія въ началѣ 1906 года образовался кружокъ лицъ, рѣшившихъ издавать для обсужденія дѣлъ на окраинахъ періодическій органъ. Въ программной статьѣ, которой начинался вышедшій 5 марта 1906 года первый номеръ газеты „Окраины Россіи“, открыто и рѣзко выступилъ Николай Дмитріевичъ противъ „внутреннихъ враговъ отечества“—либеральныхъ круговъ общества, „поддавшихся на удочку и поднявшихъ крикъ объ автономіяхъ всѣхъ нашихъ окраинъ, точнѣе и проще—о раздѣлѣ Россіи“, и въ особенности противъ тѣхъ „облеченныхъ до-

вѣріемъ Государя сановниковъ", которые „и тайно и открыто покровительствуютъ сепаратистическому движенію". Лица, еще не такъ давно громко возглашавшіе принципъ „единства Имперіи" и восторженно говорившіе о великой „Державѣ Россійской", подчинившей себѣ окраины,—писалъ онъ—нынѣ оказываются защитниками такъ называемаго „финляндскаго государства" и всякихъ другихъ мѣстныхъ автономій. Этимъ людямъ не жаль ни той русской крови, которая была пролита для созданія Державы Россійской, ни той крови, которая вновь прольется, когда многострадальному русскому народу опять придется вести борьбу и съ Финляндіей, и съ Польшей и т. д. Можно до извѣстной степени понять, если не оправдать, финляндца, поляка, армянина, которые мечтаютъ о финскомъ, польскомъ, армянскомъ или какомъ-либо иномъ подобномъ государствѣ. Но что сказать о русскихъ людяхъ, проповѣдующихъ то же самое, что эти инородцы—мечтатели!.. Какое имя дать такимъ русскимъ людямъ, живущимъ на народныя средства, обезпеченнымъ окладами изъ государственной русской казны!.. Какъ ихъ назвать? Пусть сами найдутъ они въ позорномъ лексиконѣ исторіи свои имена, которыми она клеймитъ и подобныхъ людей, и подобныя дѣянія..."

„Борьба съ этими внутренними врагами отечества—говорится далѣе въ статьѣ—есть долгъ каждаго, кто гордится быть сыномъ русскаго народа и гражданиномъ Русскаго Государства. Мы знаемъ трудность этой борьбы, мы знаемъ силу нашихъ враговъ. Сознаемся,—наши силы въ данный моментъ слабы,—враги богаче, сильнѣе, вліятельнѣе насъ. Сверхъ того, на Дальнемъ Востокѣ только что окончилась огромная несчастная война; внутри государства политическій пожаръ—легко воровать на пожарѣ! У насъ одно средство борьбы—печать. Можетъ быть, печатнымъ словомъ удастся раскрыть глаза недоразумѣвающимъ и объединить патріотовъ подъ знаменемъ единой Россіи".

Съ этою вѣрою въ силу печатнаго слова Сергѣевскій

началъ писать въ новомъ журналѣ, писать горячо, убѣдительно, заставляя взволнованно биться сердце самаго равнодушнаго читателя. Просвѣщенный націоналистъ, Сергѣевскій ясно сознавалъ, что главная бѣда Россіи заключается именно въ томъ, что понятія націонализма и просвѣщенія въ ней рѣдко сочетаются, что заимствованная западно-европейская культура, вытѣснивъ культуру національную, нанесла вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелые удары чувству любви къ родинѣ—„Русскому Духу". „Русскій Духъ" живъ,—говорилъ онъ—но онъ покрылся болѣзненными наростами, которые отвращаютъ отъ него культурныхъ людей и могутъ довести его до погибели. Въ старину—тогда, когда слагалась русская земля, когда русскіе люди честно и грозно давали отпоръ „басурману", спасая свою землю, свою вѣру и свои идеалы, Русскій Духъ былъ символомъ добра, чести и правды—нѣчто могучее, свѣтлое, доброе. Прошли вѣка, и въ чемъ же сталъ проявляться Русскій Духъ—въ бахвальствѣ, невѣжественномъ самодурствѣ и кулачныхъ вкусахъ! Въ то время, когда въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые потеряли національное чувство и отказались отъ любви къ родинѣ, среди такъ называемыхъ „сознательныхъ" интеллигентовъ, презрѣніе къ Россіи и всему русскому достигло высшей степени,—тѣ классы, которые остались вѣрны Русскому Духу, поражаютъ грубымъ, невѣжественнымъ самомнѣніемъ даже въ мелочахъ. Военные люди, духовенство, крестьянство, старообрядческое купечество, всѣ эти наши живыя силы, надежда нашего будущаго, вызываютъ иногда отвращеніе своею самодовлѣющею некультурностью" („Русскій Духъ," изд. 2, 1907 г., стр. 5, 25, 26).

„Пора понять,—пишетъ Николай Дмитріевичъ — что главная сила Духа заключается не въ большомъ кулакѣ, а въ преданности идеалу, во внутренней дисциплинѣ и въ знаніи. Объ этомъ надо заботиться, а съ кулакомъ пора разстаться. Великъ и силенъ былъ древній Римъ. Но все, что сдѣлалъ онъ своимъ могучимъ кулакомъ, исчезло без-

слѣдно, а что сдѣлалъ умомъ—римское право—то не только живетъ до сихъ поръ, но покорило себѣ правовоззрѣнія всѣхъ культурныхъ народовъ Европы“ (тамъ же, стр. 33). „Русскій Духъ огромная живая сила, и дѣло его—святое дѣло. Но для побѣды нужно духовное оружіе на первомъ планѣ. Умирать за свою родину лучшіе изъ русскихъ людей всегда умѣли и впредь сумѣютъ; но намъ нужна не смерть, а побѣда. Враги Россіи знали, что дѣлали, когда съ 1898 года направили свои удары на наши высшія учебныя заведенія! Пора и намъ, представителямъ Русскаго Духа, понять положеніе вещей. Если мы не перенесемъ центра тяжести нашего отпора вражеской силѣ на умственную почву, то свѣточъ Русскаго Духа надолго погаснетъ, и можетъ погибнуть Россія“ (тамъ же, стр. 40).

„Въ брошюрѣ „Русскій Духъ“ Сергѣевскій выступилъ на борьбу съ одною изъ болѣзней, разъѣдающихъ Россію и являющихся источникомъ нашей слабости—невѣжественнымъ самодурствомъ, проявляющимся, по его словамъ, съ одной стороны, въ доведенномъ до крайности самомнѣніи, глупомъ бахвальствѣ („шапками закидаемъ; по пяти японцевъ на одинъ штыкъ уберемъ“), съ другой—въ нежеланіи не только офицерства и выведеннаго въ комедіяхъ Островскаго купечества, но и сановниковъ, попадающихъ въ положеніе главныхъ начальниковъ края, „засорять головы печатной бумагой“. Годъ спустя имъ была выпущена брошюра съ непонятнымъ на первый взглядъ заглавіемъ: „Ѣшь меня, Собака“!, направленная противъ другой болѣзни русскаго общества, „нашей главной болѣзни“, какъ сказано на обложкѣ книжки,—„непротивленія“, уклоненія отъ борьбы. „Давно уже началась эта болѣзнь на святой Руси—непротивленіе“—читаемъ въ брошюрѣ: „не подвигъ это, не самопожертвованіе, а просто слабость; бездушное, безвольное, болѣзненно-нервное слабосиліе; всего бояться, всему уступать, отъ всего отказываться, предъ всякою наглостью преклоняться, лишь бы не вступать въ борьбу и сохранить обличіе „передоваго“ человѣка“ (стр. 7).

Психологія русскаго интеллигента образно изображается авторомъ въ слѣдующей сценѣ, разъясняющей туманный заголовокъ брошюры: „Шелъ однажды... русскій человѣкъ по дорогѣ и встрѣтилъ Собаку. Собака оскалила зубы. Борьба неизбѣжна: либо Собаку нужно убить, либо она съѣстъ человѣка. Русскій человѣкъ добросовѣстно и добродѣтельно задумался: „У Собаки зубы острѣе, ноги быстрѣе, обоняніе сильнѣе и глаза смотрятъ лучше. По справедливости—пусть меня Собака ѣстъ“! И смиренно подставилъ шею: „Ѣшь меня, Собака! Ты меня превосходишь, тебѣ и книги въ руки—и власть, и сила, и всѣ земныя блага, въ томъ числѣ и мое собственное мясо.—Ѣшь меня, Собака“! (стр. 5).

Разсуждающихъ такимъ образомъ людей развелось множество среди интеллигенціи — съ грустью констатируетъ авторъ: „Соціализмъ грозитъ разрушить тѣ основы общественнаго строя, на которыхъ они сами выросли и должны вырости ихъ дѣти: анархизмъ грозитъ разрушить государство; инородцы стремятся низвести русскій народъ въ положеніе низшей и подчиненной расы,—нашимъ интеллигентамъ - непротивленышамъ ничего не жалко. Ни съ какимъ врагомъ они въ борьбу не вступятъ. Наоборотъ, они робѣютъ передъ каждой Собакой, какъ только она оскалитъ зубы,—сейчасъ же „руки вверхъ“, а душа въ пятки“! (стр. 9).

„Открой же глаза, русскій человѣкъ,—будитъ авторъ читателя—если ты сынъ своей Родины. Загляни немножко впередъ... Кто стонетъ на Западѣ?—Это православное русское „быдло“ подъ ударами польскихъ бичей. Что шумитъ на сѣверѣ?—Это финляндцы гонятъ русскихъ толпою прочь отъ Балтійскаго моря. Кто плачетъ въ сердцѣ Россіи?—Это наши родные, мужикъ и баба, обращенные въ „матеріалъ питательный, сирѣчь съѣдобное животное“ для новыхъ „господъ“—хищныхъ людей чуждаго племени, которые не имѣютъ отечества, но разсѣяны всюду и всюду ищутъ живого питательнаго матеріала... А и „желтый“ не дремлетъ. Вотъ онъ ползетъ. Онъ слышитъ трупный запахъ и чуетъ

хорошую добычу. Онъ давитъ твою мать и отца, какъ старую негодную скотину, а тебя ведетъ работать на своихъ рудникахъ и заводахъ“ (стр. 41—42).

„Тяжело!—Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“—бодрыми словами заканчиваетъ Николай Дмитріевичъ цитируемую брошюру: „Червь капусту гложетъ, да самъ прежде того пропадаетъ“, говорятъ крестьяне. Непротивленышамъ гнить, а намъ бороться! Честно и прямо смотрите Собакѣ въ глаза—она этого не любитъ. Скоро подоспѣютъ свѣжія силы: кое-кто изъ нашей теперешней молодежи очнется, да подходитъ и слѣдующее поколѣніе. Немного еще ихъ; но есть между ними крѣпкіе, здоровые юноши. Они на своихъ плечахъ вынесутъ израненныхъ отцовъ изъ огня и станутъ на защиту русской государственности и культуры“ (стр. 43).

Одна за другой слѣдовали въ 1906—1908 годахъ статьи, рѣчи, брошюры Сергѣевскаго по окраинному вопросу и увѣренность въ томъ, что исходъ борьбы будетъ благопріятенъ для его лагеря, въ каждой новой рѣчи, въ каждой новой статьѣ Николая Дмитріевича слышится все сильнѣй и сильнѣй. Восторженно привѣтствовалъ онъ прочитанную П. А. Столыпинымъ 16 ноября 1907 года въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ правительственную декларацію и отвѣтную рѣчь, произнесенную имъ въ тотъ же день въ Государственной Думѣ. „Это такъ хорошо и честно,—пишетъ Сергѣевскій по поводу той части рѣчи Столыпина, которая касается окраинной политики,—что мы не позволимъ себѣ прибавить ни одного слова“... „Никто до сихъ поръ не выразилъ такъ ясно руководящаго принципа этой политики. Чистымъ огнемъ горѣла русская душа, и благородный, честный отвѣтъ былъ данъ на всѣ лукавыя хитросплетенія враговъ единаго и нераздѣльнаго русскаго государства... „Живъ Русскій Духъ“! („Лучъ свѣта“, Окраины Россіи, 1907 г., № 47, стр. 684—685).

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей—имѣвшей огромный успѣхъ рѣчи, произнесенной 3 февраля 1908 года

на третьемъ Бобриковскомъ обѣдѣ, Сергѣевскій задается вопросомъ—такъ ли въ дѣйствительности страшны наши враги, какъ они „показались намъ въ просонкахъ“. „Не въ насъ ли самихъ опасность—въ нашей спячкѣ? А если они и страшны дѣйствительно—неужели отступать?! Нѣтъ, кажется, не то теперь время, непохоже на отступленіе,“—слышится спокойная, увѣренная нота въ голосѣ оратора: „Не тѣ звуки носятся, не тѣ рѣчи слышатся“ („Окраины Россіи“ 1908 г., № 6, стр. 87, 88).

Но „твердо смотря сквозь мракъ настоящаго, сквозь кровь убійствъ и дымъ „иллюминацій“ въ наше будущее и видя тамъ свѣтъ—„свѣтъ разума, народнаго могущества и государственнаго величія“, Сергѣевскій ни на минуту не забывалъ, что будущее это можетъ стать нашимъ удѣломъ только въ томъ случаѣ, если всѣ русскіе люди, объединивъ свои силы, будутъ не „тепло“ только, а „горячо“ относиться къ дѣлу охраны единства и могущества русскаго государства [30]), будутъ работать, не покладая рукъ. И онъ дѣйствительно работалъ „горячо“, неся на алтарь служенія родинѣ и свои личныя силы и свои скромныя матеріальныя средства. Не довольствуясь газетою „Окраины Россіи“, Сергѣевскій въ концѣ 1906 года предпринялъ для распространенія свѣдѣній о юридическомъ положеніи нашихъ окраинъ въ составѣ государства, на собственный счетъ, особое изданіе подъ названіемъ „Библіотека Окраинъ Россіи“, выпуски которой онъ предоставлялъ въ распоряженіе редакціи газеты для разсылки въ качествѣ безплатнаго приложенія подписчикамъ [31]). Когда же, годъ спустя, въ средѣ

---

[30]) „Знаю дѣла твои“—говорится въ Апокалипсисѣ—„ты ни холоденъ, ни горячъ... ты теплъ“. А такъ какъ „ты теплъ, а не горячъ“, „то извергну тебя изъ устъ моихъ“. Это для насъ написано: „тепленькіе“ у насъ есть, но „горячихъ мало“ („Русское Окраинное Общество“, Спб., 1908 г., стр. 10).

[31]) Всего вышло 6 выпусковъ, въ которыхъ помѣщены: въ № 1—статья Н. Д. Сергѣевскаго: „Финляндскій Сеймовый Уставъ“ и

редакціи „Окраинъ Россіи“ возникла мысль сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ для защиты русской государственности и культуры на окраинахъ и основать „Русское Окраинное Общество“, Николай Дмитріевичъ началъ сейчасъ же энергично работать надъ осуществленіемъ этой мысли и явился, какъ выразился о немъ одинъ изъ иниціаторовъ образованія названнаго общества, проф. Кулаковскій, не только учредителемъ и главнымъ дѣятелемъ общества, но въ сущности его установителемъ („Окраины Россіи“ 1908 г., № 40, стр. 564). Выбранный по утвержденіи устава общества въ предсѣдатели, Сергѣевскій на первомъ общемъ собраніи, 27 апрѣля 1908 года, произнесъ прекрасную рѣчь, посвященную выясненію задачъ общества („Окраины Россіи“ 1908 г., № 18, стр. 265—270). Нѣкоторыя выдержки изъ этой рѣчи были уже приведены выше (стр. 83—84) въ доказательство того, насколько чужда была Николаю Дмитріевичу идея насильственной руссификаціи. Содержаніе предстоящей обществу программы дѣятельности было резюмировано имъ въ слѣдующихъ пяти пунктахъ: „во-первыхъ, изученіе окраинъ и ознакомленіе съ ними всѣхъ желающихъ; во-вторыхъ, беззавѣтная, горячая проповѣдь самоотверженнаго служенія русскому государству; въ-третьихъ, всяческая поддержка русскихъ людей на окраинахъ въ случаѣ утѣсненія ихъ инородцами; въ-четвертыхъ, разработка и пропаганда мѣро-

---

текстъ Сеймоваго Устава $^{7}/_{20}$ іюля 1906 года, закона о выборахъ и переходныхъ правилъ; въ № 2 — текстъ уголовнаго уложенія В. К. Финляндскаго, манифеста о введеніи его въ дѣйствіе и относящихся къ уложенію узаконеній со вступительною статьею Н. Д. Сергѣевскаго: „Финляндское Уголовное Уложеніе“; въ № 3 — „Польскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ“ проф. П. А. Кулаковскаго, съ приложеніемъ библіографическаго указателя; въ № 4 — „Можетъ ли Россія отдать инородцамъ свои окраины“ проф. А. С. Будиловича и „Изданіе мѣстныхъ законовъ“ Н. Н. Корево; въ № 5— конституціонная хартія 1815 года и нѣкоторые другіе акты бывшаго Царства Польскаго (1814—1881); въ № 6—Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ 1908 года.

пріятій оборонительныхъ; въ-пятыхъ, выясненіе и установленіе активной программы воздѣйствія" („Русское Окраинное Общество", Спб., 1908, стр. 25). Закончилъ Николай Дмитріевичъ свою рѣчь указаніемъ основной задачи общества, его девиза: „Говорятъ: „Россія для русскихъ"—сказалъ онъ: „Пусть такъ, не спорю, но думаю, что вмѣстѣ съ тѣмъ или даже прежде того надо сказать: „Русскіе для Россіи". Тогда дѣло будетъ крѣпко. Наше „Окраинное Общество" и есть союзъ русскихъ для Россіи. Это наша задача: служить русскому дѣлу и вести духовную борьбу съ враждебными темными силами. Не Россія для насъ, а мы для Россіи—вотъ нашъ девизъ" (тамъ же, стр. 25—26).

XIII.

Наиболѣе интересовавшимъ Николая Дмитріевича и наиболѣе близкимъ ему изъ окраиныхъ вопросовъ, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, былъ вопросъ финляндскій. Финляндскимъ вопросомъ онъ началъ заниматься еще въ то время, когда былъ редакторомъ-издателемъ „Юридической Лѣтописи“; ему же онъ посвятилъ и на страницахъ „Окраинъ Россіи“ большую часть своихъ работъ [„Врагъ у воротъ“ (1906 г., № 40), „Новый финляндскій сеймовый уставъ“, „Новыя тучи на финляндскомъ горизонтѣ“, „Финляндская сказка про бѣлаго бычка“, „Финляндцы раскрываютъ карты“ (1907 г., №№ 3, 15, 39, 40) и др.]. Въ послѣдніе годы, однако, на ряду съ финляндскимъ вопросомъ все больше и больше началъ останавливать на себѣ его вниманіе вопросъ польскій. Однимъ изъ толчковъ, заставившихъ Сергѣевскаго серьезно заняться польскимъ вопросомъ, явился внесенный во вторую Думу извѣстный проектъ сорока шести депутатовъ-поляковъ о дарованіи автономіи бывшему Царству Польскому. На этотъ проектъ Николай Дмитріевичъ отвѣтилъ статьей: „Поляки въ авангардѣ инородцевъ“ („Окраины Россіи“ 1907 г., № 18, стр. 273—278; изд. 2, Харьковъ, 1908 г.), въ которой, разобравъ какъ самый проектъ, такъ и приведенные въ его пользу доводы въ объяснительной запискѣ, обратился къ читателю съ вопросомъ—что же мы, русскіе люди, должны на все это отвѣтить, на угрозы „Немезидою“, такъ щедро расточаемыя поляками, на характерное заявленіе ихъ, что если бы автономія Польши была дана сейчасъ же послѣ земскихъ съѣздовъ, „то не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, что въ программу

всѣхъ здоровыхъ оппозиціонныхъ партій не вошелъ бы тотъ непримиримо боевой элементъ, который теперь ввергъ Россію въ изнурительную затяжную междоусобицу". Не трудно догадаться о содержаніи того отвѣта, который диктовался читателю авторомъ статьи: „Думается, — писалъ Николай Дмитріевичъ—мы должны отвѣтить словами П. А. Столыпина: „не запугаете"! Не запугаете вы насъ, гг. инородцы, стремящіеся растерзать Россію. Умирать, такъ умирать—мы умремъ безъ страха, если такова ужъ наша несчастная судьба—но прежде поборемся. Безъ большой борьбы дѣло не обойдется: велика еще сила народа русскаго! Найдутся и вожаки, которые станутъ на мѣсто теперешнихъ слѣпыхъ, сонныхъ, разслабленныхъ... Благодаря нашему „глупству" и многочисленнымъ измѣнникамъ, мы можемъ проиграть одну, двѣ ставки; но тѣмъ сильнѣе будетъ слѣдующая волна. Вѣдь, если человѣкъ разъ почувствовалъ и сказалъ себѣ: умирать, такъ умирать, то для него уже нѣтъ страха. И „встанетъ русская земля, стальной щетиною сверкая"... Будемъ бороться, пока живы, а смерть придетъ—простая или кровавая, отъ бомбы или ножа,—завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ! Много отцы и дѣды наши пролили своей крови за Россію на равнинахъ Польши и въ горахъ Кавказа и Финляндіи; много пролили крови наши братья въ пустыняхъ Манчжуріи... Что же развѣ мы хуже ихъ—пусть и наша кровь прольется, если судьба требуетъ такой жертвы! Но это не конецъ Россіи... подождите, господа,—убейте прежде медвѣдя, а потомъ дѣлите шкуру!" (стр. 17—18).

Точка зрѣнія Сергѣевскаго на польскій вопросъ была весьма опредѣленной. Вполнѣ соглашаясь съ Владиміромъ Соловьевымъ, что если бы Императоръ Александръ I думалъ болѣе о русскихъ, нежели о польскихъ интересахъ, то онъ присоединилъ бы къ Россіи русскую Галицію, а коренную Польшу возвратилъ бы Пруссіи, считая, что созданіемъ автономной Польши въ составѣ Россійскаго государства Александръ I сдѣлалъ несомнѣнную ошибку, Николай Дмитріевичъ нахо-

дилъ, что при настоящемъ положеніи вещей, хотя поляки въ массѣ своей относятся къ Россіи, можетъ быть, и менѣе враждебно, чѣмъ финляндцы, тѣмъ не менѣе никоимъ образомъ нельзя становиться на точку зрѣнія славянофиловъ и выдѣлять въ вопросахъ національной русской политики польскую окраину и поляковъ въ особое положеніе, въ виду того только, что они „члены великой славянской семьи, имѣющей общія задачи въ исторіи человѣчества“ (тамъ же, стр. 19; „Русское Окраинное Общество“, стр. 17). „Судьбы славянства близки и интересы его дороги всѣмъ намъ—говорилъ Николай Дмитріевичъ;—но возможно ли рѣшеніе вопросовъ насущной государственной важности, твердость государства и его цѣлость ставить въ зависимость отъ очень сложныхъ и далекихъ соображеній, притомъ такихъ, которыя для враговъ государства россійскаго не имѣютъ никакого значенія и не удержатъ ничьей руки, которая занесена будетъ надъ русскимъ человѣкомъ“ (тамъ же, стр. 17).

Не сочувствуя сантиментализму славянофиловъ въ польскомъ вопросѣ, относя его къ числу опаснѣйшихъ теоретическихъ увлеченій, Сергѣевскій расходился съ ними и по нѣкоторымъ другимъ пунктамъ окраинной политики,—такъ, между прочимъ, онъ совершенно не раздѣлялъ особо враждебнаго отношенія славянофиловъ къ населяющимъ прибалтійскія губерніи нѣмцамъ. Николай Дмитріевичъ, напротивъ, находилъ, что „нѣмцы легче всѣхъ другихъ инородцевъ духовно сливаются съ русскими и являются часто хорошими русскими патріотами“ („Русское Окраинное Общество“, стр. 18). Востоковъ, Яковъ Гротъ, Даль, Гильфердингъ, Орестъ Миллеръ были нѣмцы; но дай намъ Богъ побольше такихъ русскихъ“—читаемъ въ одной изъ его работъ: „Не мало ихъ и среди современныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей—не будемъ называть ихъ имена; они очень разные люди, но оказываются больше русскими людьми, чѣмъ многіе и многіе изъ нашихъ чистокровно-русскихъ сановниковъ“ („Русскій Духъ“, стр. 16—17). „Нѣмца не беретъ ни ка-

детское политическое разложеніе, ни горьковскій этическій развратъ"—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „Вліяніемъ своимъ на русскаго человѣка нѣмецъ очень часто приноситъ ему пользу: поднѣмеченный, если можно такъ выразиться, русскій пріобрѣтаетъ нѣкоторыя хорошія качества, а русскій, напримѣръ, сполячившійся,—всегда и совершенная дрянь"... („Русское Окраинное Общество", стр. 18—19). Но, питая къ нѣмцамъ за ихъ стойкость вообще и въ особенности въ государственныхъ вопросахъ особое уваженіе съ ранней молодости, Сергѣевскій отнюдь не игнорировалъ способности нѣмцевъ онѣмечивать другія національности и въ рѣчи, произнесенной при открытіи Окраиннаго Общества, заявилъ о необходимости борьбы всѣми силами противъ происходящаго въ настоящее время въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ онѣмечиванія эстовъ и латышей: „Эсты и латыши имѣютъ право оставаться эстами и латышами—никакого насильственнаго обрусѣнія мы не признаемъ; но если имъ придется терять свою національность, то должны быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы они цѣлались русскими, а не нѣмцами" (тамъ же, стр. 24).

Углубляясь все болѣе и болѣе въ польскій вопросъ, Николай Дмитріевичъ, въ цѣляхъ лучшаго ознакомленія съ положеніемъ русскихъ въ сѣверозападномъ краѣ, предпринялъ въ августѣ 1908 года поѣздку въ Вильну, гдѣ происходилъ въ это время созванный обществомъ „Крестьянинъ" съѣздъ народныхъ учителей. Проводя цѣлые дни среди участниковъ съѣзда, просиживая отъ начала до конца всѣ засѣданія, Николай Дмитріевичъ вернулся изъ Вильны съ массою новыхъ впечатлѣній, полный плановъ о томъ, что необходимо сдѣлать для поддержанія русскаго дѣла въ краѣ. Особенно важною представлялась ему скорѣйшая организація въ сѣверозападномъ краѣ издательства для распространенія въ народѣ брошюръ и хорошихъ иконъ, чѣмъ такъ удачно пользуются въ своихъ цѣляхъ поляки-католики. „Согласенъ,—писалъ онъ по возвращеніи изъ Вильны—что въ

дѣлѣ религіознаго почитанія красота изображеній занимаетъ второстепенное мѣсто; знаю, что горячая вѣра можетъ довольствоваться малымъ. Но, вѣдь, тутъ имѣется передъ глазами сравненіе; тутъ дѣйствуетъ, если можно такъ выразиться, зрительная пропаганда, всѣмъ доступная, на всѣхъ дѣйствующая и очень сильно дѣйствующая, постоянно и безсознательно. Одновременно, рядомъ предлагаются взору „тутейшаго“ человѣка изящныя, разнообразныя, приспособленныя къ мѣстнымъ вкусамъ польско-католическія иконы, съ одной стороны, и грубая, шаблонная пачкотня русско-православнаго производства, съ другой, ничего не говорящая ни уму, ни сердцу, ни воображенію“... „И невольно возникаетъ въ умѣ простого человѣка старое сравненіе: „панская вѣра“ и „хлопская вѣра“ („Шесть дней въ Вильнѣ“, Окраины Россіи 1908 г., №№ 35—36, стр. 501).

Борьба съ полонизаціей сѣверозападнаго края представлялась Сергѣевскому дѣломъ, не терпящимъ ни малѣйшаго отлагательства. Побывавъ въ Вильнѣ, онъ воочію убѣдился въ томъ, что, хотя графу М. Н. Муравьеву удалось въ свое время не только подавить возстаніе, но и добиться того, чтобы во внутренней своей жизни Вильна стала русскимъ городомъ, культурныя начинанія его въ цѣляхъ поддержанія русской народности, православія, русскаго просвѣщенія, искусства и проч. не были продолжены его преемниками, и потому господство въ духовной жизни населенія вновь перешло въ руки поляковъ. Справедливо разсуждая, что мирное завоеваніе опаснѣе военнаго, опаснѣе всякаго возстанія, Николай Дмитріевичъ считалъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что если противъ ополяченія края не будутъ приняты теперь же надлежащія мѣры не только со стороны правительства, но и со стороны самого общества, то на Виленскомъ памятникѣ Екатеринѣ Великой, имѣющемъ надпись: „Отторженная возвратихъ“, лѣтъ чрезъ двадцать придется выставить другую надпись: „Возвращенная растеряхъ“ (тамъ же, стр. 501). О положеніи дѣлъ въ сѣверо-

западномъ краѣ, о необходимости для русскихъ людей „во всеоружіи умственныхъ и духовныхъ силъ стать на защиту своей народности“ Николай Дмитріевичъ думалъ осенью 1908 года сдѣлать въ „Окраинномъ Обществѣ“ докладъ... Могъ ли кто-либо думать, что пройдетъ нѣсколько дней, и друзья и соратники этого полнаго жизни, неутомимаго въ борьбѣ за національные идеалы борца соберутся вокругъ него, но не для того, чтобы слушать его звучную рѣчь, проникнутую горячимъ и властнымъ призывомъ на служеніе родинѣ, а чтобы вознести къ Вышнему скорбныя молитвы за упокой его свѣтлой, такъ безвременно покинувшей этотъ міръ, души?!!...

XIV.

Большое русское дѣло, которому посвятилъ Николай Дмитріевичъ послѣдніе годы своей жизни, въ связи съ служебными обязанностями его по должности сначала сенатора II департамента, а съ мая 1906 года—члена Государственнаго Совѣта, оставляло ему, конечно, весьма мало времени для другихъ занятій, тѣмъ не менѣе связей съ прежней своей дѣятельностью Николай Дмитріевичъ все же не порывалъ. Переиздавая каждые два—три года свой учебникъ, онъ не ограничивался въ новыхъ изданіяхъ только повтореніемъ того, что было имъ сказано ранѣе, и не игнорировалъ послѣдующей разработки вопроса. Не увлекаясь модными теченіями, къ новымъ институтамъ въ области уголовнаго права онъ, правда, относился съ обычною своею вдумчивостью и осторожностью, но отъ оцѣнки ихъ не уклонялся, напротивъ того, считалъ себя даже обязаннымъ высказаться особенно опредѣленно по тѣмъ вопросамъ, по которымъ мнѣніе его расходилось болѣе или менѣе рѣзко съ мнѣніемъ большинства. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ немногихъ у насъ, Николай Дмитріевичъ рѣшился возвысить свой голосъ противъ чрезвычайно популярнаго въ настоящее время института условнаго осужденія, заявивъ, что онъ отказывается даже понять—какимъ образомъ институтъ условнаго осужденія могъ такъ легко завоевать себѣ общія симпатіи. „Казалось-бы, такого рода институтъ—указывалъ онъ—долженъ былъ вызвать въ высшей степени осторожное къ себѣ отношеніе не только законодателя и практика, но и теоретиковъ; въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что порядокъ условнаго осужденія сводится въ своемъ практиче-

скомъ значеніи къ предоставленію гражданамъ, если не права въ строгомъ смыслѣ совершать безнаказанно по одному преступному дѣянію въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, то во всякомъ случаѣ весьма основательной надежды на безнаказанность такого совершенія. Казалось бы, такой порядокъ могъ получить господство лишь тогда, когда необходимость его была съ точностью доказана внѣ всякихъ сомнѣній; когда онъ побѣдоносно прошелъ бы чрезъ строгую критику, когда всѣ доводы противниковъ были бы вполнѣ опровергнуты. Но на дѣлѣ мы видимъ не то: научно-литературной критики почти не было; раздались лишь немногіе, мало опредѣленные, и даже какъ бы робкіе голоса, выражавшіе только сомнѣнія и колебанія, и условное осужденіе разомъ вошло въ моду, пріобрѣтя себѣ массу горячихъ поклонниковъ. Только въ самое послѣднее время слышится изрѣдка рѣшительный голосъ серьезной критики“ (изд. 7-ое, 1908 г., стр. 378).

„Не взирая на горячую апологію условнаго осужденія его защитниками, нельзя не видѣть—говорится далѣе въ учебникѣ—что институтъ этотъ заключаетъ въ себѣ прямое противорѣчіе съ основной задачей карательнаго правосудія, требующей, чтобы *всѣ* преступныя дѣянія, совершенныя при наличности установленныхъ въ законѣ условій вмѣненія, были по возможности немедленно наказаны соотвѣтственно размѣрамъ вины. Для того, чтобы сознательно отступить отъ этого начала и принять реформу, допускающую безнаказанность преступныхъ дѣяній, если они совершаются однимъ лицомъ не болѣе одного раза въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, другими словами, принять порядокъ, весьма близкій къ правилу „первая вина не вина“,—для такой реформы уголовнаго правосудія необходимо, во-первыхъ, имѣть совершенно безспорныя доказательства ея полезности и необходимости, а во-вторыхъ, необходимо выждать указаній опыта, если это возможно. Перваго мы въ литературѣ не находимъ, а что касается до указаній опыта, то цифры

бельгійской судебной статистики свидѣтельствуютъ лишь объ одномъ: вслѣдъ за введеніемъ условнаго осужденія наступило сильнѣйшее умноженіе преступленій и именно тѣхъ, къ которымъ условное осужденіе примѣняется, т. е. обложенныхъ краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Конечно, post hoc не значитъ propter hoc, но... едва ли при такихъ условіяхъ благоразумно увлекаться новинками и спѣшить подражательными реформами. По нашему мнѣнію, при объективномъ и спокойномъ отношеніи къ вопросу объ условномъ осужденіи, оно является для теоріи уголовнаго права скорѣе загадкой будущаго, чѣмъ научнымъ постулатомъ настоящаго" (стр. 379—380).

Въ числѣ вопросовъ уголовнаго права, по которымъ Сергѣевскому пришлось высказаться въ послѣдніе годы, заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ вопросъ о смертной казни. Вопросомъ о смертной казни, какъ было указано выше (стр. 11), Сергѣевскій занимался еще въ ранней молодости. Находя, что смертная казнь имѣетъ развращающее вліяніе на народную этику, онъ былъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ числѣ немногихъ русскихъ криминалистовъ, протестовавшихъ противъ внесенія ея въ проектъ новаго уголовнаго уложенія. Предложеніе вычеркнуть смертную казнь изъ уложенія Сергѣевскій мотивировалъ тѣмъ, что государственный порядокъ достаточно окрѣпъ и, слѣдовательно, указъ Императрицы Елизаветы объ отмѣнѣ смертной казни, дѣйствіе котораго было пріостановлено вслѣдствіе временныхъ смутъ въ государствѣ, долженъ и можетъ воспріять свою силу (Сводъ замѣчаній на проектъ общей части уложенія о наказаніяхъ, выработанный редакціонною коммисіею, Спб., 1884 г., т. II, стр. 40). Большинство нашихъ профессоровъ-криминалистовъ не раздѣляло въ то время этого взгляда. В. Д. Спасовичъ выразилъ не только свое личное мнѣніе, но и communis opinio doctorum, замѣтивъ въ 1883 году, въ засѣданіи С.-Петербургскаго юридическаго общества, при обсужденіи проекта общей части уголовнаго уложенія,

что вопросъ объ исключеніи смертной казни изъ уложенія сводится къ вопросу объ отмѣнѣ ея за политическія преступленія, и что „могутъ быть лица, отвергающія смертную казнь въ принципѣ, которыя, однако, выскажутся противъ своевременности ея исключенія нынѣ же изъ кодекса". Отмѣна смертной казни за политическія преступленія, по словамъ Спасовича, „была бы, во всякомъ случаѣ, доказательствомъ вѣры правительства въ совершенную прочность и устойчивость государственнаго порядка, поссму она обыкновенно была изрекаема во времена совершенно спокойныя, а не тревожныя. Если съ этой стороны подойти къ вопросу— сказалъ Спасовичъ—и разрѣшить его не по тому, что кому нравится и чему онъ сочувствуетъ, но по тому, правильно ли его разрѣшеніе въ условіяхъ нашей жизни 1882 и 1883 годовъ, то, можетъ быть, нѣкоторые изъ разсуждающихъ предпочтутъ, вмѣсто того, чтобы строить государственныя идилліи, посмотрѣть прямо дѣйствительности въ глаза и отказаться отъ немедленнаго осуществленія идеаловъ, пока пора осуществленія ихъ еще не пришла" (тамъ же, стр. 38).

Прошло двадцать пять лѣтъ и провозглашенное Спасовичемъ безспорное, казалось бы, положеніе, что „отмѣна смертной казни бываетъ обыкновенно изрекаема во времена совершенно спокойныя, а не тревожныя", большинствомъ русскихъ криминалистовъ было забыто. Въ самый разгаръ революціонной смуты изъ рядовъ представителей науки уголовнаго права раздались голоса о необходимости „вырвать изъ рукъ государства" „это орудіе стараго варварства, порожденное деспотизмомъ и насиліемъ" (*Набоковъ*, Отмѣна смертной казни, „Право" 1906 г., стр. 1906). Хотя съ момента же возникновенія въ 1905 году движенія въ пользу отмѣны смертной казни было ясно, что характеръ движенія безусловно политическій, и что въ основѣ его лежитъ единственное стремленіе—обезоружить государственную власть, движеніе это имѣло успѣхъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело единогласное принятіе законопроекта объ отмѣнѣ

смертной казни Государственною Думою перваго созыва. Впечатлѣніе отъ думскаго голосованія было такъ велико, что даже извѣстный русскій криминалистъ проф. Таганцевъ, всего лишь нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ заявившій вмѣстѣ съ другими членами особаго совѣщанія, разсматривавшаго проектъ уголовнаго уложенія, о невозможности оставить безъ охраны смертною казнью „посягательства на важнѣйшія блага всенародной жизни, каковы неприкосновенность Священной Особы Монарха, внѣшняя безопасность государства и прочность внутренняго его устройства“ (Журналъ особаго совѣщанія, Спб., 1901 г., стр. 38), поколебался въ своихъ убѣжденіяхъ и произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ горячую рѣчь въ защиту законопроекта, принятаго Думой (стен. отч., засѣданіе 27 іюня 1906 года, стр. 13—18).

Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій также нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе, но въ совершенно противоположную сторону. Пренія, происходившія по законопроекту объ отмѣнѣ смертной казни въ Государственной Думѣ, показали ему, что недостаточно сказать, какъ онъ говорилъ ранѣе, что „смертная казнь умѣстна и правомѣрна только до той поры, пока ею не начинаетъ возмущаться этическое чувство народа“, и что вопросъ объ отмѣнѣ ея—это вопросъ объ ея „современности“ или „несовременности“, онъ видѣлъ, что для того, чтобы быть правильно понятымъ, положеніе это надо надлежашимъ образомъ разъяснить, такъ какъ даже у сравнительно культурныхъ людей на безнравственность факта пролитія крови, на внушаемое имъ чувство отвращенія, могутъ существовать весьма своеобразные взгляды. Примѣръ былъ передъ глазами. Члены законодательнаго собранія, единогласно принявшаго проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни, приходившіе въ ужасъ передъ тѣмъ, что „чистыя идеи обагряются невинною святою кровью русскаго народа“ (*Родичевъ*, стен. отч., II, стр. 1494), апплодировали въ то же время рѣчамъ, въ которыхъ убійцы должностныхъ лицъ признавались „людьми особенной нравственной чуткости,

чуткости большей, чѣмъ у обыкновенныхъ, ординарныхъ людей", и даже прямо провозглашались „святыми" (тамъ же: *Огневъ*, стр. 1495—1496; *Федоровскій*, стр. 1497—1498). И вотъ въ послѣднемъ изданіи учебника Сергѣевскаго, вышедшемъ всего за нѣсколько дней до его кончины, мы находимъ поясненіе того, при какихъ условіяхъ, по его мнѣнію, смертная казнь можетъ оказаться въ противорѣчіи съ требованіями народной этики: „Для того, чтобы признать, что пролитіе крови человѣка, совершаемое по повелѣнію закона и предписанію суда, т. е. смертная казнь, есть варварство,— говоритъ Николай Дмитріевичъ—необходимо, чтобы люди сознали, что пролитіе крови ими самими, въ томъ числѣ и политическія убійства, есть варварство. А пока этого сознанія нѣтъ, нельзя требовать, чтобы государство безусловно отказалось отъ смертной казни. Мы можемъ произносить какія угодно красивыя рѣчи противъ смертной казни, но это будутъ однѣ ламентаціи, очень часто служащія лишь для показанія собственной добродѣтели авторовъ, а смертная казнь будетъ оставаться, и если законодатель, не справляясь съ состояніемъ народной этики, ее отмѣнитъ, то она возродится въ формѣ самосуда, суда Линча и т. п., или отмѣна ея принята будетъ за признакъ слабости государственной власти, что будетъ еще хуже" (стр. 115—116).

XV.

Съ грустью разставаясь въ 1901 году съ университетской каѳедрой, Николай Дмитріевичъ утѣшалъ себя мыслью, что если времена измѣнятся и университетская жизнь снова войдетъ въ колею, то черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возобновитъ чтеніе лекцій въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Разложеніе высшей школы, однако, шло crescendo. Для близкихъ и друзей Николая Дмитріевича было замѣтно, что онъ скучаетъ по профессурѣ и что несмотря на сильное обремененіе всякаго рода занятіями онъ все же ощущаетъ потребность въ преподаваніи и потребность эта остается неудовлетворенной. Но не могло быть, конечно, и рѣчи о возвращеніи въ университетъ, въ особенности въ періодъ „освободительнаго движенія“, когда только въ насмѣшку можно было называть университетъ „храмомъ науки“.

Положеніе дѣлъ въ университетѣ Сергѣевскаго глубоко волновало и заботило. Не разъ брался онъ за перо, чтобы изложить свои мысли о томъ, какими средствами можно было бы достигнуть оздоровленія нашей школы. Постоянно отвлекаемый, однако, другими работами, ни одной изъ нѣсколькихъ начатыхъ имъ статей по университетскому вопросу Николай Дмитріевичъ не довелъ, къ сожалѣнію, до конца. Тѣмъ не менѣе и въ незаконченномъ видѣ замѣтки его о причинахъ неудовлетворительнаго хода занятій въ нашей высшей школѣ и о мѣрахъ къ ихъ упорядоченію представляютъ огромный интересъ, и такъ какъ у автора настоящихъ строкъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что замѣтки эти будутъ когда либо напечатаны полностью, онъ счелъ своимъ долгомъ ис-

просить разрѣшеніе семьи Николая Дмитріевича ознакомить съ ними читателей in extenso. Изъ сохранившихся въ бумагахъ Николая Дмитріевича двухъ записокъ по вопросу о реформѣ школы одна, болѣе ранняя, не имѣетъ ни заголовка ни даты, но по нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что она написана въ 1899 или 1902 году; другая, менѣе обработанная, но значительно болѣе обширная, подъ заглавіемъ „Наша высшая школа“ относится несомнѣнно къ 1908 году, такъ какъ въ числѣ бывшихъ министровъ народнаго просвѣщенія упоминается П. М. Кауфманъ, остававшійся во главѣ этого министерства, какъ извѣстно, до начала 1908 года. Раздѣляемыя знаменитыми въ исторіи университетовъ 1905 и 1906 годами, названныя двѣ записки существенно разнятся между собою и по тону и по содержанію.

Съ спокойствіемъ и опытомъ профессора, принимавшаго продолжительное время участіе въ университетскомъ управленіи и долго и внимательно всматривавшагося въ личность студента, подходитъ Сергѣевскій въ первой запискѣ къ анализу тѣхъ причинъ, которыя лежатъ въ основѣ студенческихъ волненій,—волненій, съ каждымъ годомъ усиливающихся въ своихъ размѣрахъ и принимающихъ все болѣе и болѣе зловредныя формы. Собственно самый фактъ волненій студенчества въ глазахъ Николая Дмитріевича не представлялъ ничего ужаснаго. „Волненія учащейся молодежи всегда были и, можно думать, всегда будутъ“—пишетъ онъ: „Молодежь, собранная вмѣстѣ сотнями, неизбѣжно имѣетъ наклонность волноваться, увлекаться теоріями и утопіями, критиковать существующій режимъ, заниматься „политикой“ или по крайней мѣрѣ критикой начальства и правительственныхъ распоряженій. А отсюда одинъ шагъ до безпорядковъ. Нельзя сдѣлать молодыхъ стариками, да и нежелательно. Всегда молодежь будетъ возбуждаться и мечтать; всегда будетъ особо чутка къ вопросамъ самолюбія; всегда будетъ оскорбляться грубостью обращенія и приходить въ горячее раздраженіе, напримѣръ, отъ полицейскихъ нагаекъ.

Задача борьбы съ безпорядками можетъ сводиться лишь къ ослабленію явленія въ его размѣрахъ и, главное, къ устраненію особо зловредныхъ чертъ или направленій этихъ студенческихъ движеній, каковы: неоднократно повторявшіяся въ послѣдніе годы уличныя буйства съ нападеніемъ на женщинъ („тюльпанъ“ 8 февраля); скандалы въ мѣстахъ общественныхъ увеселеній; учебныя забастовки („обструкція“); насилія надъ несогласными товарищами; участіе въ сообществахъ революціоннаго направленія; увлеченіе анархистскими ученіями и т. п.“

„Причины, которыми вызываются эти тяжелыя и особо вредныя формы или черты студенческихъ движеній,—продолжаетъ онъ далѣе—въ высшей степени сложны. Весьма многое зависитъ здѣсь отъ общаго настроенія ума и сердца, отъ свойствъ этической, если можно такъ выразиться, личности большинства нашей учащейся молодежи; многое заключается въ характерѣ распоряженій и дѣйствій учебнаго начальства; наконецъ, сильное вліяніе оказываетъ политическая пропаганда различныхъ революціонныхъ агитаторовъ, избирающихъ студенческую среду ареной своей дѣятельности“.

Со всѣми указанными факторами надо, конечно, вести по возможности борьбу, но, по глубокому убѣжденію Николая Дмитріевича, „политическая пропаганда, неудачныя дѣйствія администраціи, ошибки учебнаго начальства и проч.,—все это является лишь толчками или поводами, которые оказываютъ свое тяжелое дѣйствіе единственно благодаря тому, что находятъ соотвѣтствующую почву въ настроеніяхъ молодежи. Поразительная легкость, съ которою наша молодежь способна увлекаться всякою нелѣпостью и становиться на сторону нарушителей порядка, не соображая практическихъ послѣдствій и забывая всѣ отношенія къ своему заведенію и къ тѣмъ лицамъ, которыя только что являлись наиболѣе уважаемыми авторитетами, полная неустойчивость въ убѣжденіяхъ политическихъ, соціальныхъ и даже нрав-

ственныхъ,—вотъ тѣ слабыя черты этической личности многихъ и многихъ студентовъ нашего времени, образующія своею совокупностью общее настроеніе, въ высшей степени удобное для всякой смуты и всякаго безпорядка. Зловредныя зерна всегда будутъ попадать, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ среду молодежи; задача устройства и режима учебныхъ заведеній должна заключаться въ томъ, чтобы ослаблена была та почва, на которой зерна сіи произрастаютъ и даютъ роскошный расцвѣтъ въ родѣ „тюльпана“ или „обструкціи.“

Приступая къ выясненію путей, могущихъ привести къ указанной цѣли, Сергѣевскій рекомендуетъ „прежде всего отрѣшиться отъ очень распространеннаго взгляда на студентовъ, какъ на какой-то особый родъ людей, съ особыми присущими имъ свойствами и убѣжденіями. Въ дѣйствительности наши университеты очень мало перерабатываютъ личность своего слушателя,—говоритъ онъ—да и не могутъ этого сдѣлать въ четыре года. Конечно, юноша съ годами мѣняется въ своемъ характерѣ и вкусахъ; конечно, пріобрѣтеніе научныхъ знаній косвенно отражается на всей личности. Но это сказывается сколько-нибудь замѣтно на послѣднемъ курсѣ и, пожалуй даже, послѣ окончанія курса. Въ университетѣ же студентъ есть не болѣе какъ вчерашній гимназистъ и, если можно такъ выразиться, завтрашній чиновникъ; это—мы сами, наши братья, наши сыновья—слабости студентовъ есть отраженіе нашихъ собственныхъ слабостей, то есть слабостей всего нашего культурнаго общества. Особенность студентовъ только одна—это то, что они образуютъ „толпу“ людей въ возрастѣ отъ 20 до 26 лѣтъ, со всѣми психологическими свойствами, присущими толпѣ. При этомъ толпа эта каждые четыре года или пять лѣтъ мѣняется безъ остатка въ своемъ составѣ, а каждый годъ на $^1/_4$ состава. Въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ техническихъ заведеніяхъ можно еще замѣтить одну общую черту, свойственную именно студентамъ даннаго заведенія: то спеціальное

призваніе, которое влечетъ юношей на опредѣленный путь практической дѣятельности. Но и эта черта, сама по себѣ взятая, недостаточна для того, чтобы создать изъ студента особую этическую личность; студентъ и здѣсь остается въ главныхъ своихъ чертахъ все тѣмъ же, состарившимся гимназистомъ. Въ гимназіяхъ или, скажемъ шире, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лежитъ причина печальнаго состоянія нашего студенчества. Никакая реформа высшихъ учебныхъ заведеній, никакая организація студентовъ и никакая инспекція не измѣнитъ существующихъ настроеній, пока средняя школа будетъ давать тотъ матеріалъ, который она даетъ теперь. Средняя школа имѣетъ время и полную возможность явиться самостоятельнымъ, могучимъ факторомъ въ дѣлѣ образованія этической личности учащагося, какъ въ смыслѣ собственнаго положительнаго воздѣйствія, такъ и въ смыслѣ устраненія тѣхъ недостатковъ, которые являются отраженіемъ слабостей старѣйшаго поколѣнія,—слабостей матерей, отповъ и дѣтей".

Далѣе слѣдуетъ въ высшей степени интересное и правильное опредѣленіе важнѣйшихъ недостатковъ нашей современной средней школы. „Основная, исчерпывающая черта нашихъ современныхъ гимназій (равно какъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій)—говоритъ Николай Дмитріевичъ—есть господство въ нихъ умственныхъ упражненій исключительно; эти умственныя упражненія направляются къ двоякой цѣли: съ одной стороны, къ пріобрѣтенію знаній (образованіе или эрудиція), а съ другой—къ гимнастикѣ ума, иногда въ размѣрахъ всепоглощающихъ. Однако, не только гимнастика ума, но и пріобрѣтеніе книжно-научныхъ знаній, хотя бы въ большомъ объемѣ, не дѣлаютъ еще „человѣка", въ смыслѣ совокупности хорошихъ чертъ человѣческой природы,—не дѣлаютъ ни гражданина, ни добраго семьянина, ни вообще сколько-нибудь опредѣленную фигуру, способную занять свое мѣсто въ реальныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ кромѣ умственнаго упражненія гимназія не даетъ и

не заключаетъ въ себѣ ничего: ни элементовъ эстетическихъ, ни соціально-этическихъ, ни религіозныхъ, если не считать таковыми изученія учебниковъ Закона Божія и обязательнаго хожденія въ церковь, ни, наконецъ, физическаго развитія, совершенно необходимаго для правильной духовной жизни мальчика. Ничто въ гимназической жизни не питаетъ и не даетъ почвы для развитія любви къ родинѣ, уваженія къ отечественнымъ преданіямъ и обычаямъ, вкуса къ эстетическимъ наслажденіямъ, поклоненія изящному и красотѣ, чувства любви къ ближнему, самоотверженія альтруистическаго, чувства отваги, храбрости, молодечества, личнаго гонора, сознанія обязанностей въ обществѣ и проч. и проч.,—всего того, изъ чего состоитъ внутренняя личность человѣка. У гимназиста обрабатывается только голова, при условіи притомъ плохого физическаго развитія. Въ результатѣ—пустота сердечная и душевная, отсутствіе вкусовъ, наклонностей, привязанностей, идеаловъ. Нѣтъ даже любви къ своему учебному заведенію. Какая рѣдкость встрѣтить теперь гимназиста, который любилъ бы свою гимназію, защищалъ ее отъ нападокъ въ обществѣ и гордился ею! Получающій аттестатъ „зрѣлости“ гимназистъ оказывается въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно безцвѣтной фигурой, ученымъ манекеномъ, проявляющимъ только одно живое чувство: радость, но не о томъ, что окончилъ курсъ, а о томъ, что разстается съ гимназіей—съ ея начальствомъ, учителями, учебниками, зубреньемъ. Прислушайтесь къ рѣчамъ оканчивающихъ курсъ гимназистовъ,—это почти исключительно брань по адресу гимназіи.

Такой юноша—по возрасту уже не мальчикъ, такъ какъ возрастъ 18 лѣтъ является минимальнымъ для оканчивающихъ курсъ гимназистовъ—вступаетъ въ жизнь, не имѣя вовсе въ своихъ личныхъ вкусахъ и наклонностяхъ какой-либо реальной точки опоры при встрѣчѣ съ различными соблазнами, жизненными вѣяніями и теченіями; онъ мало способенъ къ отпору и не имѣетъ почвы для самостоятель-

ной критики; его очень легко увлечь куда угодно, лишь бы теченіе корреспондировало его общему настроенію недовольства и раздраженія противъ всякаго начальства. Его одинаково легко превратить и въ толстовца, и въ марксиста, и въ анархиста. Онъ въ извѣстномъ смыслѣ tabula rasa,—только недовольная, раздраженная, нервно утомленная и поэтому легко воспринимающая только то, что носитъ на себѣ характеръ протеста, отрицанія и вражды. Кого легче увлечь и сбить съ соціально-этической позиціи: человѣка, не имѣющаго никакихъ личныхъ наклонностей и привязанностей, или человѣка, имѣющаго таковыя, хотя бы даже и не высшаго качества? — Кажется, это даже не вопросъ. Петербургскій лицеистъ, напримѣръ, несомнѣнно менѣе податливъ потому, что имѣетъ точку опоры, прежде всего въ эстетическихъ преданіяхъ заведенія, въ почитаніи памяти Пушкина, которое поддерживается многими внѣшними знаками, а затѣмъ въ твердо установившейся, такъ называемой свѣтской порядочности, т. е. въ соблюденіи свѣтскихъ приличій. Правовѣда тоже не легко толкнуть въ какую-нибудь „обструкцію“. Онъ найдетъ въ своихъ привычкахъ, наклонностяхъ и традиціяхъ заведенія нѣчто такое, что заставитъ его сильно задуматься прежде, чѣмъ пойти по невѣдомому пути. Между тѣмъ состарившійся гимназистъ, называемый студентомъ, очень легко можетъ совершать и грубѣйшіе уличные скандалы, и разсуждать въ то же время о необходимости полнаго устраненія насильственныхъ мѣръ въ государственномъ управленіи; онъ принимаетъ участіе въ движеніяхъ, затѣянныхъ другими, очень мало интересуясь цѣлью и результатами, а просто ради безпорядка, ради шума, совершенно такъ же, какъ гимназисты устраиваютъ „бенефисы“ учителямъ и надзирателямъ; онъ сегодня устраиваетъ овацію кому-либо, а завтра готовъ учинить тому же лицу чудовищную демонстрацію и нисколько его не пожалѣетъ; онъ готовъ пристать ко всякому антиправительственному и антигосударственному движенію, потому что ничего не любитъ, ничего

въ сущности не почитаетъ и ничего ему не жалко. Всякая эффектная формула, носящая характеръ протеста, находитъ себѣ у него одинаково-благосклонный пріемъ, безъ отпора и личной критики, какова бы ни была эта формула по своему соціально-этическому значенію. Говорятъ ему: „цѣль оправдываетъ средства“,—онъ согласенъ; говорятъ: „каждый долженъ отвѣчать за свои поступки, независимо отъ его дальнѣйшихъ намѣреній“,—онъ тоже согласенъ. „Трудись на пользу мужика и рабочаго противъ капиталиста“; „спасеніе общества—въ развитіи капиталовъ“; „борьба за личное счастье есть правило жизни“; „не противляйся злу“; „возбуждай низшій классъ къ возстанію противъ существующаго строя“; „веди мирную просвѣтительную пропаганду“; и т. д. и т. д.,—онъ на все согласенъ, и безъ борьбы, безъ сожалѣнія переходитъ отъ одной программы къ другой. Онъ не можетъ даже сказать: „сжегъ то, чему поклонялся; поклонился тому, что сжигалъ“, потому что въ сущности онъ ничему не поклонялся, а насчетъ сжиганія... не пожалѣетъ ничего, что будетъ горѣть.

Источникъ зла—двоякій. Во-первыхъ, сильно повліявшія на среднюю школу нѣкоторыя изъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ. Россія много обязана мыслителямъ и дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ; много пользы принесли они и русской школѣ. Но не даромъ говорятъ, что роза не бываетъ безъ шиповъ,—есть и обратная сторона медали. Шестидесятымъ годамъ принадлежитъ начало того обезличиванья средней школы, которое приноситъ теперь свои зрѣлые плоды. Тогда объявлено было заслуживающимъ презрѣнія все, что не принадлежитъ къ развитію интеллекта и накопленію книжныхъ знаній. И родныя преданія, и эстетика, и національная гордость—и всѣ, всѣ „предразсудки“, въ томъ числѣ даже заботы о физическомъ развитіи и внѣшнемъ благообразіи. Не только юная молодежь, но люди всѣхъ возрастовъ охвачены были этимъ настроеніемъ, а въ особенности педагогическій составъ учебныхъ вѣдомствъ.

Преподаватели, наставники, инспекторы, директоры ревностно принялись истреблять все, что напоминало собою „старые предразсудки“. Пишущій эти строки живо помнитъ это время,—время внесенія новаго духа въ гимназіи. Правда исправлялись съ полною добросовѣстностью многіе мерзкіе порядки и злоупотребленія прежняго времени; учебныя заведенія несомнѣнно улучшались; но вмѣстѣ съ тѣмъ шло истребленіе того, что давало содержаніе душевной и сердечной жизни подростающаго поколѣнія. Исчезли весеннія прогулки всѣмъ составомъ учебнаго заведенія, съ учителями и наставниками, въ окрестности города въ сопровожденіи самоваровъ, пироговъ, булокъ и т. д. Исчезли хоры и оркестры, собственные гимназическіе, заведенные на собственныя деньги мальчишекъ; исчезло фехтованье, танцы; исчезли бѣга на конькахъ, домашніе спектакли, разныя традиціонныя торжества... Осталась книга и умный развивающій разговоръ. Не перечесть тѣхъ разнообразныхъ мелочей, наполнявшихъ живымъ содержаніемъ школьный бытъ, которыя старательно истреблялись начальствомъ, какъ нѣчто вредное. Не забуду, какъ былъ въ нашей гимназіи уволенъ старикъ служитель за то, что онъ разсказывалъ гимназистамъ по вечерамъ „глупыя“ сказки! Не забуду, какъ было запрещено пансіонерамъ кормить голубей, навѣщать стараго юродиваго нищаго и носить хлѣбъ его слѣпой собакѣ. Не забуду, какъ заперли нашъ густой старинный садъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что вмѣсто „разумнаго“ отдыха гимназисты занимаются глупыми играми и копаются въ землѣ. А между тѣмъ у каждаго изъ насъ былъ въ саду любимый уголокъ, каждый классъ по традиціи каждую весну сажалъ какое-нибудь деревцо или цвѣтокъ. Все было принесено въ жертву разумному развитію, и стали мы „разумно“ отдыхать на посыпанной пескомъ площадкѣ, подъ окнами инспекторской квартиры. Бывало, съ понедѣльника сырной недѣли гимназисты начинаютъ сооружать „масляницу“,—огромную соломенную фигуру на дровняхъ, съ разными смѣхотворными

украшеніями; въ воскресенье, послѣ обѣдни, эту фигуру везли торжественно за городъ и передавали поджидавшей толпѣ простонародья изъ слободъ. Какая пошлая, глупая забава, и притомъ суевѣріе! Уничтожили и ее.

Одного только не замѣчали „раціональные“ педагоги, истреблявшіе всякіе „предразсудки“,—не замѣчали того, что, вытряхая соръ изъ колыбели, они выбрасываютъ и ребенка.

Однако, одинъ этотъ указанный источникъ не могъ бы, думается, закрѣпить на многіе годы ошибочно взятый тонъ школьнаго режима. Увлеченіе скоро стало ослабѣвать и въ семидесятыхъ годахъ мы встрѣчаемъ уже сильную критику всего направленія, нерѣдко получавшаго въ обществѣ и въ литературѣ презрительное названіе „писаревщины“. Къ сожалѣнію, въ это самое время выдвинулся второй факторъ или источникъ того же зла, притомъ болѣе прочный и оформленный. Графъ Д. А. Толстой не только не остановилъ среднюю школу въ ея движеніи по ложному пути, но рѣшительно закрѣпилъ своими реформами систему умственной гимнастики и книжнаго обученія, въ качествѣ *единственныхъ* задачъ средняго образованія. Государственный дѣятель несомнѣнно выдающагося ума и поразительной энергіи, графъ Толстой явился, тѣмъ не менѣе, въ учебномъ дѣлѣ настоящимъ сыномъ своего вѣка,—великолѣпнымъ представителемъ той же „писаревщины“. И онъ, какъ фантазеры шестидесятыхъ годовъ, думалъ, что подборомъ предметовъ преподаванія и совокупностью книжныхъ знаній, въ связи съ надлежащей гимнастикой ума, можно создать для Россіи добрыхъ гражданъ. Даже близость школьника къ семьѣ и ея интересамъ представлялась ему вредной. Правда, идеалъ добраго гражданина у гр. Толстого былъ совершенно иной, чѣмъ у передовыхъ людей предшествующей эпохи; съ этой стороны графа Толстого можно, пожалуй, назвать реакціонеромъ; но въ воззрѣніяхъ своихъ на пріемы учебно-воспитательнаго дѣла онъ остался шестидесятникомъ чистой воды. Не встрѣтивъ сочувствія своей системѣ образованія (полу-

чившей названіе „классической“) не только въ обществѣ, но и въ средѣ непосредственныхъ работниковъ педагогическаго дѣла, графъ Толстой съ полной энергіей началъ проводить реформу, такъ сказать, принудительными мѣрами сверху,— началъ, по собственному его выраженію, „вбивать гвозди, чтобы ихъ не скоро можно было вытащить“. Первымъ гвоздемъ явились отряды заграничныхъ учителей полунѣмцевъ, полуславянъ. Въ большинствѣ случаевъ мало образованные, грубые, презрительно относившіеся къ русскому человѣку вообще, а къ юношеству въ особенности, эти господа мѣтко поняли свою задачу: пересоздать молодежь посредствомъ латинской грамматики и латинскаго лексикона. Вторымъ гвоздемъ была точнѣйшая и подробнѣйшая регламентація всего учебнаго режима, съ устраненіемъ всякой самодѣятельности учителей и непосредственнаго начальства. Графъ Толстой не довѣрялъ, да правду сказать, съ своей точки зрѣнія и не могъ довѣрять наличнымъ силамъ преподавательскаго состава. Скоро дѣло дошло до такой мелочности, что вопросы и темы для письменныхъ испытаній стали присылаться въ гимназіи изъ округа въ запечатанныхъ конвертахъ, и конверты сіи могли быть вскрыты лишь въ моментъ самаго экзамена: высшее начальство не довѣряло даже директорамъ, подозрѣвая и ихъ въ какихъ-то преступныхъ сдѣлкахъ съ учениками.

Общее впечатлѣніе такихъ порядковъ было ужасное. Потерялось всякое уваженіе учениковъ къ начальству и всякая правительственная связь между ними и наставниками. Приниженные учителя, въ постоянномъ трепетѣ за успѣхи учениковъ соотвѣтственно министерскимъ программамъ, правиламъ, инструкціямъ и т. п., начали бояться экзаменовъ болѣе, чѣмъ ихъ боятся ученики. Чѣмъ строже дѣладись требованія высшаго начальства и подробнѣе регламентація, тѣмъ болѣе слѣпы и глухи становились учителя по отношенію ко всякаго рода ученическимъ плутнямъ на экзаменахъ— списываню, шпаргалкамъ, подсказываню и проч. А уче-

ники естественно теряли уваженіе къ своимъ наставникамъ. Учителя и наставники считали новую систему неправильной и невыполнимой, а ученики ненавидѣли и ее, и учителей. Учителя изъ иностранцевъ въ особенности много подливали масла въ огонь. Не забуду одного изъ такихъ латинистовъ, который въ классѣ называлъ учениковъ „русска швинь“, т. е. русская свинья. Правда, нынѣ привозные учителя болѣе или менѣе обрусѣли и едва ли какой-нибудь изъ нихъ рѣшится назвать ученика русской свиньей; но все прочее остается и понынѣ не измѣненнымъ.

Обыкновенно, нападая на созданный графомъ Толстымъ типъ гимназіи, видятъ вредъ именно въ классицизмѣ. Это невѣрно. Такъ называемое классическое образованіе, само по себѣ взятое, не можетъ быть вредно. Наоборотъ, въ системѣ общаго средняго образованія, соотвѣтственно нашей культурѣ, оно должно занимать видное мѣсто; вопросъ можетъ заключаться лишь въ объемѣ преподаванія, сравнительно съ другими предметами, и въ качествахъ преподавательскаго персонала. Ошибка системы графа Толстого заключается прежде всего въ томъ, что въ латинской грамматикѣ и лексиконѣ онъ видѣлъ средство воспитанія, а въ совокупности книжныхъ знаній извѣстнаго подбора—все содержаніе средней школы. Затѣмъ, вторая ошибка вытекла изъ первой: дѣйствуя точно также въ духѣ фантазера шестидесятыхъ годовъ, онъ рѣшительно игнорировалъ жизненные факты, презиралъ „предразсудки“ и проводилъ свои реформы, нимало не стѣсняясь выражать полное недовѣріе къ непосредственнымъ дѣятелямъ учебнаго дѣла. Результаты, можно сказать, превзошли ожиданія: едва ли самый радикальный шестидесятникъ мечталъ довести среднюю школу до такого состоянія, до котораго доведена она графомъ Толстымъ,—до состоянія чистой фабрики книжнаго ученія для обработки мозговъ, безъ всякаго этическаго содержанія и безъ заботы о томъ, что дѣйствительно наполняетъ душу и сердце подростающаго поколѣнія“.

Не ограничиваясь никогда ролью критика, Сергѣевскій указываетъ далѣе то направленіе, въ которомъ должна быть произведена реформа средней школы. Задача реформы, по его мнѣнію, должна заключаться въ томъ, чтобы школа перестала быть учрежденіемъ, предназначеннымъ исключительно для гимнастики ума и подбора книжныхъ знаній, а старалась выработать человѣка и гражданина, для этого же въ ней должно быть отведено мѣсто „проявленію и развитію хорошихъ чертъ и душевныхъ движеній ученика". Желательными элементами въ будущей школѣ Николаю Дмитріевичу представлялись эстетика во всѣхъ видахъ; садоводство; внѣклассныя необязательныя занятія по русской исторіи; любительская археологія; коллекціонированье; военныя упражненія; здоровый спортъ сообразно мѣстнымъ условіямъ—плаваніе, верховая ѣзда, коньки и проч.; общія здоровыя игры; самодѣятельность филантропическая; практическая общественная дѣятельность въ доступныхъ для школьнаго возраста формахъ, какъ-то: дежурство въ городскихъ пріютахъ, уроки въ низшихъ школахъ, исполненіе второстепенныхъ распорядительскихъ обязанностей въ благотворительныхъ предпріятіяхъ, участіе въ городскихъ торжествахъ и проч. Мысли свои относительно реформы средней и низшей школы Николай Дмитріевичъ облекъ въ форму опредѣленно формулированныхъ положеній, которыя я позволяю себѣ привести полностью:

„1. Приведеніе въ согласованіе программъ низшихъ (уѣздныхъ и городскихъ училищъ) и среднихъ училищъ разныхъ родовъ такимъ образомъ, чтобы возможенъ былъ переходъ учениковъ безъ затрудненій (непосредственный или съ небольшими дополнительными экзаменами) изъ училища одного рода въ училище другого рода, по опредѣленнымъ терминамъ: по окончаніи 2 классовъ, 3-хъ, 4-хъ и т. д.

2. Окончаніе курса средней школы по общему правилу опредѣлить 7 классами и, соотвѣтственно сему, возрастомъ отъ 10 до 17 лѣтъ. Существующій 8-й классъ гимназіи пріі-

урочить къ спеціальнымъ цѣлямъ: а) дополнительной подготовкѣ по нѣкоторымъ предметамъ тѣхъ, кто желаетъ перемѣнить направленіе, напр., реалистовъ, желающихъ поступить въ университетъ; классиковъ, желающихъ поступить въ техническія заведенія и т. д.; б) дополнительной подготовкѣ слабыхъ.

3. Для низшей школы и первой части средней (4 класса) установить обученіе такимъ предметамъ, которые могли бы дать кусокъ хлѣба ученикамъ, неспособнымъ къ продолженію общаго образованія, напр., счетоводство, каллиграфія, чертежное искусство и проч.

4. Сократить число учениковъ въ классахъ до 30, для чего образовать паралельныя отдѣленія. Одна паралель имѣетъ пріемъ учениковъ съ 1 сентября, другая съ 1 января.

5. При оставленіи неуспѣшныхъ учениковъ въ томъ же классѣ на повторительный курсъ переводить ихъ въ другую паралель, дабы на повторительный курсъ тратился не цѣлый годъ, какъ нынѣ, а полгода, чего достаточно для ученика, сколько нибудь пригоднаго къ дальнѣйшему движенію.

6. Преподаваніе древнихъ языковъ начинать съ 3-го и 4-го класса средней школы. Для желающихъ нѣкоторое знакомство съ древними языками въ старшемъ классѣ низшей школы.

7. Время, освобождающееся отъ древнихъ языковъ, обратить на усиленіе преподаванія русскаго языка, русской географіи и предметовъ, дающихъ кусокъ хлѣба (см. выше).

8. Всѣ уроки должны располагаться такъ, чтобы домашняя подготовка (задаваніе уроковъ) распредѣлялась по днямъ недѣли равномѣрно.

9. Одинъ день въ недѣлю въ средней школѣ долженъ быть свободенъ отъ части уроковъ. Этотъ день посвящается общему полезному времяпрепровожденію съ наставниками: посѣщеніе музеевъ, осмотръ памятниковъ и зданій, общая прогулка, спортъ, гимнастика, литературно-музыкальное развлеченіе и т. д.

10. Въ городахъ, имѣющихъ нѣсколько среднихъ училищъ, для сей цѣли желательно устроить особое учрежденіе: гимназическій домъ, институтъ.

11. Участіе средней школы въ общественной жизни города, служебная роль въ городскихъ празднествахъ, какъ-то: школьный хоръ, оркестръ, исполненіе нѣкоторыхъ распорядительскихъ обязанностей; участіе въ филантропической городской дѣятельности, тоже въ формѣ служебной.

12. Каждая школа должна имѣть свой годовой праздникъ, при участіи родныхъ и прежнихъ воспитанниковъ, но безъ допуска всякой публики за деньги.

13. Всѣ школы одного города должны имѣть нѣкоторыя взаимныя отношенія въ смыслѣ оказанія знаковъ почтенія и уваженія одного заведенія другому, каковы: поздравленіе и привѣтствіе въ дни годовыхъ праздниковъ, депутаціи лучшихъ учениковъ на годичныхъ актахъ и т. п.

14. Вступленіе въ университетъ и высшія учебныя заведенія для лучшихъ учениковъ—свободное; для окончившихъ же курсъ средней школы не по первому разряду должно быть обставлено: дополнительнымъ экзаменомъ, поручительствомъ надежныхъ лицъ обезпечить содержаніе во время университетскаго курса, заслугами и общественнымъ положеніемъ родителей и т. п. Все сіе, т. е. какъ право свободнаго поступленія въ университетъ, такъ и ограниченія должны быть отмѣчаемы въ аттестатахъ среднихъ учебныхъ заведеній, по распоряженію окружнаго начальства, но отнюдь не предоставляемы на разрѣшеніе университетскаго начальства. Свободное, т. е. безъ указанныхъ ограниченій, вступленіе для всѣхъ окончившихъ курсъ средней школы лишь въ тѣ высшія учебныя заведенія, въ которыя производится пріемъ по конкурсному экзамену.

15. Тотъ же порядокъ установить для перехода изъ низшаго училища въ 4-й классъ средняго и изъ 4-го класса средняго въ 5-ый.

16. Начальствамъ и педагогическимъ совѣтамъ каждой

школы долженъ быть предоставленъ возможный просторъ распоряженій внутри заведенія. Окружное начальство должно наблюдать и указывать направленіе, но не связывать мелочной регламентаціей непосредственныхъ школьныхъ дѣятелей, въ особенности не должно проявлять неуваженія и недовѣрія къ нимъ. Начальство школы должно быть дѣйствительнымъ хозяиномъ школы, духовно заинтересованнымъ въ успѣхѣ дѣла, а не рабскимъ исполнителемъ тысячи и одного циркуляра въ годъ.

17. Внѣклассныя занятія учителей съ учениками, какъ чисто учебныя, такъ и съ оттѣнкомъ любительскихъ упражненій, не только не должны быть стѣсняемы, но всячески покровительствуемы.

18. Переводные экзамены сократить по примѣру порядка, существовавшаго до семидесятыхъ годовъ, а преподаваніе продолжить до конца мая. Сообразно сему, для экзаменовъ (переводныхъ)—время отъ 25 августа по 1 сентября.

19. Каникулъ не сокращать. Для учениковъ, семейное положеніе коихъ не представляетъ нравственнаго обезпеченія (сиротъ, не имѣющихъ близкой семьи и т. п.), а также по желанію, —устраивать лѣтнее проживательство съ наставниками (общія дачи, колоніи, санаторіи)".

Тогда же Сергѣевскимъ былъ составленъ „перечень мѣропріятій", долженствовавшихъ лечь, по его мнѣнію, въ основу реформы высшей школы. Для ознакомленія съ его взглядами на желательную постановку послѣдней реформы бо́льшій матеріалъ, однако, даетъ вторая изъ оставленныхъ имъ записокъ, носящая, какъ сказано, заголовокъ „Наша высшая школа", представляющая изъ себя рядъ отрывочныхъ набросковъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Николая Дмитріевича всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ, а, можетъ быть, даже и за нѣсколько дней до его безвременной кончины. Тонъ этой записки, мѣстами очень рѣзкій, свидѣтельствуетъ о томъ крайнемъ негодованіи, которое испытывалъ авторъ, вспоминая образъ дѣйствія высшаго университетскаго на-

чальства и профессорскихъ коллегій въ „дни свободъ“, въ тѣ памятные дни, когда избранный студентами совѣтъ старостъ, поощряемый резолюціями „академическаго профессорскаго союза“, дошелъ, наконецъ, до того, что предъявилъ совѣту профессоровъ С.-Петербургскаго университета требованіе выдать ему „общественныя университетскія суммы въ цѣляхъ вооруженія студенчества“ „для организаціи вооруженнаго отпора черной сотнѣ“, и не смотря на это совѣтъ профессоровъ продолжалъ поддерживать сношенія съ этимъ „академическимъ“ институтомъ, а „младшіе преподаватели“ университета передавать свои постановленія на его авторитетное „одобреніе“ [32]). Сильнымъ, но справедливымъ укоромъ отмѣчаетъ Николай Дмитріевичъ поведеніе того ректора университета, который, придя на неразрѣшенную студенческую сходку, обратился къ участникамъ ея съ длинною рѣчью, стоя подъ большимъ краснымъ флагомъ; ректора, который убѣждалъ студентовъ, заявившихъ ему о своемъ намѣреніи заниматься только наукой, въ невозможности для студентовъ не принадлежать ни къ какой политической партіи и уговаривалъ ихъ объявить себя по крайней мѣрѣ кадетами, который открылъ двери университета для всякаго рода митинговъ, съ вывѣскою даже на дверяхъ университетскихъ залъ и аудиторій объявленій въ родѣ: „митингъ соціалъ-демократической партіи“, „средне-учебныхъ заведеній“. Не менѣе возмущается онъ и поведеніемъ профессоровъ, которые не только сами не желали принимать мѣръ къ возобновленію чтенія лекцій въ университетскихъ аудиторіяхъ, но, за немногими исключеніями, не соглашались даже и на просьбы желавшихъ работать студентовъ устроить занятія на дому, „находя это некорректнымъ въ виду прекращенія занятій въ университетѣ и объявленной студентами

[32]) „Университетъ и политика“. Изданіе „союза студентовъ С.-Петербургскаго университета“ и „академическаго союза слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ“. Спб., 1906 г., стр. 150—151.

забастовки". „Спрашивается:—восклицаетъ въ справедливомъ негодованіи, говоря объ этомъ, авторъ рукописи—за что же г.г. профессора получали свое жалованье изъ государственнаго казначейства и за что, за какіе подвиги, клали въ свой карманъ гонорары, которые въ томъ году достигли небывалыхъ размѣровъ?!"

Констатируя полное разложеніе нашей высшей школы, Николай Дмитріевичъ не раздѣлялъ мнѣнія тѣхъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые находятъ, что борьба съ этимъ разложеніемъ не представляетъ особыхъ затрудненій, и что для прекращенія безобразія достаточно примѣненія мѣръ строгости. „Подъ мѣрами строгости—пишетъ онъ—разумѣются всегда: во-первыхъ, прекращеніе возникшихъ безпорядковъ, т. е. недозволенныхъ сходокъ, прерванія занятій, буйства и т. п.—мѣрами полицейскаго воздѣйствія, посредствомъ призываемыхъ въ зданіе школы или ко входамъ въ него полицейскихъ нарядовъ, а въ потребныхъ случаяхъ и воинской силы. Во-вторыхъ, аресты студентовъ, увольненіе, исключеніе и высылка ихъ изъ города. Въ-третьихъ, преданіе суду какъ виновныхъ студентовъ, такъ и служащихъ и профессоровъ, виновныхъ въ нарушеніи долга службы и своихъ обязанностей. Въ четвертыхъ, временное прекращеніе занятій и закрытіе дверей университета". „Не спорю,—говоритъ Николай Дмитріевичъ—что начальство и правительство въ отдѣльныхъ случаяхъ нарушенія порядка не можетъ и не должно оставаться безучастнымъ зрителемъ, прикрываясь правиломъ: „перемелется—мука будетъ",—какъ было все время при П. М. Кауфманѣ, или являться косвеннымъ подстрекателемъ, какъ было при графѣ Ив. Ив. Толстомъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, необходимо принимать неуклонно и рѣшительно всѣ законныя мѣры къ пресѣченію безпорядка и наказанію виновныхъ, а не заявлять о своемъ „уваженіи къ автономіи" высшей школы, какъ сдѣлалъ въ прошломъ году одинъ изъ нашихъ помпадуровъ въ своихъ, расклеенныхъ по

городу, объявленіяхъ... Но дѣло въ томъ, что этимъ путемъ нельзя разрѣшить вопроса и достигнуть сколько-нибудь прочнаго упорядоченія высшей школы“... „Нельзя изо дня въ день вводить полицію и войска въ университетъ: это очень скоро становится комичнымъ. Полиція входитъ—въ большинствѣ случаевъ все тихо и смирно: „тащить“ некого, „не пущать“ некуда! Возможно, конечно, забирать всѣхъ, тащить „въ манежъ“, тамъ переписывать, затѣмъ отпускать по домамъ, штрафовать по 3 рубля и т. д. Но вѣдь это же комедія! А какое глумленіе надъ властью, надъ правительствомъ; сколько оскорбительныхъ впечатлѣній переносятъ чины полиціи!—Цѣлые часы и дни выстаивай передъ зданіемъ университета; чуть не съ полуночи залегай въ какихъ-нибудь Елисѣевскихъ складахъ или въ подвалахъ Академіи Наукъ, и все это для чего? Чтобы отвести въ манежъ толпу школяровъ и разныхъ „дѣвицъ“, которые видятъ въ этомъ себѣ удовольствіе...

Нельзя идти и путемъ „оздоровленій“, хотя этотъ путь всетаки умнѣе періодическихъ прогулокъ „въ манежъ“ и трехрублевыхъ штрафованій. Нельзя, при теперешнемъ строѣ высшаго образованія, выбрасывать за бортъ сотни и тысячи, хотя бы и виновной, молодежи, лишая ее всякой возможности выбиться на дорогу, занять положеніе въ обществѣ. Это значитъ только плодить враговъ государства, притомъ даже не враговъ извѣстнаго политическаго строя, а просто озлобленныхъ разрушителей, которыми руководятъ не политическія идеи, а единственно животное раздраженіе и злоба.

Исключенный, безъ права поступленія въ другое высшее учебное заведеніе, студентъ не имѣетъ у насъ способовъ докончить свое образованіе, выдержать экзаменъ, поступить на службу или обратиться къ свободнымъ профессіямъ; для него одинъ выходъ, если онъ не имѣетъ собственныхъ денежныхъ средствъ: грубый физическій трудъ, къ которому онъ не способенъ, или несчастное существованіе на случайный мелкій заработокъ, безъ всякаго обез-

печенія не только подъ старость, но даже и на завтрашній день. Такихъ, вкусившихъ образованіе, людей нельзя размножать ни въ какомъ государствѣ; это не простой неудачникъ, это такой неудачникъ, который совершенно искренно винитъ во всемъ государство и правительство.

Увольнять на 1 или 2 года или, уволивъ изъ одного университета, принимать въ другой—еще хуже. Это значитъ, съ одной стороны, лишать взысканіе всякаго дѣйствительнаго значенія, а съ другой—своими руками распространять заразу. И временное увольненіе и полное исключеніе возможно примѣнять при условіяхъ нашей жизни лишь тогда, когда такихъ увольняемыхъ и исключаемыхъ немного, но когда ихъ сотни и тысячи,—прибѣгать къ этой мѣрѣ есть прямое безуміе.

Какія же другія мѣры строгости возможны? Сажать въ тюрьмы на долгіе сроки, ссылать въ каторгу, вѣшать, разстрѣливать... Этого никто не предлагаетъ, а еслибы и предложилъ, то очевидно только ради шутки. Пробовали отдавать въ военную службу—толку мало вышло.

Остаются: карцеры, лишеніе стипендій, оставленіе на лишній годъ, т. е. отказъ въ зачетѣ семестра, повышеніе требованій на экзаменахъ и нѣкоторые другіе способы чисто-школьнаго воздѣйствія. Но, во-первыхъ, мѣры эти могутъ дѣйствовать лишь на сколько-нибудь порядочную часть студенчества, для смутьяновъ же не имѣютъ ровно никакого значенія: не для науки, не для ученья они вступаютъ въ университетъ, а совершенно сознательно для смуты. Во вторыхъ, мы подходимъ къ самому больному мѣсту нашей современной высшей школы, а именно:

Всякаго рода мѣры школьной дисциплины возможны только тогда, когда имѣются надлежащіе для того исполнители, а когда ихъ нѣтъ—что вы ни пишите въ министерствахъ, что вы ни приказывайте, какихъ циркулярныхъ распоряженій ни посылайте, все это встрѣтитъ на мѣстахъ глухое пассивное сопротивленіе и или вовсе не будетъ приведено

въ исполненіе, или будетъ исполнено въ извращенномъ видѣ и съ зловредною тенденціею... Университетъ не типографія, худая или хорошая, но живая и очень упругая сила, подчинить которую вполнѣ усмотрѣніямъ начальства невозможно. Профессора, и каждый въ отдѣльности, и еще болѣе всѣ вмѣстѣ не суть „исполнители“; это надо понять и этимъ проникнуться. Разъ завелись дурныя отношенія между правительственной властью и профессорскими коллегіями,—кончено: ни на какіе циркуляры надежды имѣть нельзя, а надо или „оттерпѣться“, какъ выразился одинъ старый практикъ, т. е. тянуть дѣло кое-какъ, „вертѣть колесо“, пока погода не перемѣнится, или совершенно измѣнить тактику и постараться устранить ту почву, на которой происходитъ треніе. Это можетъ обойтись очень дорого, не въ денежномъ, конечно, а въ духовномъ смыслѣ. Но вѣдь даромъ ничего не дается!

Дурныя отношенія власти и профессоровъ, недовѣріе съ одной стороны и глухая вражда, съ другой—начались еще въ министерство графа Дмитрія Андреевича Толстого; они нѣсколько смягчились въ началѣ управленія И. Д. Делянова, но съ 1884 года разгорѣлись вновь и пошли усиленнымъ темпомъ при преемникахъ Делянова, изъ которыхъ первый былъ хорошій преподаватель—тяжкодумъ, но вовсе не человѣкъ дѣйствія, а остальные... мы о нихъ уже говорили. Въ настоящее же время дѣло стоитъ такъ, что даже и „колесо вертѣть“ невозможно. Я вовсе не желаю оправдывать профессоровъ; наоборотъ, я по совѣсти думаю, что профессора виноваты въ разстройствѣ учебнаго дѣла болѣе чѣмъ всѣ министры вмѣстѣ; но фактъ остается фактомъ. Виноваты при этомъ не одни министры и профессора; виновато все наше общество. Тѣмъ труднѣе поправить дѣло.

Разладъ трехъ факторовъ, тѣхъ трехъ китовъ, на которыхъ стоитъ все учебное дѣло: министровъ, преподавательскаго состава и общества, до того дошелъ, что борьба съ безпорядками въ университетахъ была поставлена такъ: каждый безпорядокъ оказывался выгоднымъ и для профес-

соровъ, и для массы студентовъ: учебное время сокращалось до послѣдней возможности, напримѣръ главный, осенній, семестръ оказывался величиною всего отъ 20 сентября до 5 декабря съ двумя перерывами по серединѣ, а экзамены отсрочивались, разсрочивались и вообще облегчались со всѣхъ сторонъ,—прямо и открыто говорили: „нельзя предъявлять обычныхъ требованій, такъ какъ студенты потеряли много времени въ періодъ волненій“... Всѣмъ было хорошо: работа и занятія уменьшались, а полученіе дипломовъ облегчалось. Мало того: благодаря разнымъ отсрочкамъ и разсрочкамъ экзаменовъ студенты проводили кто одинъ, кто два семестра лишнихъ въ университетѣ, а всѣ, кто попалъ подъ періодъ злочастнаго управленія Ив. Ив. Толстого, обязательно цѣлый годъ—профессорскіе гонорары росли, безъ всякаго увеличенія ихъ занятій. Наступила такъ называемая „автономія“; двери университетовъ широко раскрылись для всякаго сброда... гонорары достигли невѣроятныхъ размѣровъ... Всѣмъ хорошо, и выгодно, и весело!

Если кто и страдалъ отъ безпорядковъ, то только лучшіе, прилежнѣйшіе студенты. Эти не могли заниматься своимъ дѣломъ, хотя бы къ тому и стремились; они должны были терять время и оставаться лишній годъ въ почетномъ званіи студента, хотя этого вовсе не желали...

...Такъ продолжать дѣло нельзя. Но что же дѣлать? Отвѣтъ: надо оставить прямую непосредственную борьбу съ фронта, по правилу „тащи и не пущай“, а постараться измѣнить тѣ условія, на которыхъ разростаются сѣмена разложенія, вынуть изъ подъ ногъ ту почву, на которой работаетъ смута и анархія. Совершенно очевидно, думается мнѣ, что сдѣлать этого какимъ-нибудь однимъ, общимъ мѣропріятіемъ—какимъ-нибудь „приказомъ“ или циркулярнымъ распоряженіемъ—нельзя. Дѣло слишкомъ сложно и факторы смуты слишкомъ разнообразны. Начиная отъ совершенно естественной наклонности молодежи волноваться и расходовать избытокъ молодыхъ силъ на разныя „исторіи“, которыя всегда

были и будутъ въ университетахъ, и кончая злоумышленной, обдуманной и подкупной революціонно-анархической агитаціей, съ одной стороны, и всегдашней наклонностью профессорскаго состава „быть въ оппозиціи“, съ другой,—факторы разложенія высшей школы безконечно разнообразны: тутъ и легкомысліе родителей, и плохая постановка средней школы, и чрезмѣрная длительность образовательнаго стажа (2+8+4-5 лѣтъ въ лучшемъ случаѣ), а вслѣдствіе этого застарѣніе студенческаго персонала, и неудачный выборъ Министровъ Народнаго Просвѣщенія, и крупныя событія политической жизни, и общія настроенія всего общества, и вліяніе литературы, такъ много лѣтъ лишенной талантовъ, но наводненной „красными“, декаденствующими бездарностями... Не только побороть эти факторы въ ихъ существѣ, но даже и отразить ихъ вліяніе на молодежь никакое Министерство Народнаго Просвѣщенія не въ силахъ. Вся мудрость можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы ослабить, уменьшить, устранить удобства дѣйствія этихъ факторовъ— удобства нарушенія порядка въ школѣ.

Никто не задается цѣлью натопить улицу зимою и нагрѣть всю атмосферу; умный человѣкъ не будетъ этого дѣлать, не будетъ, однако, и погибать отъ мороза въ ожиданіи весны, а надѣваетъ шубу, сидитъ въ натопленной комнатѣ...

Экспропріаторовъ бьютъ и вѣшаютъ; но умный человѣкъ не будетъ ждать, пока ихъ всѣхъ перевѣшаютъ или пока ихъ „исправятъ“ въ тюрьмахъ, по всѣмъ правиламъ исправительной теоріи, и замѣнятъ ихъ „личное состояніе преступности“ состояніемъ добраго гражданства. Нѣтъ,— умный человѣкъ припрячетъ свои деньги, положитъ ихъ въ банкъ... „Такъ живи по нынѣшнимъ временамъ“, говорилъ мнѣ нынче лѣтомъ одинъ крестьянинъ, „чтобы у тебя и украсть-то было нечего“...

Обращаясь къ тѣмъ практическимъ мѣрамъ, которыя рекомендуются Николаемъ Дмитріевичемъ въ разсматриваемой запискѣ въ качествѣ противоядій противъ превращенія выс-

шихъ учебныхъ заведеній въ „гнѣзда революціи“ и „заразные гнойники“, мы видимъ, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ не разъ уже высказывавшееся многими учеными и государственными дѣятелями убѣжденіе въ необходимости измѣненія характера и положенія нашей высшей школы, ея значенія для государственной службы. Сергѣевскій находилъ, что должна быть уничтожена монополія университетовъ выдавать дипломы высшаго образованія, открывающіе доступъ къ различнымъ профессіямъ и къ занятію извѣстныхъ должностей на государственной службѣ; равнымъ образомъ должно быть отмѣнено и утратившее свой raison d'être ускоренное чинопроизводство по дипломамъ высшихъ учебныхъ заведеній. Систематическая подготовка въ университетахъ по извѣстнымъ планамъ и программамъ должна являться только однимъ изъ способовъ подготовки къ государственной службѣ или профессіональной дѣятельности,—способомъ несомнѣнно лучшимъ и удобнѣйшимъ, но допускающимъ возможность существованія на ряду съ нимъ и другихъ путей, ведущихъ къ той же цѣли. Для службы по многимъ государственнымъ вѣдомствамъ нѣтъ необходимости, чтобы вступающій въ нее основательно зналъ всѣ предметы, входящіе въ составъ программы опредѣленнаго факультета. Каждое вѣдомство можетъ само рѣшить и объявить какія именно занятія, по какимъ наукамъ и у какихъ спеціалистовъ будутъ считаться имъ достаточными для поступленія на службу, какіе предметы признаваться безусловно необходимыми и какіе желательными. Это поведетъ къ образованію „вольныхъ“ университетовъ и частныхъ курсовъ. Бояться того, что такіе частные курсы явятся оружіемъ вредной политической пропаганды, нѣтъ основаній: отъ правительства будетъ зависѣть указывать тѣхъ профессоровъ и преподавателей, удостовѣренія коихъ (по провѣркѣ послѣднихъ, съ точки зрѣнія ихъ подлинности, въ особой междувѣдомственной коммисіи) оно будетъ принимать въ соображеніе при опредѣленіи на службу; это такой острый контроль надъ частнымъ преподаваніемъ,

съ которымъ не можетъ сравниться никакое инспекторское наблюденіе; общее же *право* государственной службы предоставлено нынѣ всѣмъ сословіямъ, независимо отъ окончанія курса въ высшемъ учебномъ заведеніи.

„Сверхъ того—читаемъ далѣе въ запискѣ—необходимо образовывать ежегодно одну или двѣ испытательныя коммисіи, независимо отъ существующихъ испытательныхъ коммисій при университетахъ. Эти коммисіи засѣдали бы въ опредѣленное время въ разныхъ городахъ, преимущественно не университетскихъ, и производили бы испытанія желающихъ, выдавая имъ не дипломы, а удостовѣренія того же значенія, какъ выше указано. Если абитуріентъ былъ ранѣе въ университетѣ и съ успѣхомъ подвергался тамъ испытаніямъ по нѣкоторымъ предметамъ, то полученныя имъ на этихъ испытаніяхъ отмѣтки вписываются въ удостовѣреніе, если онъ того желаетъ. Вообще и въ коммисіи абитуріентъ держитъ экзаменъ по тѣмъ только предметамъ, по которымъ онъ самъ желаетъ.

Наконецъ, слѣдуетъ предоставить право каждому вѣдомству самому производить испытаніе молодыхъ людей, желающихъ поступить на службу, независимо отъ университетскихъ дипломовъ и коммисіонныхъ удостовѣреній или въ связи съ ними и въ дополненіе къ нимъ.

Установленіемъ такого порядка предоставлена будетъ возможность лицамъ, уволеннымъ изъ университетовъ, найти свою дорогу въ жизни, если они того пожелаютъ, и занять свое мѣсто въ гражданскомъ обществѣ. Самое исключеніе изъ университета потеряетъ свой острый характеръ и не будетъ никакой надобности и основанія прибѣгать къ обратному пріему разъ уволенныхъ студентовъ или къ переводу изъ одного университета въ другой...

...Съ формальной стороны уравнять дипломъ и удостовѣреніе было бы весьма полезно, дабы увольненіе изъ университета не носило одіознаго характера ограниченія правъ. Фактическая же разница между дипломомъ и удостовѣреніемъ

всегда останется, притомъ не столько практическая, сколько духовная, и это будетъ служить для студентовъ очень сильнымъ стимуломъ бояться увольненія изъ университета и всячески противодѣйствовать поводамъ къ его закрытію. Уволенный студентъ не будетъ являться, какъ нынѣ, „пострадавшимъ героемъ“, а удобства потеряетъ многія.

Интересы высшаго образованія, по нашему мнѣнію, не пострадаютъ вовсе. Подготовка лицъ, вступающихъ въ жизнь съ удостовѣреніями, а не съ дипломами, допустимъ, будетъ слабѣе той, которая пріобрѣтается систематическимъ прохожденіемъ курсовъ въ стройно организованной школѣ; но она ни въ какомъ случаѣ не будетъ ниже той, которая пріобрѣтается въ нашихъ университетахъ въ ихъ теперешнемъ состояніи. Развитіе же частныхъ курсовъ высшихъ наукъ, которое явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предлагаемаго порядка, несомнѣнно послужитъ на пользу высшему образованію и связаннымъ съ этимъ послѣднимъ государственнымъ интересамъ.“

Что касается мѣръ, которыя, по мнѣнію Николая Дмитріевича, должны были бы быть приняты въ самихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то эти мѣры онъ успѣлъ намѣтить въ запискѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. „Для устраненія удобства всякой политической пропаганды и революціонныхъ выступленій“ онъ признавалъ желательнымъ:

„1. Допускать молодыхъ людей къ пріему не позднѣе 1-го года по окончаніи курса средняго учебнаго заведенія.

2. Не допускать пребыванія въ университетѣ долѣе 4, а на медицинскомъ факультетѣ—5 лѣтъ.

3. По всякому выдержанному испытанію выдавать свидѣтельство, которое могло бы войти въ составъ коммисіоннаго удостовѣренія.

4. Всѣ стипендіи передать въ распоряженіе мѣстныхъ общественныхъ организацій и управленій средними школами.

5. Допускать къ пріему только тѣхъ молодыхъ людей, кои внесутъ плату сполна за первый годъ и представятъ

залоги или безспорныя поручительства на все продолженіе курса.

6. Безъ этого условія принимать лишь получившихъ медали въ средней школѣ.

7. Пріемъ студентовъ производить силами администраціи, а не учебнаго персонала; производить до начала учебнаго времени.

8. Никакого представительства студенческой массы, никакихъ сходокъ не устанавливать и не разрѣшать.

9. Если сходки будутъ происходить, то ихъ и не запрещать, а просто игнорировать. А если на сходкахъ будетъ происходить что-либо преступное, то предоставлять это вѣдѣнію общихъ, полицейскихъ и судебныхъ властей,—не скрывая и не вмѣшиваясь.

10. Всякія организаціи студентовъ, не имѣющія значенія представительства и, конечно, преступныхъ цѣлей, вполнѣ разрѣшать и даже имъ покровительствовать.

11. Въ университетъ не допускать постороннихъ, хотя бы пришлось ставить полицейскіе караулы, за которые взимать изъ средствъ университета деньги, какъ взимаются деньги за наряды полиціи въ театры и проч.

12. Всячески разбивать на части университетскія зданія и даже размѣщать ихъ въ разныхъ частяхъ города.

13. Въ университетахъ, слабыхъ преподавательскими силами, поднимать преподаваніе между прочими мѣрами также и путемъ гастролей, т. е. командированія хорошихъ профессоровъ для прочтенія образцовыхъ спеціальныхъ курсовъ, небольшихъ по размѣрамъ, напримѣръ, не свыше 36 часовъ, и не обязательныхъ для студентовъ.

14. Вводить настоящую семестральную систему, взамѣнъ того семестральнаго шутовства, которое введено было уставомъ 1884 года. Какъ въ университетахъ, такъ и въ гимназіяхъ при семестральной системѣ должны быть два пріема въ году: въ сентябрѣ и въ январѣ. Соотвѣтственно этому два момента окончанія курса: въ маѣ и въ декабрѣ. Къ

этому должно быть приспособлено все преподаваніе, т. е. преподаваніе каждаго предмета, расчитаннаго на годъ, должно начинаться и въ сентябрѣ и въ январѣ, предметы же, на преподаваніе которыхъ отдѣляется только одинъ семестръ, должны быть поставлены въ учебномъ планѣ такимъ образомъ, чтобы какъ поступившіе въ сентябрѣ, такъ и поступившіе въ январѣ могли посвятить имъ надлежащее время. При такомъ порядкѣ образуются въ учебныхъ заведеніяхъ какъ-бы двѣ паралели: осенняя—сентябрьская и зимняя—январская. Всякій, не выдержавшій экзамена, можетъ быть, вмѣсто оставленія на цѣлый годъ, переводимъ въ другую паралель, и тамъ не черезъ годъ, а черезъ ½ года онъ снова приступитъ къ экзаменамъ. Этого совершенно достаточно для пройденнаго, хотя бы и слабо, курса. Всѣмъ извѣстно, что при теперешнемъ порядкѣ второгодники всегда лѣнятся,—имъ дѣлать нечего и имъ скучно.

Въ результатѣ сократится время прохожденія курсовъ для малоспособныхъ или хворыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понизится и возрастъ оканчивающихъ курсъ высшей школы. Дальнѣйшее послѣдствіе: устраненіе застарѣнія студенческаго персонала—обстоятельство, имѣющее огромное значеніе съ точки зрѣнія водворенія порядка въ высшей школѣ. Общегосударственная польза при этомъ очевидна: молодежь не будетъ терять времени даромъ и количество образованныхъ людей, т. е. окончившихъ курсъ учебныхъ заведеній, разомъ увеличится."

Всѣ указанныя мѣры не даютъ, однако,—справедливо замѣчаетъ Николай Дмитріевичъ—полныхъ гарантій въ томъ, что наша высшая школа не будетъ „использована въ интересахъ революціи". Возможность повторенія событій, имѣвшихъ мѣсто въ университетахъ въ 1905—1906 годахъ, необходимо предвидѣть. Какъ же должна поступать въ подобныхъ случаяхъ правительственная власть?

Изъ сказаннаго ранѣе о причинахъ безпорядковъ въ высшей школѣ не трудно догадаться о содержаніи того отвѣта,

который долженъ былъ дать на этотъ вопросъ Сергѣевскій при свойственныхъ ему прямотѣ и послѣдовательности.

„При существованіи закона о такъ называемой университетской „автономіи“—читаемъ отрывочныя замѣтки въ его рукописи—необходимо неуклонно привлекать къ дисциплинарной отвѣтственности и предавать суду учебное начальство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не принимаетъ мѣръ къ предотвращенію и прекращенію безпорядковъ въ школѣ. Это есть единственно дѣйствительное средство поставить дѣло такъ, чтобы безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ, не всѣмъ были выгодны.

Недозволять сокращенія семестровъ. Всѣхъ преподавателей, кои не начнутъ своевременно занятій или прекратятъ оныя раньше положеннаго въ законѣ срока, привлекать къ отвѣтственности, не останавливаясь даже передъ преданіемъ суду...

Если продолженіе занятій сдѣлается невозможнымъ вслѣдствіе скандаловъ и буйствъ, забастовки, вторженія подъ покровительствомъ студентовъ постороннихъ лицъ и т. п.,—то ни въ какомъ случаѣ не забавляться призывами полиціи, вожденіемъ „въ манежъ“, трехрублевыми штрафами, равно и не допускать комическаго закрытія университета на нѣсколько дней, а прибѣгать къ серьезной мѣрѣ—къ закрытію университета совсѣмъ съ оставленіемъ за штатомъ всѣхъ служащихъ и съ увольненіемъ всѣхъ студентовъ. Этой мѣры не только не слѣдуетъ бояться, но она въ настоящее время является прямо необходимою: пока власть отъ этой мѣры воздерживается, до тѣхъ поръ никто въ силу власти не вѣритъ. Соображеніе: „не рѣшатся закрыть совсѣмъ“,—есть главная поддержка нашихъ смутьяновъ въ профессорскомъ составѣ. Совсѣмъ другое будетъ поведеніе, когда г.г. профессора воочію увидятъ, что власть очень просто рѣшается „закрыть“, а ихъ всѣхъ уволить. Да и г.г. революціонеры вовсе не желаютъ настоящаго закрытія высшихъ учебныхъ заведеній: въ ихъ планы входитъ лишь комедія временнаго

закрытія и прекращенія занятій; это плодитъ смуту; это увеличиваетъ число безпутной учащейся-неучащейся молодежи, а настоящее закрытіе имъ невыгодно".

XVI.

Теченіе университетской жизни послѣ ухода Сергѣевскаго изъ С.-Петербургскаго университета помѣшало ему, какъ было замѣчено выше, осуществить свое намѣреніе относительно возвращенія въ университетъ въ роли нештатнаго преподавателя — возобновить лекціи въ университетѣ ему не пришлось. Судьбѣ было угодно, однако, чтобы окончилъ Николай Дмитріевичъ свою жизнь все-же профессоромъ высшаго учебнаго заведенія. Въ маѣ 1906 года совѣтъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія обратился къ Николаю Дмитріевичу съ предложеніемъ занять въ Училищѣ каѳедру уголовнаго права, сдѣлавшуюся вакантной вслѣдствіе ухода изъ Училища въ 1905 году занимавшаго эту каѳедру впродолженіи почти 40 лѣтъ Н. С. Таганцева. Николай Дмитріевичъ охотно принялъ это предложеніе и съ осени 1906 года сдѣлался вновь преподавателемъ уголовнаго права. 20 февраля 1908 года онъ былъ назначенъ кромѣ того членомъ совѣта Училища Правовѣдѣнія и принялъ на себя руководительство и наблюденіе за преподаваніемъ и учебными занятіями на старшемъ курсѣ, т. е. въ трехъ послѣднихъ классахъ училища, соотвѣтствующихъ по программѣ юридическому факультету. Это было новое, большое дѣло, и притомъ дѣло Николаю Дмитріевичу очень близкое. Дѣлу этому и были отданы имъ послѣдніе дни его столь неожиданно и безвременно прервавшейся жизни. Кромѣ заботъ о наилучшей постановкѣ чисто учебной стороны преподаванія, Сергѣевскимъ былъ задуманъ и отчасти началъ уже осуществляться рядъ мѣръ въ цѣляхъ расширенія вообще кругозора учащихся, поднятія въ воспитанникахъ интереса

къ научнымъ вопросамъ, подготовкѣ изъ нихъ будущихъ стойкихъ защитниковъ русской государственности. Онъ лелѣялъ мысль обезпечить для оканчивающихъ Училище Правовѣдѣніе возможность пріобрѣтенія въ Училищѣ основательнаго знакомства съ финляндскимъ правомъ, чтобы вооруженные необходимыми знаніями и вѣрные традиціямъ Училища правовѣды могли пополнять собою кадры бойцовъ за русское дѣло въ столь близкой и въ то же время столь далекой отъ насъ финляндской окраинѣ; осуществленію этой мысли должно было особенно помочь хорошее знаніе большинствомъ воспитанниковъ Училища нѣсколькихъ языковъ и сравнительная легкость для нихъ благодаря этому изученія языковъ финскаго и шведскаго. Много, очень много могъ дать Сергѣевскій Училищу Правовѣдѣнія, еслибы онъ остался болѣе продолжительное время во главѣ преподавателей старшаго курса. Но суждено было иное: Училищу пришлось его лишиться едва онъ успѣлъ сдѣлать въ качествѣ руководителя учебной части на старшемъ курсѣ первые шаги.

XVII.

Неожиданная смерть Николая Дмитріевича въ ночь съ 24 на 25 сентября, послѣ немногихъ часовъ страданій, явилась для всѣхъ его знавшихъ громовымъ ударомъ. Лицамъ, видѣвшимъ наканунѣ этого богатырски сложеннаго, несокрушимаго духовно и, казалось бы, столь же несокрушимаго физически человѣка, извѣстіе о ней представлялось какимъ-то мучительнымъ кошмаромъ, тяжелымъ сномъ, повѣрить въ реальность котораго отказывались не только сердце, но и умъ. Слишкомъ великъ еще и очевиденъ для всѣхъ былъ неизрасходованный имъ запасъ жизни и энергіи, слишкомъ громко звучалъ его твердый голосъ, слишкомъ много еще сохранилось въ немъ, такъ рѣдко переживающихъ у насъ молодость, желанія бороться за свои убѣжденія и вѣры въ неминуемую побѣду праваго дѣла, чтобы можно было безъ протеста примириться съ мыслью, что земной путь этого человѣка уже оконченъ, что уста его сомкнулись на вѣки, что изъ-подъ его пера не выйдетъ больше ни одной строки.

Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій былъ мужественный и стойкій человѣкъ, человѣкъ правдиваго слова, твердыхъ убѣжденій. Всегда и вездѣ онъ открыто высказывалъ свое мнѣніе, высказывалъ спокойно и убѣжденно, иногда даже въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Всякая изворотливость и ложь были органически противны его прямой, честной натурѣ. Ни въ какой сферѣ дѣятельности, не исключая и политической, онъ не допускалъ „двоедушнаго, двоязычнаго языка“, іезуитской морали, оправдывающей все, даже ложь, если она вызывается соображеніями „тактики“ и „техники“. Лица, говорящія сегодня одно, а завтра дру-

гое, сегодня являющіяся въ союзѣ съ революціонерами, а завтра отъ нихъ отказывающіяся, какими бы „тактическими“ соображеніями они ни прикрывались, оставались все же въ его глазахъ не заслуживающими ни малѣйшаго уваженія лгунами. Не въ союзы вступать честнымъ людямъ съ подобными господами,—восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ работъ—а, употребляя выраженіе Петра Великаго, „мерзить имъ надлежитъ!“ („Ѣшь меня, Собака!“, стр. 35—41).

Отличительной чертой сужденій Николая Дмитріевича, наблюдавшейся одинаково какъ въ научныхъ его трудахъ, такъ и въ обыденной жизни, была всегда большая объективность. Черту эту правильно отмѣтилъ въ своемъ письмѣ юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета въ словахъ: „Вашъ твердый и нелицепріятный голосъ по вопросамъ, порою весьма сложнымъ и щекотливымъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію факультета, поддерживалъ, а иногда даже вносилъ въ сужденія послѣдняго спокойное объективное къ нимъ отношеніе“ (см. выше, стр. 95). Еще ярче обрисовалъ Сергѣевскаго съ этой стороны М. М. Бородкинъ, остановившись на его отношеніи къ финляндскому вопросу и показавъ какъ мало были заслужены Николаемъ Дмитріевичемъ упреки въ „финнофобствѣ“ („Окраины Россіи“ 1909 г., № 4, стр. 51—52). Въ научныхъ работахъ этотъ объективизмъ былъ, конечно, особенно цѣненъ. Какъ и каждый ученый, Сергѣевскій не всегда былъ правъ; его освѣщеніе вопроса бывало иногда ошибочно, но оно никогда не бывало тенденціозно.

Но, объективный и спокойный въ сужденіяхъ, Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій представлялся совершенно инымъ, когда шла рѣчь о защитѣ выставленныхъ имъ положеній. Въ защитѣ своего credo онъ проявлялъ твердость, настойчивость и пламенную горячность: Сергѣевскій понималъ только „горячее“ отношеніе къ дѣлу; людей „тепленькихъ“ (см. выше, стр. 116) онъ не любилъ и не уважалъ. Чтобы проповѣдывать и отстаивать исповѣдуемыя имъ убѣжденія, Николаю Дмитріевичу надо было имѣть много духовнаго муже-

ства. Духовное мужество составляло отличительную черту его характера, „выдающуюся и плѣнительную черту“—какъ выразился въ своей прекрасной рѣчи о Сергѣевскомъ, произнесенной на четвертомъ Бобриковскомъ обѣдѣ (3 февраля 1909 года), Н. А. Звѣревъ—„столь рѣдкую, къ прискорбію, среди русскихъ людей въ наши лукавые дни“. Самъ профессоръ и бывшій ректоръ старѣйшаго русскаго университета, Н. А. Звѣревъ ярко и образно изобразилъ передъ слушателями въ своей рѣчи на названномъ обѣдѣ условія и обстановку, въ которыхъ приходилось дѣйствовать Сергѣевскому въ качествѣ профессора: „Большую и лучшую часть своей жизни—сказалъ Звѣревъ—покойный Николай Дмитріевичъ провелъ за рабочимъ столомъ ученаго и каѳедрой профессора-преподавателя, прожилъ въ университетской средѣ; а одною изъ характерныхъ сторонъ этой среды является своеобразная духовная нетерпимость: тамъ царствуютъ и правятъ умами излюбленные научные каноны, признаваемые непогрѣшимыми, сознательное отступленіе отъ которыхъ карается своего рода отлученіемъ, проявляемымъ въ разнообразныхъ и порою больно воспринимаемыхъ формахъ. Разумѣется, непререкаемые каноны берутся съ запада, и наши почтенные водовозы западной мысли ревниво и строго охраняютъ чистоту источника, изъ котораго они черпаютъ. Какъ это ни покажется страннымъ съ перваго взгляда, но въ ученой средѣ нашей устанавливается своего рода духовная тиранія, воспрещающая думать и чувствовать по-русски. И нужно имѣть большой запасъ душевныхъ силъ, обладать особымъ духовнымъ мужествомъ, чтобы бороться съ этою тираніею, прямодушно выступать съ исповѣданіемъ своихъ національныхъ началъ и являться ихъ рыцаремъ-защитникомъ среди враждебно настроеннаго стана. Натурамъ рядовымъ, а тѣмъ болѣе слабымъ, такая роль не по плечу: обыкновенно они глубоко хоронятъ въ себѣ свои сокровенныя мысли, если онѣ не согласуются съ канонизированными воззрѣніями, или, того хуже, рабьимъ языкомъ вторятъ господ-

ствующимъ мотивамъ. Яркимъ исключеніямъ являлся въ этомъ отношеніи покойный Николай Дмитріевичъ; широко и всесторонне знакомый съ западными научными теченіями, но одаренный острымъ, наблюдательнымъ и трезвымъ умомъ, онъ не отдавался въ плѣнъ западной мысли, а подходилъ къ анализу и оцѣнкѣ явленій со своею оригинальною русскою точкою зрѣнія и часто въ вопросахъ самыхъ существенныхъ и важныхъ расходился съ общепризнанными доктринами, какъ-бы слѣдуя благородному завѣту нашего славнаго поэта: „дорогою свободной иди куда влечетъ тебя свободный умъ, усовершенствуя плоды любимыхъ думъ“... Мало того, онъ имѣлъ рѣдкое мужество исповѣдывать и проповѣдывать тѣ выводы, къ которымъ приводила его пытливая научная работа, согрѣтая горячею любовью къ матери-родинѣ. И какъ же доставалось ему порою за это мужество! Сколько тяжелыхъ и горькихъ минутъ,—думать нужно,—пережилъ онъ за вѣрность своимъ русскимъ убѣжденіямъ! Но никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, онъ не измѣнялъ себѣ и своему знамени, оставивъ свѣтлый слѣдъ въ русской умственной жизни послѣднихъ десятилѣтій“ („Окраины Россіи“ 1909 г., № 6, стр. 88).

Если профессорская и научная дѣятельность Николая Дмитріевича требовали отъ него большого запаса духовнаго мужества, то въ еще большой степени, конечно, ему приходилось проявлять это мужество въ дѣятельности общественно - политической. Въ доказательство его твердости въ исповѣданіи политическихъ убѣжденій, оставляя въ сторонѣ его печатныя произведенія, достаточно указать на ту рѣшительность и стойкость, съ которыми онъ защищалъ начало единства русскаго государства въ финляндскомъ вопросѣ, защищалъ мужественно, не отступая ни на шагъ отъ занятой имъ позиціи, не смотря на неоднократную смѣну господствующихъ настроеній. Изъ исторіи борьбы Сергѣевскаго съ финляндскими домогательствами особаго упоминанія заслуживаетъ одинъ эпизодъ, касающійся его участія въ

1905 году въ образованной, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ сенатора Таганцева, подготовительной коммисіи для обсужденія предположеній о разграниченіи общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательствъ, выработанныхъ въ коммисіи, учрежденной Финляндскимъ Сенатомъ. Всѣмъ было извѣстно, что назначеніе Сергѣевскаго въ составъ этой коммисіи, въ октябрѣ 1904 года, послѣдовало по волѣ и выбору Государя Императора. Тѣмъ страннѣе было прочесть въ маѣ 1905 года о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на освобожденіе сенатора Сергѣевскаго, согласно прошенію, отъ дальнѣйшаго участія въ трудахъ коммисіи сенатора Таганцева. Разгадку этого непонятнаго на первый взглядъ и столь непохожаго на Николая Дмитріевича Сергѣевскаго уклоненія отъ работы, къ которой его призывала Высочайшая воля и исключительную важность которой онъ сознавалъ лучше чѣмъ кто-либо другой, даетъ слѣдующее письмо его, написанное 27 апрѣля 1905 года временно исполнявшему въ то время обязанности Министра Статсъ-Секретаря по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго Э. А. Эрштрему: „Милостивый Государь Эдуардъ Андреевичъ! Въ засѣданіи Высочайше учрежденной подготовительной коммисіи по разграниченію общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательства состоялось 23 апрѣля сего года заключеніе о томъ, что вырабатываемый проектъ опредѣленія предметовъ общегосударственнаго законодательства долженъ быть переданъ на разрѣшеніе Финляндскаго Сейма, въ качествѣ сеймоваго финляндскаго закона. Сообразно сему, какъ нынѣ, такъ и впредь предметы общегосударственнаго законодательства должны будутъ опредѣляться не иначе, какъ съ согласія Финляндскаго Сейма. По моему глубокому убѣжденію, такой порядокъ является противнымъ основному началу государственнаго единства Россіи, даетъ Финляндіи самостоятельное, обособленное государственное положеніе, притомъ первенствующее сравнительно съ Имперіей, и ограничиваетъ

власть Государя Императора волею мѣстнаго финляндскаго собранія въ дѣлѣ разрѣшенія не мѣстныхъ финляндскихъ, а общегосударственныхъ вопросовъ, касающихся всей Россіи. Въ виду полнаго противорѣчія приведеннаго заключенія Коммисіи съ моими искренними убѣжденіями касательно правъ Верховной власти въ Россіи и началъ государственнаго единства, дальнѣйшее мое участіе въ трудахъ Коммисіи, не принося никакой пользы дѣлу, явится въ то же время крайне тягостнымъ для моей политической совѣсти. Вслѣдствіе сего позволяю себѣ обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи, въ надлежащемъ порядкѣ, увольненія меня отъ исполненія обязанностей члена Коммисіи. Прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго уваженія и преданности. *Н. Сергѣевскій*".

Вся жизнь Николая Дмитріевича Сергѣевскаго представляла изъ себя сплошной трудъ, трудъ разнообразный, но объединенный и одухотворенный одной идеей—идеей служенія наукѣ и родинѣ: „Въ его ученыхъ трудахъ, въ его публицистическихъ статьяхъ, въ его общественной дѣятельности, какъ аріаднина нить, какъ жизненный нервъ—всюду проходила любовь къ своему, родному, русскому. Вотъ чѣмъ дорогъ особенно намъ Николай Дмитріевичъ"—сказалъ М. М. Бородкинъ въ своей теплой рѣчи, произнесенной 27 сентября 1908 года надъ его свѣжей могилой: „Вотъ чѣмъ онъ долженъ служить достойнымъ примѣромъ для подражанія молодому поколѣнію, желающему посвятить свои труды, свой талантъ, свою жизнь близкому, родному, русскому народу. И вотъ почему я бы желалъ, чтобы для молодежи не „заросла тропа" къ его литературнымъ трудамъ; въ нихъ она обрѣтетъ чистый источникъ теплой, священной любви къ Россіи"... („Окраины Россіи" 1908 г., № 40, стр. 567—568).

Съ виду суровый и строгій, Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій былъ на самомъ дѣлѣ отзывчивый и добрый человѣкъ, понимавшій и близко принимавшій къ сердцу чужую

нужду. Какъ начальникъ, онъ былъ требователенъ, но среди его бывшихъ подчиненныхъ едва ли найдется хотя одинъ, который не помянетъ его добрымъ словомъ. Лица, желавшія серьезно работать, могли быть увѣрены въ томъ, что трудъ ихъ будетъ оцѣненъ Сергѣевскимъ и что никакія протекціи ихъ сослуживцевъ не помѣшаютъ ему отличить ихъ, воздать имъ должное по ихъ заслугамъ. Входя въ кабинетъ статсъ-секретаря Отдѣленія Свода Законовъ, многіе изъ молодыхъ его подчиненныхъ испытывали, правда, чувство робости, но вызывалась эта робость главнымъ образомъ внушительной, богатырской фигурой Сергѣевскаго. По мѣткому выраженію А. С. Стишинскаго, „маститая фигура Николая Дмитріевича напоминала сказочныхъ богатырей русскаго эпоса, въ образѣ которыхъ народное поэтическое творчество олицетворило борцовъ за Русь“ („Окраины Россіи“ 1908 г., № 49, стр. 705). Въ недоступности Сергѣевскаго никто не могъ упрекнуть. Каждый канцелярскій чиновникъ могъ ему смѣло изложить свою нужду и быть увѣреннымъ въ томъ, что если его просьба заслуживаетъ вниманія, то все, что можно сдѣлать для него, Сергѣевскимъ будетъ сдѣлано. Съ особеннымъ удовольствіемъ помогалъ Николай Дмитріевичъ лицамъ, желавшимъ продолжать свое образованіе. Такъ, одному журналисту Отдѣленія Свода Законовъ онъ далъ возможность, оставаясь на службѣ, прослушать курсъ юридическаго факультета и выхлопоталъ ему разрѣшеніе сдать государственные экзамены.

Учащимся Сергѣевскій вообще помогалъ охотно и много, но про это почти никому не было извѣстно. Съ того времени какъ онъ сдѣлался профессоромъ и началъ достаточно зарабатывать, у него всегда былъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по крайней мѣрѣ одинъ личный стипендіатъ— обыкновенно выдающійся по своимъ способностямъ ученикъ, окончившій земскую школу прихода того села, около котораго находилось принадлежавшее Сергѣевскому родовое имѣніе. Этотъ же видъ помощи онъ сдѣлалъ основной и единственной задачей учрежденнаго имъ въ 1902 году, со-

вмѣстно съ покойнымъ инспекторомъ Училища Правовѣдѣнія П. К. Покровскимъ, въ память бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Михаила Николаевича Капустина, „Общества вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.“ Зная какъ тяжело для народнаго учителя оставлять безъ образованія своихъ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ трудно и даже непосильно для человѣка, получающаго ничтожное жалованье и имѣющаго большую семью, содержать дѣтей въ учебномъ заведеніи, учредители общества рѣшили собирать средства и расходовать ихъ на выдачу пособій состоящимъ на службѣ и ранѣе служившимъ народнымъ учителямъ, обремененнымъ многочисленными семействами, на воспитаніе дѣтей, помѣщаемыхъ въ среднія учебныя заведенія. Обращаясь въ 1904 году, въ качествѣ предсѣдателя правленія, къ членамъ общества съ просьбою не оставлять бѣдное матеріальными средствами общество своей поддержкой и хорошо понимая, что пожертвованія русскихъ людей должны были устремиться въ то время главнымъ образомъ на нужды нашихъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ и что благодаря этому всякая иная благотворительность должна была сократиться, Сергѣевскій писалъ: „Тѣмъ не менѣе правленіе считаетъ возможнымъ обратиться къ доброму сердцу членовъ общества съ просьбою не оставлять и нынѣ своею поддержкою слабыя средства общества. Помощь учителямъ народныхъ школъ есть такое великое общее дѣло, что оно не теряетъ своего значенія и въ наши трудные дни. Не забудемъ знаменательныхъ словъ, такъ недавно раздавшихся послѣ кровавой борьбы двухъ народовъ: „Школьный учитель побѣдилъ“. Помогите же, добрые люди, русскому школьному учителю въ самой тяжелой его нуждѣ: въ воспитаніи и образованіи его дѣтей“.— И со стороны Сергѣевскаго это не были только красивыя фразы. Народные учителя это отлично поняли и сразу почувствовали въ немъ близкаго имъ человѣка, когда въ 1908 году,

за мѣсяцъ до смерти, онъ пріѣхалъ въ Вильну на ихъ съѣздъ (см. выше, стр. 122). Когда передъ закрытіемъ съѣзда участники его, въ лицѣ своего представителя, благодарили Николая Дмитріевича за вниманіе, онъ, растроганный, обратился къ нимъ съ теплой, сердечной рѣчью, но не окончилъ ея и въ слезахъ ушелъ въ другую комнату. Надо ли удивляться тому, что послѣ кончины Сергѣевскаго одинъ изъ главныхъ дѣятелей на Виленскомъ съѣздѣ учителей, едва ли знавшій его лично ранѣе, пишетъ редактору „Окраинъ Россіи“: „Все еще не могу помириться съ мыслью, что нѣтъ уже нашей надежды, этого истиннаго богатыря честной русской мысли, Николая Дмитріевича Сергѣевскаго. Я оплакиваю его какъ родного“ („Окраины Россіи“ 1908 г., № 40, стр. 567).

XVIII.

Сергѣевскій умеръ, не дождавшись того дня, когда ученому на Руси будетъ позволено быть націоналистомъ. Еще въ послѣдней своей рѣчи въ Русскомъ Окраинномъ Обществѣ онъ указывалъ на это, говоря, что русскій націонализмъ не имѣетъ у насъ пока права на существованіе: „Любопытный періодъ исторіи мы переживаемъ—говорилъ онъ: русскіе люди должны образовывать чуть-что не тайныя общества для защиты русской національности и русской государственности отъ собственныхъ, когда-то покоренныхъ дѣдами, инородцевъ. Побѣдители, если не превратились еще въ побѣжденныхъ, то оказались какими-то сконфуженными, виновными... Слова: „русскій," „истинно-русскій" не болѣе какъ два года тому назадъ употреблялись въ качествѣ ругательныхъ; надъ словомъ „патріотъ" глумятся печатно профессора въ академическихъ изданіяхъ. Такъ называемое „освободительное движеніе" окрашено было сплошь отрицаніемъ русскаго національнаго чувства, притомъ только русскаго, а не польскаго, и не финскаго, и не еврейскаго. Всѣ эти народы и народцы имѣли право на національное чувство и его подъемъ; только русскій націонализмъ не признавался—его объявляли или „ремесломъ и промысломъ" или „неврастеніей" („Русское Окраинное Общество," стр. 6). Смерть Сергѣевскаго явилась новымъ подтвержденіемъ горькой истины, выраженной въ только что приведенныхъ его словахъ. На гробъ Сергѣевскаго было возложено множество вѣнковъ, семья его получила массу сочувственныхъ телеграммъ, въ большинствѣ періодическихъ изданій были напечатаны его

некрологи [33]), но какъ извѣстный русскій ученый онъ имѣлъ право на другія почести, воздаваемыя только людямъ науки и крупнѣйшимъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, и этихъ почестей ему оказано не было.

Въ ученыхъ обществахъ всѣхъ странъ существуетъ обычай въ случаяхъ смерти не только выдающихся своихъ сочленовъ, но и вообще извѣстныхъ ученыхъ по данной спеціальности, посвящать обзору и оцѣнкѣ ихъ дѣятельности доклады, рѣчи и даже цѣлыя засѣданія. Этого прекраснаго обычая „публичныхъ поминокъ“ издавна держится и С.-Петербургское юридическое общество. Обозрѣвая въ юбилейномъ засѣданіи 23 февраля 1902 года дѣятельность С.-Петербургскаго юридическаго общества за первые двадцать пять лѣтъ его существованія, А. Ф. Кони, болѣе всѣхъ способствовавшій своимъ талантомъ достойному выполненію юридическимъ обществомъ своего долга по отношенію къ почившимъ сочленамъ, правильно оцѣнилъ моральное значеніе этого обычая—возданія посильной дани уваженія сошедшимъ съ жизненной сцены дѣятелямъ, отмѣтивъ, что ему особенно пріятно было видѣть на этихъ „поминкахъ“ нашу учащуюся молодежь. „Намъ думается—сказалъ между прочимъ Анатолій Федоровичъ—что разсказъ о безкорыстномъ, полномъ труда, терпѣнія и любви служеніи родинѣ со стороны тѣхъ, о чьей почтенной жизни и „непостыдномъ“ концѣ шла рѣчь, не могъ быть безполезенъ и безплоденъ для нашихъ молодыхъ слушателей. Намъ и тогда, и теперь хотѣлось имъ повторить слова Виктора Кузена, передъ разлукою его со своею аудиторіею въ Collège de France, въ 1853 году: „Entretenez en vous le noble sentiment du respect... Sachez admirer; ayez le culte des grands hommes et des grandes choses“ (Отчетъ

[33]) Изъ некрологовъ Н. Д. Сергѣевскаго, кромѣ помѣщеннаго въ газетѣ „Окраины Россіи,“ о которомъ упоминается ниже, отмѣтимъ: проф. *Жижиленко* въ „Правѣ“ (№ 40, стр. 2157—2161), г. *Рудакова* въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (ноябрь, стр. 623—632) и редакціонный въ „Вѣстникѣ Полиціи“ (№ 41, стр. 6—7).

по юридическому обществу при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1902 годъ, стр. 65—66).

Для С.-Петербургскаго юридическаго общества Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій былъ не только извѣстный русскій криминалистъ, изъ учебника котораго въ теченіе уже многихъ лѣтъ почерпаютъ свои знанія по уголовному праву болѣе половины всѣхъ получающихъ юридическое образованіе въ Россіи. Для С.-Петербургскаго юридическаго общества онъ былъ прежде всего его пожизненный, видный и ранѣе очень дѣятельный членъ, руководительству и трудамъ котораго, въ бытность Сергѣевскаго предсѣдателемъ уголовнаго отдѣленія, общество было обязано значительною частью своей былой славы и той роли, которую ему пришлось сыграть при выработкѣ и обсужденіи проекта новаго уголовнаго уложенія. Простое приличіе, казалось бы, обязывало совѣтъ общества вспомнить это и, забывъ о различіи политическихъ убѣжденій, воздать памяти Сергѣевскаго должную дань, хотя бы не по внутреннимъ побужденіямъ, а только для того, чтобы избавить общество, честь котораго совѣтъ долженъ охранять, отъ упрековъ въ неблагодарности. Но, увлеченные чувствомъ партійности, руководители общества этого не сдѣлали. Они не только не посвятили Сергѣевскому торжественнаго засѣданія, какъ это было сдѣлано по отношенію къ Градовскому, Неклюдову, Стояновскому и другимъ, не только не позаботились о томъ, чтобы его память была почтена произнесеніемъ въ честь его рѣчи, они не сочли нужнымъ даже возложить на гробъ Сергѣевскаго вѣнка.

Въ неблагодарности по отношенію къ Сергѣевскому приходится упрекнуть, однако, не одно только С.-Петербургское юридическое общество. Отъ преемника Сергѣевскаго по должности редактора „Журнала Министерства Юстиціи“ также можно было ждать, что онъ сочтетъ своимъ долгомъ запечатлѣть въ памяти своихъ читателей свѣтлый образъ основателя журнала—крупнаго ученаго и

великаго патріота земли русской. Проф. Дерюжинскій этого не сдѣлалъ,—и это очень жаль: недостаточнаго вниманія къ памяти Сергѣевскаго никто не поставитъ ему въ заслугу.

Полною противоположностью холодному молчанію, которымъ была встрѣчена смерть Сергѣевскаго въ тѣхъ кругахъ, къ которымъ онъ принадлежалъ въ качествѣ ученаго юриста и профессора, явилась та неподдѣльная, искренняя скорбь, съ какою оплакали Николая Дмитріевича, и въ С.-Петербургѣ и на далекихъ окраинахъ, русскіе люди — цѣнители его государственной и общественной дѣятельности. Достаточно даже бѣглаго взгляда на полученныя семьею покойнаго телеграммы, часть которыхъ была напечатана въ „Окраинахъ Россіи“ (1908 г., № 40, стр. 568), чтобы замѣтить, что языкъ ихъ — языкъ не оффиціальнаго только соболѣзнованія. Это чувствуется уже въ телеграммѣ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта М. Г. Акимова („Внезапная кончина уважаемаго Николая Дмитріевича меня поразила, опечалила. Въ лицѣ его Государственный Совѣтъ лишился образованнаго законовѣда, правдиваго и стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ дѣятеля. Благоволите принять мое соболѣзнованіе въ Вашемъ великомъ горѣ“); еще сильнѣе это выражено въ телеграммахъ, полученныхъ съ окраинъ, въ особенности въ телеграммѣ предсѣдателя Виленскаго общества „Крестьянинъ“ Ковалюка: „Всѣмъ сердцемъ раздѣляемъ Вашу скорбь, Ваше безпредѣльное горе; незабвеннаго Николая Дмитріевича оплакиваемъ, какъ родного. Извѣстіе о его внезапной кончинѣ весьма поразило русскихъ виленцевъ; такъ еще недавно мы удостоились видѣть его съ нами на нашихъ засѣданіяхъ въ Русскомъ Собраніи, гдѣ онъ обворожилъ всѣхъ. Не вѣрится, что его уже нѣтъ, что его мощное благородное слово замерло уже на вѣки. Нѣтъ нашего доблестнаго вождя въ честномъ служеніи родинѣ, нѣтъ лучшаго изъ сыновъ Россіи. Вѣчная, вѣчная ему память.“—Вслѣдъ за телеграммами послѣдовали горячія статьи въ газетахъ, взволнованныя рѣчи на могилѣ

при опусканіи въ землю праха [34]), теплый некрологъ и рядъ статей, посвященныхъ памяти Николая Дмитріевича, въ газетѣ „Окраины Россіи“ [35]).—29 ноября 1908 года Русское Окраинное Общество созвало для чествованія памяти Николая Дмитріевича чрезвычайное собраніе, на которомъ, послѣ панихиды, отслуженной членомъ Государственной Думы, епископомъ Митрофаномъ и вступительнаго слова о Николаѣ Дмитріевичѣ предсѣдателя собранія А. С. Стишинскаго, М. М. Бородкинымъ была произнесена прекрасная рѣчь на тему: „Н. Д. Сергѣевскій и его отношеніе къ финляндскому вопросу“ [36]). Рѣчи М. М. Бородкина предшествовала моя рѣчь о Николаѣ Дмитріевичѣ Сергѣевскомъ, какъ ученомъ и профессорѣ. Закончилъ я свою рѣчь о Николаѣ Дмитріевичѣ въ Русскомъ Окраинномъ Обществѣ, помнится, почти тѣми же словами, какими онъ самъ когда-то закончилъ свой некрологъ о Н. А. Неклюдовѣ. Ими же я позволю себѣ закончить и настоящій очеркъ:

„Миръ праху твоему, прекрасный человѣкъ и замѣчательный дѣятель! Да будетъ тебѣ легка родная земля, которой ты потрудился вѣрой и правдой. Пусть жизнь твоя послужитъ примѣромъ, а память о тебѣ—источникомъ бодрости духа и трудовой энергіи для всѣхъ истинныхъ слугъ своего отечества“.

---

[34]) „Окраины Россіи“ 1908 г., № 40, стр. 566—567.

[35]) Тамъ же, № 39, стр. 545; № 40, стр. 561—568.

[36]) Отчетъ о собраніи и рѣчь А. С. Стишинскаго напечатаны въ № 49 газеты „Окраины Россіи“, стр. 705—707 и 715—716; рѣчь М. М. Бородкина въ №№ 2—4 той же газеты за 1909 годъ (№ 2, стр. 19—22., № 3, стр. 35—38., № 4, стр. 51—54) и отдѣльной брошюрой въ гор. Харьковѣ (1909 г.).

Общій хронологическій указатель

ПЕЧАТНЫХЪ ТРУДОВЪ

НИКОЛАЯ ДМИТРІЕВИЧА СЕРГѢЕВСКАГО.

(1875—1908 г. г.)

1875. — Основныя начала и формы уголовнаго процесса. Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея, кн. 9, стр. 595—614.

— О судѣ присяжныхъ. Тамъ же, кн. 11, стр. 1—92.

1878. — Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ австрійскомъ процессѣ. Журналъ гражданскаго и уголовнаго права, кн. 1, стр. 84—102.

— Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ общегерманскомъ процессѣ. Тамъ же, кн. 2, стр. 89—124.

1879. — Философскіе пріемы и наука уголовнаго права. Тамъ же, кн. 1, стр. 39—87.

— Шеффенгерихтъ въ русской литературѣ. Нѣсколько замѣчаній по поводу книги г. Палаузова: «Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи» (Одесса, 76). Юридическій Вѣстникъ, кн. 3, стр. 303—315.

— Лишеніе жизни, какъ уголовное наказаніе. Тамъ же, кн. 6, стр. 829—860.

— Преступленіе и наказаніе, какъ предметъ юридической науки. (Задача науки уголовнаго права). Тамъ же, кн. 12, стр. 887—904.

— Область примѣненія порядка частнаго обвиненія въ русскомъ правѣ и лѣстница общихъ наказаній по уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. (Справка). Врем. Демид. юрид. лицея, кн. 19, прил. № 1, стр. 1—8.

Въ настоящій указатель печатныхъ произведеній Н. Д. Сергѣевскаго не вошли работы, исполнявшіяся имъ по службѣ; отзывы о студенческихъ сочиненіяхъ; краткія рецензіи о новыхъ книгахъ, печатавшіяся въ издаваемой юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета въ 1884—1886 г.г. „Юридической Библіографіи“ [№№ 34 (стр. 50—53), 40 (стр. 64—65), 41 (стр. 234—235)] и разныхъ юридическихъ журналахъ; статьи и замѣтки, почти ежемѣсячно помѣщавшіяся имъ безъ подписи въ издаваемой имъ „Юридической Лѣтописи“ (1890—1892 г.г.); изданные подъ его редакціей труды уголовнаго отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества, и статьи въ газетахъ „Русскія Вѣдомости“ и „Новое Время“.

— Программа науки уголовнаго права. Тамъ же, кн. 20, стр. 356—382.

1880. — О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ. Изслѣдованіе. Ярославль. 2 тома. (Врем. Демид. юрид. лицея, кн. 21, стр. 1—130; кн. 22, стр. 131—193).

— Программа общей части русскаго уголовнаго права. Врем. Демид. юрид. лицея, кн. 22, стр. 1—28.

— Рѣчь, произнесенная 4 мая 1880 года на диспутѣ въ С.-Пе, тербургскомъ университетѣ. Журн. гражд. и уголовн. права-кн. 3, замѣтки, стр. 113—126.

1881. — О правѣ наказанія. Юрид. Вѣст., кн. 3, стр. 415—457.

— Das Verbrechen und die Strafe als Gegenstand der Rechtswissenschaft (Aufgabe der Strafrechtswissenschaft). Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft, B. I, S. 211—221.

1882. — Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Ярославль. (Врем. Демид. юрид. лицея, кн. 28, стр. I—IX+1—110). (2 изд.—Спб., 1891 г.; 3 изд.—1900 г.; 4 изд.—1908 г.).

— Антропогическое направленіе въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи (Новая школа въ Италіи). Юрид. Вѣст., кн. 1, стр. 209—221.

— Проекты Уголовнаго Уложенія 1754—1766 годовъ. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены. Текстъ подъ редакціей А. А. Востокова. Предисловіе Н. Д. Сергѣевскаго. С.-Петербургъ.

1883. — Современныя задачи уголовнаго законодательства въ Россіи. Журн. гражд. и уголовн. права, кн. 3, стр. 107—133.

— Общая часть уголовнаго уложенія по проекту редакціонной коммисіи. (Критическій очеркъ). Тамъ же, кн. 9, стр. 1—38; кн. 10, стр. 99—175. (Сводъ замѣчаній на проектъ общей части. С.-Петербургъ, 1884 г., т. IV, стр. 361—438).

1884. — Смертная казнь въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Тамъ же, кн. 9, стр. 1—56.

1886. — Тѣлесное наказаніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Тамъ же, кн. 1, стр. 1—36.

— Тюремное заключеніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Юрид. Вѣст., кн. 4, стр. 642—674.

— Конспектъ лекцій особенной части уголовнаго права, читанныхъ въ 1886 году. С.-Петербургъ.

1887. — О ссылкѣ въ древней Россіи. Рѣчь въ годовомъ собраніи

С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 8 марта 1887 года. С.-Петербургъ.

— Ссылка въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Журн. гражд. и уголов. права, кн. 3, стр. 1—34.

— Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. С.-Петербургъ (2 изд.—1890 г.; 3 изд.—1896 г.; 4 изд.—1900 г.; 5 изд., съ дополненіями проф. А. А. Жижиленко—1904 г.; 6 изд.—1905 г.; 7 изд.—1908 г.; 8 изд.—1910 г.).

— Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть особенная. С.-Петербургъ.

— Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе. С.-Петербургъ.

1888. — Отвѣтъ г. профессору И. Я. Фойницкому. Журн. гражд. и угол. права, кн. 4, стр. 189—198.

— Рѣчь, произнесенная 22 мая 1888 года на диспутѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Тамъ же, кн. 7, стр. 57—84.

1890. — Смертная казнь при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Тамъ же, кн. 1, стр. 51—60.

— О мошенничествѣ по русскому дѣйствующему праву. Юридическая Лѣтопись, т. II, стр. 373—410.

1891. — Самовольное пользованіе по русскому дѣйствующему праву. Тамъ же, т. I, стр. 271—290.

— Обида по дѣйствующему русскому праву. Тамъ же, т. II, стр. 113—142.

1892. — Отъ редактора-издателя. Прощальное слово. Тамъ же, т. II, стр. 347—350.

1893. — Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ. Актовая рѣчь въ С.-Петербургскомъ университетѣ 7 февраля 1893 года. С.-Петербургъ. (Журн. гражд. и угол. права, кн. 4, стр. 1—24).

— Портретъ. (Изъ воспоминаній). Книжки «Недѣли», № 10, стр. 104—125.

1894. — Уже немногіе. (Портреты съ натуры). Тамъ же, № 1, стр. 79—110; № 2, стр. 41—69; № 3, стр. 136—149; № 4, стр. 103—146.

— Разборъ изслѣдованія Александра Филиппова: О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою. С.-Петербургъ. (Оттискъ изъ Отчета о тридцать пятомъ присужденіи наградъ графа Уварова).

— Отъ редакціи. Журналъ Министерства Юстиціи, кн. 1, стр. 1—5.

— Постановка вопросовъ при возбужденіи сомнѣнія о вмѣняемости. (Дѣло Линевича). Тамъ же, стр. 133—147.

— С.-Петербургское юридическое общество и его журналъ. Тамъ же, кн. 2, стр. 205—207.

— Два слова по поводу дѣла Степанова. Тамъ же, стр. 207—211.

1895. — Опредѣленіе размѣровъ наказанія. Тамъ же, кн. 3, стр. 156—157.

— Дѣло объ убійствѣ Кедрова. Тамъ же, стр. 158—232.

1896. — Николай Адріановичъ Неклюдовъ († 1 сентября 1896 года). Тамъ же, кн. 8, стр. 212—220.

1902. — Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Очерки. С.-Петербургъ.

1906. — Къ ученію о преступленіяхъ религіозныхъ. Журналъ Министерства Юстиціи, кн. 4, стр. 13—49.

— Вводная статья о задачахъ и цѣляхъ газеты „Окраины Россіи". Окраины Россіи, № 1, стр. 2.

— Врагъ у воротъ. Тамъ же, № 40, стр. 672—675.

— Русскій Духъ. С.-Петербургъ (2 изд.—1907 г.).

1907. — Новый финляндскій сеймовый уставъ. Окраины Россіи, № 3, стр. 40—42 (Библіотека Окраинъ Россіи, № 1).

— Новыя тучи на финляндскомъ горизонтѣ. Тамъ же, № 15, стр. 233—235.

— Поляки въ авангардѣ инородцевъ. Тамъ же, № 18, стр. 273—278 (Харьковъ, 1 изд.—1907 г., 2 изд.—1908 г.).

— Финляндское уголовное уложеніе. Библіотека Окраинъ Россіи, № 2.

— Финляндская сказка про бѣлаго бычка. Окраины Россіи, № 39, стр. 255—262.

— Финляндцы раскрываютъ карты. Тамъ же, № 40, стр. 571—573.

— Лучъ свѣта. Тамъ же, № 47, стр. 684—685.

— Ѣшь меня, Собака! (Наша главная болѣзнь). С.-Петербургъ.

— Старый городъ въ революціи. Харьковъ.

— Нѣмые свидѣтели. (Практика осмотровъ). Вѣстникъ Полиціи, 1907—1908 г.: № 1, стр. 11—14; № 2, стр. 15—16; № 4, стр. 7—10; № 5, стр. 13—16; № 7, стр. 11—13; № 10, стр. 7—9; № 13, стр. 6—10; № 16, стр. 6—8; № 18, стр. 7—9; № 20, стр. 8—10.

1908. — Рѣчь на третьемъ Бобриковскомъ обѣдѣ. Окраины Россіи, № 6, стр. 87—88.

— Русское Окраинное Общество. Рѣчь въ первомъ собраніи 27 апрѣля 1908 года. Тамъ же, № 18, стр. 265—270.

— Шесть дней въ Вильнѣ. Тамъ же, №№ 35—36. стр. 499—503.

Библиотека
Института Права

Типографія СПБ. тюрьмы, Арсенальная наб., 5.